

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР,
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомед Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Альберт Тюбеев
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

4. 2010

ИЮЛЬ–АВГУСТ

В 2004 году издательство М. и В. Котляровых впервые в России опубликовало роман Константина Чхеидзе «Страна Прометей» (1930) – светлое и пронзительное повествование о людях Кабарды и Балкарии, их менталитете, образе жизни и духовных ценностях. И вот новая встреча с удивительным писателем – к читателю пришел роман «Крылья над бездной», написанный в 1942 году и до сих пор так и не изданный на русском языке (на чешском печатался во фрагментах).

Написанный ярко, образно, афористично, отмеченный местным колоритом, узнаваемыми реалиями горского быта, роман «Крылья над бездной» никого не оставит равнодушным.

В книгу включены предисловие Анастасии Гачевой, издательское послесловие, а также воспоминания дочери писателя – Марии Чхеидзе, широко проиллюстрированные фотографиями из семейного архива, большинство из которых публикуется впервые.

К 85-летию Валентина Кузьмина

Валентин Григорьевич Кузьмин родился 30 августа 1925 года в г. Киеве, – русский писатель. Детство и юность прошли в Севастополе, городе русской боевой славы, историческое прошлое которого оказало немалое влияние на формирование интересов и личности будущего писателя.

В 1943 г., по окончании девятого класса средней школы, восемнадцатилетним юношей Валентин Кузьмин призывается на военную службу. Вначале он – курсант Могилевского пехотного училища. Но через восемь месяцев он уже на фронте в составе минометной роты 182-й гвардейской стрелковой дивизии. В боях за Днепр Валентин Григорьевич был тяжело ранен. После долгого лечения в госпиталях его направляют в Грузию в школу младших авиаспециалистов, а по окончании ее он снова на фронте. В составе 650-го бомбардировочного авиаполка Рижской дивизии, где он служил в качестве моториста, он дошел до Берлина.

Демобилизовавшись, Валентин Кузьмин приезжает в Нальчик. «В Нальчик я приехал сразу после войны... Поселился я здесь навсегда, и Кабардино-Балкария стала второй моей родиной. Поэтому и близки мне горы и горцы, их судьбы, их жизнь и слава», – писал Валентин Григорьевич позже в книге «Меты».

Работал он учителем в школах г. Нальчика, зав. редакцией в книжном издательстве республики, членом правления Союза писателей КБР и председателем правления Литфонда, секретарем СП КБР. Где бы он ни трудился, к нему относились с любовью и восхищением, как к писателю, переводчику и как к человеку с доброй душой.

Им были написаны такие произведения, как повести «Галочка» и «Без отца»; романы «Мы с Сергеем», «Мой дом – не крепость», «Своя ноша», «Трамвай издалека, или Благополучная жизнь»; книга эссе «Меты».

В настоящее время Валентин Григорьевич пребывает в расцвете творческих сил, и редакция «ЛКБ» желает ему доброго здоровья, семейного благополучия и новых высот в творчестве.

Валентин КУЗЬМИН

ПОД ЗНАКОМ ДЕВЫ

Глава из нового романа*

...поди, восстанови,
Когда забыта древняя загадка,
На чем держалась каменная кладка:
На верности, на правде, на любви.

О. Берггольц

Эжени, как офранцузили ее имя в Смольном институте благородных девиц, слыла среди товарок восторженной, легко воспламеняющейся натурой, но в иных случаях не по возрасту практической и прямодушной.

Полное имя – Евгения Николаевна Стржелецкая, горячо любимая дочь своего вдовствующего отца, столбового дворянина Российской империи, потомка славного шляхетского рода, восходящего по боковой генеалогической ветви к самим Радзивиллам.

Николай Карлович, отец Евгении, служил в русской армии в качестве пехотного полковника, участвовал в подавлении мятежей на востоке страны под командованием знаменитого Белого генерала Скобелева, нареченного так молвой до большевистского переворота семнадцатого года, разделившего Россию на красных и белых, – просто генерал не снимал белоснежного парадного мундира и эполет в самых жестоких сражениях под Хивой и Кокандом, словно заговоренный от вражеской пули. Стржелецкий был тогда контужен, стал туговат на ухо.

В семье царил дух деда Эжени Карла Генриховича, генерала от инфантерии, выходца из Польши, принятого ко двору императрицы Екатерины Великой, будучи приближенным ею за открытый нрав и рыцарскую галантность, коей шляхтич Речи Посполитой сумел очаровать влюбчивую царицу задолго по своей скандальной женитьбы на цыганке-найденныше. Безусым юношей удостоился он чина флигель-адъютанта, получил не одно поместье в подарок за остроумие и находчивость на царственных посиделках. Впрочем, заметны были и его воинские заслуги перед московским тронem. В 1812 году люди его отличились в боях под Малоярославцем, а преследуя отступавших французов, едва не пленили маршала Даву, чудом ускользнувшего с несколькими приближенными.

Крымская война стала для него последней. Кавалер орденов Андрея Первозванного, Святого Владимира и Святой Анны с бриллиантами, он погиб от осколков ядра в январе 1854-го. Погребен на Братском кладбище в Севастополе.

---

* Условное название – «Золотое сечение».

Эжени росла в обстановке усадебного быта той поры, когда вольнолюбивые веяния проникали во все слои русского общества, коснувшись и Стржелецких: Николай Карлович одним из первых в Витебской губернии освободил своих крестьян, не дожидаясь монаршего манифеста 1861 года.

Русско-польско-цыганское происхождение потомков генерала Карла Генриховича наложило на них отпечаток не столько внешний (все – черноглазые брюнеты), – они скорее были подвержены чувству, нежели разуму, – отсюда независимый, пылкий нрав, отличавший Евгению Николаевну.

Владения Стржелецких примыкали к землям графа Безобразова, единственного сына однополчанина Николая Карловича. Молодой Иван Безобразов поражал особой красотой, красотой строгой мужественности, – чем дольше смотришь, тем больше видишь! – красотой, так не вязавшейся с его порывистым, чудаковатым характером.

За глаза его называли прожигателем жизни, комильфо, питерским донжуаном, – каких только эпитетов не насобирает он, молодому войдя в высший свет Северной столицы. Кое-кто даже сравнивал его с пушкинским Онегиным: роман тогда появился в книжной лавке Смирдина.

Ивану Безобразову не сравнялось и десяти лет, когда родители его умерли от модной в те времена инфлюэнцы, то есть гриппа с осложнениями, как этот коварный недуг именуется в наши дни.

До совершеннолетия Ивана обширным поместьем управлял его дядя, приехавший из Санкт-Петербурга не столь часто, чтобы серьезно влиять на воспитание мальчика, коим занимались не весьма прилежные бонны и гувернеры. Потому и было заключено: малый, предоставленный большею частью самому себе, вырос то ли бирюком, то ли невростеником, то ли без царя в голове, судя по его выходкам и затеям.

Несправедливое суждение постепенно утвердилось в округе, несправедливое, как покажет время, ибо жизнь поставит перед ним нешуточный выбор, и он проявит себя, как истинный джентльмен и праведник. Но не станем забегать вперед.

Пока же Иван Безобразов, двадцатисемилетний светский молодой человек, образованный и начитанный, на правах сына бывшего однокашника Николая Стржелецкого, отца Жени, частенько навевался к соседям, весело поддразнивал обидчивую девчущку, которой льстило внимание взрослого мужчины, героя столь многих противоречивых историй и рассказней. Он никогда не являлся без подношений для девочки-подростка, явно не свободной от тайной влюбленности в обаятельного красавца, представителя одной из аристократических фамилий России.

Началось это еще до поступления Евгении в Смольный.

***

В Смольном институте Евгения Стржелецкая, поступившая туда в самом начале преобразований Ушинского, застала полною мерой муштру, косность, жестокосердие, наказания стоянием в столовой в то время как

другие воспитанницы уничтожали до коллик надоевший габер-суп¹, драчену², или вечерние бутерброды с зеленым сыром, – эти блюда менялись на котлеты с французским горошком или ростбиф, а на десерт – стрюдель, испеченный поваром немцем, – но только в праздники, или в дни высочайшего тезоименитства.

Холод в дортуарах, вытертые байковые одеяла, ночные сорочки с широченным воротом, отчего к утру рубаха сползала ниже талии; доносительство, как всеобщее состояние духа и мыслей подростков, подсиживание, недобрые подначки и насмешки над слабыми и безответными – естественное дополнение ко всем прочим прелестям государственной институтской жизни.

Девочки-смолянки привыкали. Но по-разному.

Евгении тут мешали и ее романтические устремления, и привычка рубить правду-матку сплеча.

По воскресеньям для обеих половин Смольного происходили свидания институток с родными и близкими. Николаевская половина предназначалась для дочерей чинов не ниже полковника, или статского советника, а также потомственных дворянок; Александровская половина, или Александровское училище, – для дочерей чинов не ниже штабс-капитана, протоиреев и священников.

Актовый зал производил помпезное впечатление, хотя и несколько поблек за последние годы. Высоченные потолки с позолоченной лепниной карнизов и центральной розетки, под которой висела, освещая залу, громадная люстра с витыми плафонами из хрусталя. Резные с позолотой двери, обтянутые голубоватым узорным штофом стены, фигурный паркет разных древесных пород, – все надежно, прочно, надолго, как и само здание, сегодня занятое питерскими властями, – роскоши и удобств власть не чурается во все времена. Позади главного корпуса – кафедральные собор и часовни по углам сада работы Растрелли. Там воспитанницы во главе с тапап отстаивали литургию, молились, руководимые духовными пастырями, или по собственному разумению.

...Шло воскресенье. В актовом зале – людно, шумно. Одних нарядов не перечесать. Дамские платья с высокими лифами и кринолинами, – шелк, бархат, гро-муар, атлас, – на любой вкус! – строгие сюртуки партикулярных посетителей от статского до тайного советника и камергера, военные мундиры любых родов войск, – пехота, артиллерия, гусарские доломаны и ментики, – кадеты, юнкера, гимназисты, – поди, разбери, где тут отец, мать, брат, сват или дядька, а где – притаившийся юный незнакомец с прошлого бала, – ах! Как танцевал он, смело и упоительно, как не ответить на его чудом доставленную записку и не позвать на всеобщее посещение: народу множество, авось, не заметят и удастся, улизнув от зоркого ока начальницы, удрать в сад и пофлиртовать с бравым кадетом.

Отец собирался придти во второй половине дня, ухажеров у Евгении

¹ Габер-суп – овсяной суп.

² Драчена – запеканка из яиц, молока, муки.

пока не возникло, но она все же надела бальное платье: не сидеть одной в тоске и досаде. Но долго ей не пришлось прокисать в одиночестве. Увидев Ивана Безобразова, входившего в залу, она залилась краской и приняла безразличную позу, отвернувшись к окну.

– *O, quando finieris et quando sessabis universa mundi*,¹ – услышала она за своей спиной его мягкий бархатный баритон.

Наверное, он мог бы петь в опере, подумала она, но вслух сказала:

– Зачем же вы посетили столь пустое предприятие? Это *primo*², а *secundo*³ – сегодня воскресный день, и мы свободны в выборе языка. Латынь не обязательна.

– Ах, вот как? – развел он руками. – Я всегда отстаю. Я считал, что у вас вся неделя расписана... по языкам. *Domine, non sum dignus*.⁴ Но вот моя индульгенция, – он протянул ей коробку. – Обещаю, больше латыни не будет.

– Что это?

– Откройте. Маленький презент... на правах соседа. Николай Карлович знает.

– Вы кого угодно уговорите, – она сняла крышку. Глаза ее засияли. – Господи! Да я же засматривалась на них в Пассаже!

– Ну вот и чудесно!

В коробке с крышкой из искусственного стекла – набор черепаховых гребней, предмет желаний Евгении. Ее можно было понять: обладательница роскошной кудрявой гривы черных, как смоль, волос, она причесывалась по несколько раз на дню, поминутно получая замечания за вольную куафюру⁵. А что делать? Они не слушались, пышные, блескучие, тяжелые волны, ниспадавшие ей на плечи.

– *Eratant*⁶, – прошептал Иван, когда Евгения провела гребнем по голове.

– Граф, вы перешли на французский?

– Машинально, – ответил он, не спуская с нее глаз.

Она снова покраснела.

Но разве не хороша?..

В свои неполные шестнадцать лет, рослая не по годам, с талией «в рюмочку», длинными ногами, что без труда угадывались, невзирая на пышную, кринолином, юбку; смуглое прекрасное лицо с бездонными черносливыми глазами, некоторая еще скованность движений, угловатость, хотя во всей ее стати, в манере держаться, наклоне головы угадывалась порода.

Иван Безобразов был посвящен в историю ее происхождения, знал о ее деде, герое Севастопольской обороны, и о безродной генеральской

¹ О, когда ты кончишься и когда прекратишься, всеобщая мирская суета! (лат.)

² Во-первых (лат.).

³ Во-вторых (лат.).

⁴ Недостоин я, Господи!

⁵ Куафюра (фр. *coiffure*) – прическа.

⁶ Восхитительно (франц.).

жене-цыганке, ставшей в зрелые годы, благодаря неповторимому контрасту, украшением петербургских дворянских гостиных. Но он знал и саму Евгению Стржелецкую, которую, пользуясь соседством, навещал с ее детских лет, что затем стало привычкой, добрым обыкновением, без чего ему становилось все трудней обходиться. Что это было? Любовь? Привязанность к славной девчонке, за взрослением которой он, по Божьему промыслу, наблюдал с раннего ее детства? Кто знает?..

Она спрятала гребень в коробку.

– Спасибо, конечно, но...

– Почему «но»? Не прячьте от меня ваши beaux yeux¹.

– Опять комплименты?

– Выйдем в сад? – предложил он. – Здесь шумно. Не беспокойтесь, с вашей начальницей мне au fond² удалось познакомиться... Она весьма милая дама.

– Да уж... пожалеть ее некому...

– Я люблю, когда вы сердитесь!

– Ладно. Идемте в сад. Но она нас и там не оставит своим вниманием.

Вы не видите? Следит...

– Ничего, – усмехнулся он. – Доверьтесь мне...

По желанию Эжени они сели в беседке.

– Хорошо! – с чувством сказала она, показав рукой на дальнюю панораму Невы.

– Вы понимаете красоту, – сказал он. – Потому и...

– Что «потому»?

– Поэтому я... я ergis³.

– В кого же, если не секрет?

– В вас.

– Не надо смеяться надо мной, – сказала она запальчиво. – Неуместны шуточки подобного рода, ваше сиятельство!

– Зачем вы так? – огорчился он. – Не стоит, сударыня... простите меня, – он молитвенно сложил руки. – Я виноват... Я перестал управлять собой, или как еще сказать?.. – Ma chere, vous n'êtes plus in unenfant.⁴ Я теряю голову...

– Не понимаю, – голос ее стал нарочито жестким, чужим. – Вы взрослый человек. Я обыкновенная девчонка, каких сотни только в нашем благословенном заведении. Ну и что же?..

– Вы не знаете себе цену, дорогая Эжени. Да, вы очень молоды, а я стар, как библейский Мафусаил. Но вспомните пример хотя бы из истории вашего рода...

– Деда и бабушку?

– Вот именно. Генералу Карлу Генриховичу было, насколько мне

¹ Прекрасные глаза (франц.).

² В сущности (франц.).

³ Влюблен (франц.).

⁴ Милая, вы уже не ребенок (франц.).

известно, сорок восемь, а невесте его восемнадцать, когда Провидение и Господь соединили их. Жили счастливо. Выходит, не в годах суть. Хотя я, конечно, староват.

Она старалась не смотреть на него. Внутри у нее пели тайные сладкоголосые струны: казалось, все шло к прямому признанию – их встреча, волнительный разговор, непривычно расстроенная речь графа.

Но недаром об Иване Степановиче Безобразове ходили разные слухи в местном дворянском собрании и помимо него, даже среди людей, непрichастных к жизни и судьбе молодого графа. Просто бывают люди, о которых говорят, которые всем любопытны.

Он встал со скамьи, приложил ладонь ко лбу, точно забыл о важном, перед чем остальное не имело никакого смысла, и пробормотал:

– Прошу прощения... Надо же!.. Надеюсь, вы найдете дорогу сами... – и скептически ухмыльнулся какой-то своей мысли, – дорогу назад?.. А куда же? Разумеется, назад...

Она не успела произнести ни слова, а его щегольской бежевый сюртук уже замелькал вдаль, среди зелени, и исчез из вида.

– Ну и ну! – невесело прошептала она. – Не зря его все держат за оригинала...

Больше ничего заметного в тот воскресный день не случилось. Отец приходил, расспрашивал, как ей дается учење, как она себя чувствует, не скучает ли по дому, хватает ли ей всего. Сунул пакет с финиками и деньги.

– На всякий случай, – сказал он.

***

Смольный институт благородных девиц был открыт по воле Екатерины II, по проекту известного педагога и теоретика Бецкого. Цель высшего женского образования в закрытом государственном учебном центре – «вперять в них (детей) охоту к чтению», «возбуждать в детях охоту к трудолюбию, дабы они страшились праздности, как источника всякого зла и заблуждения», призвать к «соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких предрозостей»; советовалось также увеселять юношество «невинными забавами», уничтожая все, что «скукою, задумчивостью и прискорбием назваться может».

На словах – вполне гуманное воспитание. На деле – застарелое ханжество, исходящее как от учительского класса, так и от самой начальницы Марии Павловны Леонтьевой. Не стоит, конечно, забывать и о том, что институт давал знание иностранных языков, гуманитарных и естественных наук, готовил девиц к жизни, замужеству и материнству; учились они и рукоделию. Леонтьева провела в институте сорок пять лет, как протеже императрицы Марии Федоровны, Бог весть чем ей угодившая. Воображала себя средоточием педагогической мысли, хотя ей не было дела ни до какой науки. Евгения застала ее уже девяностолетней, вредной и равнодушной старухой. Тем не менее она имела обширные связи, наработанные монаршим именем, которым вполне сумела распорядиться.

Многие лица светского и духовного звания оказывали ей содействие, а посему от родительских жалоб и возможных протестов классных дам, немало потерпевших от «святого» нрава начальницы, была полностью застрахована.

Перемен она панически боялась, даже самых невинных. Главное – суровая казарменная дисциплина, смирение воспитанниц и всех остальных, строжайшее «наблюдение», чтобы свободные веяния не проникали сквозь институтские стены.

Второе лицо Смольного – инспектриса, мадемуазель Сент-Илер, которую называли тапан. Каждые субботу и воскресенье она сопровождала детей в церковь.

Да, Леонтьеву следовало величать «Ваше превосходительство».

Жене пришлось при поступлении попасть «на разнос» к злобной старухе. Девочка наотрез отказалась надевать короткий камлотовый салопчик для прогулок: он не сходиллся спереди, не застегивался.

– Не успела начать, уже капризничаешь? – холодная костлявая рука Леонтьевой больно схватила девочку за подбородок, приподняв его вверх.

– Салоп мал, – упрямо повторила Женья. – Не лезет.

– Может ты, куфейка¹ вообразила, что здесь будет так, как тебе захочется? А вот и нет. Ступай и надевай, что дают! – ее пальцы судорожно вцепились Жене в бок и ущипнули.

– Ой! – вскрикнула малышка. – Это зачем? Разве вы не знаете: делать больно маленьким нельзя. Я пожалуюсь своему батюшке.

– Да ты, негодница, умна у нас не по летам! – возмутилась начальница. – Чьих будешь? Как фамилия?

– Стржелецкая.

– Не позабыть бы, – с угрозой сказала Леонтьева и кивнула стоявшей рядом классной даме. – Запиши всенепременно...

***

...Ложиться спать в стылom мрачном дортуаре сегодня было легче, чем обычно. Сегодня Иван Безобразов был разговорчив. Раньше такое случалось редко. Молчит, думает о своем. А сегодня сказал, будто влюблен в нее!

Господи! Сколько одиноких вечеров она провела, думая о нем, мечтая – когда-нибудь он признается, как скучно ему, как грустно без нее. А ведь бывает у них в имени чуть ли не каждый день. Она ловила на себе его восхищенный пламенеющий взгляд. И тут же глаза его, и речь, и смысл того, о чем он говорил, становились холодны, рассудочны, чужды, точно он наказывал себя за минутную слабость. Она пробовала представить, как он ведет себя в обществе женщин, среди которых ему, наверно, легко и вольготно, скользит ли он с ними по паркету в петербургских гостиных, или прогуливается по аллеям Летнего сада.

---

¹ Куфейками называли младших воспитанниц.

...Дортуар при свете оплывшей свечи на столе у постовой пепинь-ерки, точно окутанный серым унылым мороком, видом своим навевал тоску. Монотонные ряды продавленных железных кроватей, холодные стены, окрашенные серой масляной краской, ничего лишнего, не на чем остановить взгляд, только на торцовой стене – поясной портрет царствующего самодержца Александра Третьего в облачении главнокомандующего Российского воинства.

Воспитанницы на первых порах клеили хлебным мякишем дагерротипы и снимки родных и близких у своего изголовья. Наутро карточки были сорваны и уничтожены. Нельзя. Некоторые родители рискнули дать дочерям теплые одеяла, но безрезультатно. Не положено.

Чтобы ночью посетить клозет, надлежало надеть стоптанные пантофли, которых на всех не хватало. Ищи в полутьме, шарь под кроватями, или иди босиком. За это наказывали.

Евгении не спалось. Вспоминала все, что осталось за пределами ее институтской жизни.

...Вот она, маленькая, седьмой годик, уложенная нянькой в постель, суховато расцелованная матерью. Иногда, торопясь, та рассказывала ей сказку, растягивая ее на несколько вечеров. Анне Игнатьевне Стржелецкой вечно не хватало времени.

Няню звали Фросей. Сердобольная улыбчивая крестьянка, бывшая Женина кормилица. Будучи православной, она на свой лад отправляла служение Богу.

В детской, расположенной на втором этаже просторного дома, в конце длинного коридора, рядом со спальней матери, у няньки был свой уголок, где она перед сном зажигала свечку и молилась святому отцу Феодосию, чей образок висел тут же. Почему Феодосию, Бог весть, – может, не нашлось у нее другого иконописного лика, и она, привыкнув, не желала иного.

Фрося была строга, если дело касалось твердых, раз и навсегда установленных правил. Она не позволяла Жене подолгу читать в постели, отбирала у девочки книжку, когда для той наступила пора французских романов. Голос у Фроси был сипловат, она покуривала пахитоски, к которым питала слабость и сама хозяйка.

Господи! Все равно, – как чудно, светло текли ее детские годы!.. Женя любила бродить по имению. Ее заносило и в места незнакомые, для барской дочери неподходящие.

Анна Игнатьевна, будучи женщиной деятельной, самостоятельной, при весьма мягком и уступчивом муже, энергии своей находила выход в разного рода увлечениях. Одним из таких весьма неожиданных увлечений стала конюшня, где насчитывалось до полусотни лошадей разных пород и мастей. Николай Карлович не препятствовал, – к лошадям относился, как человек, получивший при рождении толику цыганской крови.

Конюшья Стржелецких обслуживалась солидным штатом жокеев, конюхов, форейторов, грумов и простых рабочих-уборщиков.

Фрося, разыскивая однажды пропавшую барышню, стала свидетель-

ницей ссоры, вспыхнувшей из-за пустяка между двумя конюшыми. Они осыпали друг друга нецензурной бранью.

– Барышня! – возопила Фрося, увидев девочку, с любопытством внимавшую непечатным выкрикам спорщиков. – Барышня! Не извольте слушать этих баламутов! Видать, они запомнили, как надесь валялись в ногах у барыни, моля о прощении за сквернословство!

Оба мгновенно замолкли. Остыв, стали просить няньку:

– Фросюшка, не погуби! Не говори барыне!

– Тот-то, – сказала Фрося. – Ежели красавица наша простит... И маменьке не докажет.

– Да я... ничего, – сказала Женя, не понимая, что, собственно, происходит.

– Ну... ладно уж, – заключила нянька, уводя девочку. – Однако на конюшню боле ни ногой, Жень... Бабай заберет.

Бабай – неслышное, неведомое, бестелесное существо, по-видимому, доброго толка, как решила Женя, ибо ничего плохого он ей не сделал, несмотря на устрашение няньки.

...Евгению было двенадцать лет, когда благополучную семью Стржелецких постигло несчастье.

В тот роковой день Анна Игнатьевна отправилась на верховую прогулку без грума, курносого голубоглазого паренька, предупредившего барыню, – то ли случайно, то ли по наитию, а, может, и провидчески, – о капризах арабский кобылицы, недавно купленной на конских торгах.

Звали лошадку Пенелопой. С виду она казалась смирной, подстать славному имени своему. Но... в разгар прогулки хозяйка слегка тронула ее стеклом, побуждая идти живее. Пенелопа взбрыкнула и вдруг понесла, мигом сбросив всадницу. При падении Стржелецкая ударилась головой о дерево. Никто ничего не видел, а когда ее нашли, все было кончено.

Как ни старались взрослые оградить впечатлительного ребенка от раннего потрясения, девочка на всю жизнь прониклась сознанием неотвратимости смерти.

Анна Игнатьевна, правда, не принадлежала к числу матерей любвеобильных, – напротив, была натурой прохладной, скупой на ласку. Наконец, занятия ее отнимали изрядно времени. Она возглавляла общество дворянских жен, занимавшихся умеренной благотворительностью, затем на нее напало тяготение к вечеринкам, где она могла промурлыкать пару-другую романсов Присовского, – позднее ее увлекли лошади, скачки, тотализатор, – любила выигрывать. На воспитание дочери оставалось мало.

Смерть матери девочка перенесла тяжело. Поблекла, исхудала. Врезались в память долгие церковные и светские ритуалы похорон. И удушливый запах ирисов, словно ввевшийся в постельное белье, занавеси и одежду. Тошный аромат преследовал ее долгие годы.

Николай Карлович старался как-то сгладить случившееся, хотя страдал и сам не меньше дочери. Конюшня тогда пережила понятное запустение. И еще об одном персонаже.

Слугами и лакеями в доме распоряжался пятидесятилетний камердинер Ипполит Евграфович Тихий. Мещанин по происхождению, он

был по-своему импозантен с претензией на замашки великосветские, что заключало в себе известную карикатурность: все, что утрировано, не может избежать усмешки.

В доме все звали его запросто – Ипполитом.

– Ипполит! – просил, бывало. Николай Карлович. – Споровь-ка мне чарочку, но не водки. Наливка еще вроде бы оставалась?

– Слушаюсь, – принимая поистине величественный вид, отвечал камердинер. – Точно так-с, оставалась.

Рюмку он подносил на серебряном подносе внушительных размеров, точно это был ни больше, ни меньше – кубок для короля Артура. Ипполит, почитывавший всякие книжки, отдавал предпочтение переводам с английского, включая историю легендарного короля бриттов.

Свою надменную замаринованность Ипполит выдерживал не всегда и не в любом обществе. Случайно узнав о том, что хладнокровный, если не вовсе бесчувственный старикан, еще до службы у Стржелецких, потерял двух людей, которых никто и никогда так и не смог ему заменить, – жену и дочь, Женя тут же отказалась от покровительственного, насмешливого отношения к Ипполиту. Он тотчас заметил и отплатил ей самой преданной нежностью, на какую способен одинокий стареющий человек.

За общим столом он считал своим долгом самолично прислуживать ей, – подкладывая девочке лучшие куски, стараясь предупредить любое ее желание. В порыве откровенности он скажет: она создана для того, чтобы вызывать поклонение и любовь всех людей, у которых есть за душой нечто стоящее...

– Да благословит вас Господь, добрая наша барышня. Да разве ж можно не уважать, не любить вас?.. За что? За доброе сердце, за правду, за красоту вашу...

Она густо покраснела тогда. Как чисто, тепло отозвались в ней непридуманные слова старого брюзги, каким окружающие считали этого непонятного, не очень счастливого человека...

***

Рано потеряв родителей, Ваня Безобразов твердо усвоил: он мальчишка испорченный, не как все люди, он существо выморочное, чертик во плоти, выскочивший из табакерки. Забавы, розыгрыши, скоморошество его, по словам уездного предводителя, – плод изошренного ума, волею судеб доставшегося отроку высокого происхождения, но нравственности низкой, которой достойного сравнения не найти.

Таков был согласный дворянский приговор Витебской губернии. Однако среди тех, кто знал о юном графе Безобразове, нашлись возжелавшие «споспешествовать его воспитанию».

Но вот беда: он слышать не желал ни о каком «споспешествовании». Есть у него родной дядя, брат отца, изредка приезжавший из Санкт-Петербурга, есть другие дальние свойственники, есть платные учителя и наставники, более десятка тысяч крепостных, мажордом, куча слуг и лакеев, – и никто сверх того ему не нужен. Тем паче, что доброхоты ока-

зывались, как водится, людьми малосимпатичными, ищущими выгоды для себя.

Удивительно, но десятилетний мальчонок, осуждаемый со всех сторон, не озлобился, не обратился во зло «изошренного» отроческого разума своего в образ жизни бесчестный, как могло бы случиться.

Проделки его действительно давали пищу для пересудов, даже исключая из воображаемого кондуитского списка кнопки острием вверх, приспособленные под обтянутый кашемиром французский зад мадам Эвелин Боклен; или смачно нарисованный бумажный кукиш, приклеенный на широкую спину мажордома Рихарда, аккуратиста с немецкой фамилией Шварцбергер; или, того страшней! – появление призрака в спальне гувернантки, завернутого в простыню, и в маске вампира.

Взрослея, Иван становился более остроумным, розыгрыши его некоторые сочли изысканными.

Сам он балагурил, усматривая перст Провидения в самой фамилии, как бы объяснявшей и оправдывающей любые выходки ее обладателя.

Он шалил не потому, что ему нравилось дразнить почтенных провинциалов, озабоченных ловлей женихов для дочерей, засидевшихся в девах, ему просто нравилось шалить.

При жизни отца и матери и после их кончины детство Ванино ни в чем не ведало недостатка.

Игрушек он не любил, если они не требовали хотя бы малого умственного усилия, если в них не содержалось ничего из обыденной, не придуманной жизни.

У него была, занимая целую комнату, электрическая железная дорога, редкость по тем временам, купленная отцом в Мюр-Мюрелизе, как, по имени двух шотландских торговцев, назывался московский магазин, ставший впоследствии ЦУМом. Дядя подарил английское малокалиберное ружьецо с длинным стволом, как у Зверобоя, с прицельным огнем на сто пятьдесят футов, удобным затвором-кареткой. Для британских лордов? А чем он не лорд?..

Наконец, у него был уменьшенных размеров бильярдный стол с номерными шарами из слоновой кости. Он играл на бильярде, как Бог, не зная поражений ни от случайных приятелей, ни от знатных гостей, изредка наносивших ему визиты вежливости.

В саду – площадка для игры в крокет (тоже шары!). Надо было видеть, как лихо он управлялся и тут, первым заканчивая партию и получая права «разбойника», которыми пользовался без церемоний.

Неподалеку – два столба с качелями на цепях, позволявшие редким храбрецам взлетать до верхушек тополей, ограждавших участок.

Развлекательное старье, вроде бильбоке¹, серсо² и бирюлек³, пыли-

---

¹ Бильбоке (*фр. belboquet*) – игра привязанным к палке шариком, который подбрасывался и ловился в чашку.

² Серсо (*фр. cerceau*) – перебрасывание легкого обруча, его надо поймать на палку.

³ Бирюльки – набор мелких деревянных вещичек. Из кучки их надо вынимать по одной, не пошевелив остальные.

лось теперь в одном из пустующих помещений на антресолях: в огромном доме оставалась без применения пропасть незанятых комнат, в одной он в полном беспорядке хранил вещи, переставшие его занимать, не позволяя слугам наводить там порядок.

Здоровья молодой граф был отменного, чему в немалой степени послужили ежеутренние упражнения с гириями, пробежка по кольцевой аллее и купанье в прохладных водах пруда, укрытого густой порослью ветел, макающих в воду кудрявые пряди. Пруд служил также для разведения карпа. Мажордом, основательный немец Рихард, ведал всеми природными богатствами поместья – землей, водою и лесом. В его обязанности входило устройство псовой охоты и уженья рыбы в пруду. Иван Безобразов не жаловал ни того, ни другого, но держал своры борзых и гончих для дяди, заядлого охотника и рыболова.

Сколько помнил себя, Иван был почти членом семьи Стржелецких. Граф Степан Петрович Безобразов в одном полку с Николаем Карловичем участвовал в Хивинском походе Скобелева, следственно, общих тем для воспоминаний и долгих разговоров «о битвах, где вместе рубились они», оказалось предостаточно до самой кончины Ваниного отца и гибели Анны Игнатьевны. Стржелецкий не упускал случая опекать мальчика, стараясь окрасить более чем обеспеченное, но все же сиротское его житье.

Овдовев, Николай Карлович не продал конеферму, оставив все, как было при обожаемой его половине.

Когда Ивану исполнилось восемнадцать, он неожиданно выказал пристрастие к лошадям и природное умение ладить с ними, что тотчас повлекло сначала разрешение пользоваться конюшней Стржелецких по усмотрению графа, а потом и передачу всего конезавода в полную его собственность. Тот в момент овладел премудростями верховой езды и вскоре принял участие в Царскосельских скачках¹, поощряемых императором.

Новые люди... Новые увлечения... Первые влюбленности... Словом, тяга к легкомысленному образу поведения. Но ненадолго. Судьба на этом скользком пути для юноши независимого поведения, словно берегла его от праздности и суеты.

Бывая у Стржелецких, Иван заставлял Евгению за чтением. Пользуясь привилегией чуть ли не брата, или кузена, он дразнил ее, любуясь ребячливостью ее попыток держать удар, что нередко кончалось слезами, пролитыми в своей комнате, в бельведере, так, чтобы он не увидел.

Словом, он относился к ней, как к ребенку.

Перемена произошла через два года после поступления Евгении в Смольный.

...Однажды летом, объезжая на Пенелопе свои владения безо всякой на то надобности, в настроении рассеянном, беспричинно смутном, он повернул к пруду, который одним берегом примыкал к поместью Стржелецких, и вдруг резко остановился перед открытым пространством, за ветлами. И замер от восторга: в мгновение ока слетела с него напуксная ипохондрия.

---

¹ По-английски steeplechase – скачки с препятствиями.

На траве, у воды, щекой на книжке, полулежала Евгения.

– Нимфа! – вырвалось у него. И он не удивился, хотя был уверен, что лишен всяких романтических бредней. – Нимфа!..

В светло-голубом платье (она избегала темных тонов) Женя безмятежно спала, пригретая нежарким утренним солнцем. На голову ее падала тень старой плакучей ивы, на щеках, чуть шевелясь, играли золотые блики, проникавшие сквозь листву; на открытом лице с высоким лбом, обрамленным черными локонами порушенной прически, – покой, умиротворение, точно ясный пронзительный слепок с невнятной пьянящей чистоты, разлитой над серебристой водой, затянутой у камышей зеленоватой ряской, над сторожкой, чувствительной тишиной, которую не нарушить звуком природы и жизни, – ни редким ленивым всплеском нерестившейся рыбы, ни птичьим трелям в кронах деревьев, ни даже далекому стрекоту трактора на полях, где крестьяне, занятые графским хозяйством, заготавливают корма на зиму.

Она красива! – подумал он. Почему же не видел этого раньше?..

Он непроизвольно шевельнул повод, и Пенелопа вышла из укрытия.

– Bonjour¹, – поклонился он, увидев, что Евгения встала и отряхивает с себя травинки. – Простите, я невольно потревожил вас...

– Вы простите меня, – она смутилась. – В сущности, здесь ваша земля.

– Разве мы не хорошие соседи с незапамятных времен? – он оставил лошадь и подошел ближе. – А можно узнать, что вы читаете?

– «Страдания молодого Вертера».

– Похвально, – улыбнулся он, все еще не зная, о чем говорить, но не желая тотчас отпустить ее. – Vieux jeu², – сентиментальная история.

– Сентиментальная – да, – согласилась она. – Но не старомодная, разве любовь может устареть?..

– Не может, – кивнул он, но смотря как о ней написать...

– Время было другое...

– Вы правы. Оно вошло в историю, как период Бури и Натиска. Sturm und Drang. Наверное, вы слышали, что штюрмеры отрицали феодализм как строй, превозносили искусство и литературу, но только в рамках национального... Вожди – молодые Шиллер и Гете...

– Да. Нам рассказывали на лекциях по словесности...

– А знаете, чем еще знаменит Вертер?

– Чем же?

– Роман вызвал сотни самоубийств во имя любви... Впрочем, я думаю, Вертер сам виноват в своих страданиях и злключениях.

– Почему?

– Dans Zamour ij y a toujous un qui almer³, – он не знал, или забыл об этом. Безответная любовь ma chere Евгения.

¹ Здравствуйте (франц.).

² Старомодная (франц.).

³ В любви всегда один любит, другой позволяет себя любить (франц.).

Он продолжал открыто любоваться ею.

– Mais c'est une horreur ce que vous dites la monsieur! ¹

– Но я говорю так, потому что j'en s'ais quelque chose, madame, ² – пожал он плечами. Да, она кажется старше своих лет. Вот и с французским у нее все в порядке. А неловкость оттого, что застали спящей, – хорошо хоть вовремя проснулась. И он понимал, что интересен ей, как всякий видный мужчина, знающий себе цену.

– А знаете, – стараясь не сбиться на менторский тон, продолжал он, – я бы рискнул посоветовать вам что-нибудь из русской классики... Лескова, например.

– «Левша» – его?

– Да, но и романы... «Соборяне» – один из лучших. Картины русской поместной жизни. Мы с вами родом оттуда... Или Тургенев. Правда, я не поклонник его больших вещей: многовато политики. А вот «Вешние воды» и «Записки охотника» – это великолепно.

– У нас библиотека, можно сказать, военная. Папа собирал.

– Я приглашаю вас посетить нашу. От родителей мне досталось огромное собрание. Мой расчетливый немец Рихард все подсчитывает и записывает. Он уверяет, что в нашей библиотеке двадцать тысяч книг. Есть редкие, чуть ли не инкунабулы.

– Я... я не знаю, что такое инкунабулы, – простодушно заявила она.

– Vous êtes charmante! ³ Ваши институтские подружки, уверен, нипочем не сознались бы в своем неведении.

– Но я, правда, не знаю.

– Инкунабулы – от латинского – начало, первые шаги. Имеются в виду издания, вышедшие на заре книгопечатания, то есть до 1501 года. Они внешне напоминают рукописные...

– Спасибо за науку, – сказала она просто. – Я люблю узнавать новое... Зашелестели кусты, показалась крупная фигура мажордома.

– Прошу прощения, ваше сиятельство, – поклонился он. – К вам исправник пожаловали-с. – Он повернулся к Евгению. – Здравия желаю, барышня.

– А что понадобилось исправнику в наших палестинах, Рихард?

– Jch weibnicht, ⁴ ваше сиятельство.

– Надо было дать ему водки и спровадить, – с досадой сказал Иван. – Вы уж извините, Евгения Николаевна, приглашение в мою библиотеку остается в силе. Если пожелаете, завтра я зайду за вами...

– Спасибо, – сказала она. – Прощайте, желаю вам не слишком скучать с исправником. Нудный господин.

– Да уж, – махнул рукой Иван и, взяв Пенелопу под уздцы, повел ее в поводу... Рихард последовал за ним в вежливом отдалении.

¹ Ведь это ужасно, то, что вы говорите! (франц.).

² Мне кое-что известно об этом, сударыня (франц.).

³ Вы очаровательны (франц.).

⁴ Я не знаю (нем.).

Теперь они бродили по саду, совершали верховые прогулки в окрестностях обоих имений. В материнском гардеробе Евгения обнаружила костюм амазонки, который после Фросиного – «резать, ушить, подправить» – стал ей впору, и выглядела она в нем, по общему признанию, превосходно.

Она не задумывалась, чем вдруг заинтересовала Ивана, – это казалось необъяснимым, – он умен, никакого сравнения с ней, шестнадцатилетней наивной институткой; он много читал, наверное, нет такого, о чем вовсе не имел бы понятия. Изнутри постиг светскую жизнь, хотя был убежден в ее никчемности и пустоте.

...Библиотека Безобразова размещалась в огромном зале, уставленном до потолка книжными полками. Посередине – диван, кресла, стол с малахитовой столешницей. Иван, пригласив Евгению сесть, велел слуге подать фрукты, сладости и легкое красное вино. Она лишь пригубила рюмку.

Иван улыбался краешком губ, но не настаивал. И, если бы она была чуть более уверена в себе, в собственной красоте, силе и власти, тотчас сообразила бы, в чем тут дело. Он влюбился. Он влюбился в нее, несмотря на ее юность, неопытность, девические представления, несмотря на немереное расстояние, которое их разделяло.

И он не позволял себе никаких вольностей.

И она сомневалась.

Разговоры между ними возникали как бы сами собой. Стоило Евгении заикнуться о чем-то, как Иван моментально подхватывал с должной серьезностью или, напротив, с неуловимой иронией. Он понимал естественность ее сопротивления, которое проступало на каждом шагу, и, видимо, казалось ей надежной защитой от нахлынувшего на нее первого чувства, хотя ничего неслучайного, обдуманного загодя, в ее поведении не было. Как у Пушкина: «Душа ждала кого-нибудь».

Они снова встретились в библиотеке Безобразовых, когда Евгения окончила институт. Иван, по обыкновению, подтрунивал над девушкой:

– Могу себе представить ваше состояние на выпускном балу: сам император ангажировал вас на мазурку!

– Все-то вы знаете. Его величество прошел со мной полный тур, – не без гордости заявила она.

– Сочувствую. Батюшка-царь, хоть и невелик ростом, но крепок и в объёме не мал, а посему вряд ли ловок в танцевальных позициях?

– Он очень хорошо танцевал...

– Но... могу догадаться, – не унимался он, – от его сапог за версту несло гуталином, а от пробора – фиксагуром: правитель наш, говорят, обожает всяческую парфюмерию.

– Vous dites toujours des bêtises,¹ – возмутилась она.

– Je ne suis jamais plus sérieux, madame, que quand jedis de bêtises.²

¹ Вы всегда говорите глупости (франц.).

² Я всегда серьезнее, сударыня, когда говорю глупости (франц.).

– По отношению к монарху, ваше сиятельство, это faux pas.¹

– Vous êtes charmante! – рассмеялся он. – Разумеется, бестактность, если выпалить такое в глаза Александру Павловичу. Но он ведь нас не слышит. А как Пушкин честит его в эпиграмме? Слышали?

– Нет, и не хочу.

– Я все же попробую вспомнить... – И он продекламировал: – Начало забыл. А в конце так:

Зернов, хромаешь ты ногою,
Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпичем?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицем!

– Каково?

– Я же сказала: не желаю слушать. Не мне судить Пушкина. Но подрывать устои... или как еще сказать? Это ведь не к добру... а к беспорядку. А вы злой! Лишь бы посмеяться над несмышленной курсисткой, – она встала из-за стола и пересела на диван, попытавшись перенести разговор на другое:

– Лучше скажите, откуда у вас в доме, у человека, понимающего моду, мебель позапрошлого столетия? A la madam Recamier²?

– Насчет художественного чутья – я пас. Вкус – штука капризная. Не всем и не всегда дается. А насчет мазурки с царственным кавалером – это прекрасное воспоминание. Расскажите. Я ведь не знаю подробностей.

– Собственно, ничего особенного. Оркестр уже начал играть, когда появился император... Ну, все смолкло. Он поздоровался с начальницей, с татап и классными дамами. Потом пошел по нашему ряду.

– И выбрал вас?

– Да.

– У него острый глаз и хороший вкус.

– Вы опять за свое!

Он налил вина, поднес ей рюмку.

– Выпейте хоть глоток. Это Шато Лафит Ротшильд. Одно из великих вин Франции. Виноград для него выращивают только в провинции Бордо, на левом берегу Гаронны. Делают там и другие редкие вина. – Шеваль Блан, к примеру. А Шато Петрюс вовсе вне конкуренции...

– Я слышала, в вине есть так называемый букет?

Он усмехнулся.

– Тут мне известно многое. Помимо букета, в характеристике вин есть такие понятия, как амплитуда, интрига, способность к старению... – лицо его исказила недобрая гримаска: – Я ведь отдал несколько лет жизни этому движению. Засасывает! Страсть к вину не лучше любой иной страсти.

¹ Бестактность (франц.).

² Как у мадам Рекамье (франц.).

- Но вы же бросили?
- Надеюсь, что да. Parlons d'autre chose¹, выпейте.
- И правда, вкусно. Но... немного терпко.
- Вы могли бы дегустировать. Оно действительно терпкое.
- Давно хотела вас спросить, – она показала на большой лист под одной из книжных полок с изображением зодиакальных созвездий. – Кто вы, граф? Каков ваш знак? Если иметь в виду вашу... вредность, простите...
- Скорпион?
- Да, – искренне улыбнулась она.
- Я Дева. Разочарованы?
- Нет. Но не думала...
- Вообще вся моя жизнь нынче – под знаком Девы, – тихо сказал он.

***

– Давно хотел спросить тебя, дочка, – сказал Николай Карлович за завтраком. – Верно, скучаешь со мной, старым пнем? Подружек-то нет, разбегались, кончив ученье. А твой старик сидит за военными записками... строчит и строчит. Может, оно никому и не надобно?..

– Что ты, пап? Ты воевал. Столько видел. И не думай. Чего мне скучать? Книжки читаю. У нас не достанет, так у графа Ивана Степановича попрошу. – Она была довольна собой: ничуть не покраснела, назвав имя графа.

– Нынче модно сделалось мемуары кропать, – продолжал Николай Карлович. – Не знаю, правда, как наш Михайло Дмитрич², ему-то есть о чем вспомнить. Да и без того память о нем не пропадет... Матушка его на свои кровные под Шипкой чудный храм поставила его имени. А сами болгары генералу памятник воздвигли в Плевне, где он, как и на Шипке, с османами воевал...

Отец достал табакерку, понюхал щепотку табаку, побряхтел.

– О Скобелеве памятка. – Николай Карлович закрыл табакерку, сверкнувшую изумрудом на крышке, спрятал в карман шлафрока. – Его вещь. В Коканде после баталии мне и вручил...

Ей не терпелось уйти. Вот, разговорился отец.

– Ты графа упомянула, – сказал он. Не наскучил ли он тебе? Почитай каждый день является. Хоть и граф, и сын друга моего, царствие ему небесное, однако шальной. Сказывали, с дворовыми девками на речке вчера негожие пряталки затеял. Чудит...

– Какие прятки? – она напряглась.

– Толком не понял. В дворянском собрании, в городе, под вечер слышал. Поиграл там часок на бильярде.

– Вам, батюшка, только бы шарики гонять, – с досадой сказала Евгения.

---

¹ Поговорим о чем-нибудь другом (*франц.*).

² Михаил Дмитриевич Скобелев, генерал от инфантерии (1843–1882) участвовал в завоевании Средней Азии (Хивинский поход – 1873).

– Виноват, Женюшка. Армейская привычка. Нет-нет, да и потянет... к шарикам-то. Любил я в молодости.

Отец начал вспоминать разное, но она уже не слушала.

– Пап, я пойду к лошадам.

– Одна не ездит верхом, – сказал отец. – Граф-то, чай, будет?

– Обещал.

... У конефермы Безобразова не оказалось. Она спросила у старшего конюха:

– Граф Иван Степанович не был?

– Приходили-с, – он спрятал ухмылку в усах.

– А что смешного? – спросила она с досадой.

– Ничего-с... однако...

– Что?

– Барин Николай Карлович приказали не седлать лошадей молодому графу, ежели...

– Да говорите же!

– Они... того-с. Выпимши. Пенелопа не уважает, энта с норовом.

– Ладно. Можете идти... – Евгения не удержалась и порозовела. С какой стати он вдруг напился? Она обернулась. – Любезный!

– Что прикажете, барышня?

– Он... он сильно пьян?

– Нет-с, не так чтобы... но видно-с. И запах.

– Ступай.

***

Граф сидел на скамье, возле качелей. Вскочил при ее появлении, подошел, хромяя и опираясь на трость.

– Что с ногой? – кивнула она на его приветствие. Он услышал раздражение в ее голосе.

– Понятия не имею. Mais c'est tout comme,¹ не о том я хотел говорить с вами сегодня.

– Сядем, – сказала она. – Вы, видно, забыли: третьего дня мне стало дурно на качелях. Вы остановили их, – подставили ногу. И побледнели от боли.

Агатовые глаза его вели себя беспокойно, избегая ее. Вид растрепанный, удручающе тусклый, – как после бессонной ночи. На щеках – нездоровый румянец.

– Вы пили?

– Да. Со вчерашнего дня.

– А до того занимались непотребными играми с дворовыми девушками?

– Доложили, стало быть, вам... – он упрямо повел головой. – А не приходило в голову, в вашу хорошенькую головку, что сие вас не касается?

Она не ответила. Сидела злая, холодная, поджав губы.

---

¹ Но это не имеет значения (франц.).

– Ладно, – сдался он. – На вас нельзя рассердиться всерьез. *Za vérite parle par la bouche des enfants.*¹

– Ошибаетесь! С младенчеством я распрощалась. И не буду прятаться за избитыми фразами...

– Мне нечего скрывать, – пожал он плечами. – Извольте. Я расскажу о своих непотребствах.

Добрая слава лежит, а худая бежит.

Иван Безобразов давно перестал обращать внимание на любую напраслину, возводимую на него людьми завистливыми, лживыми, мстительными: врагов нажил себе довольно, – ангельским терпением не обладал, умел отвечать на оскорбления и обиды быстро и жестко.

На сей раз графская шутка случилась по причине скуки, одолевшей его, когда Евгения с отцом уехали к ее тетке в Гатчину.

Делами поместья граф не занимался вовсе, целиком полагаясь на Рихарда, а потому и не имел понятия о неписаном уставе для дворни, заведенным мажордомом в имении на немецкий лад: твердо, выгодно, незыблемо. Девичьей прежде ведала хозяйка Анна Игнатьевна. Теперь же работой и бытом девушек распорядилась самая бойкая и красивая девка – Васюта.

Граф в мизантропическом настроении слонялся по усадьбе, не зная, куда себя деть. Евгении нет, задержится у тетки на несколько дней.

Пенелопу на ферме Ивану не дали, – там по-прежнему считали владельцем Николая Карловича. Безобразов окончательно разозлился, собираясь снова вооружиться бутылкой вдовы Клико, дабы утолить скуку.

Навстречу ему толпой шли дворовые девушки.

– Куда собрались? – безразлично спросил он.

– На речку, – ответила Васюта. – Скупнуться, ваша милость. Потом – в лес, по землянику. Пospела уж...

Он молча махнул рукой. Они скрылись за скирдой, спускаясь к реке. Безобразов, сам не зная зачем, спрятался за скирдой. Девки сбросили верхнее платье, оставшись в длинных белых рубахах-исподниках. Так и полезли в воду.

На траве лежали их одежды. Чуть в стороне – кофта и юбка Васюты, по общему признанию, одной из первых крестьянских красавиц округи. Тут же сверток Пелагеи, ее постоянной соперницы. Они вечно соперничали, начиная с одежды и кончая ухажерами, в которых у Васюты не было недостатка, в отличие от Пелагеи, – парни почему-то обходили ее стороной.

Граф тростью подвинул к себе одежду Васюты и сунул ее в сено.

Выйдя из воды в мокрых, прилипавших к телу рубахах, девицы выглядели комично, и Безобразов едва не рассмеялся в голос. Остановил его возглас Васюты:

– Палашка! Ведьма! Ты мое платье запрятала?

– На беса сдались мне твои обноски?!

¹ Устами младенца глаголит истина (франц.).

– Ты глянь! Брешет и не заикается! А ну, тащи, давай, не то хуже будет! Окромя тебя, некому.

Они препирались недолго, – вцепились друг другу в волосы. Никто не решался разнять.

Безобразов вышел из-за скирды.

– Довольно, девки! Будет! – и бросил на траву одеяние Васюты. – А чтоб не накладно было, – нате! – он наделил каждую серебряным рублем.

– Чи-сто-га серебра четыре золотника двадцать одна доля! – по складам прочитала грамотная Васюта на реверсе монеты, которую, пожалуй, впервые держала в руках. – А и благодарствуйте, ваша милость! Однако извольте уйтить, одеваться надоть.

– А ежели не уйду? Но заплачу?

– А плати, барин! От графского глаза нас не убудет, чай?

– Ладно. Одевайтесь.

Он ушел. Даже не обернулся.

– Это все? – Евгения испытующе посмотрела на него.

– Да. Ну, еще дал по рублю...

– Господи, какой же вы непутевый! – вырвалось у нее.

– Что ж, *et maintenant-prenez ma tête!*¹

– Нескладная у вас голова, – грустно сказала она.

Покрасневшие после бессонной ночи глаза его, казалось, молили о чем-то.

– Я вот что думаю, – сказал он, как бы удивляясь. – Ведь скажи я тогда, чтобы та же Васюта пришла ко мне в полночь, – и я денег не пожалею, – так пришла бы! Вот где простота нравов, а нравственность продается и покупается!

– Не хочу в это верить.

– Не о вас речь... – он вдруг встрепенулся, заговорил резко, напористо: – А скажи я вам, к примеру, таким же образом... но пообещав лишь одну любовь взамен: буду, мол, ждать после полуночи! Отделаете меня по щекам за пьяное хамство!

– А вы позовите!

И столько вызова, лихой отваги и еще чего-то незнакомо призывного было в этих словах, в самом тоне, каким они произнесены, что граф Иван Безобразов, жуир и дамский угодник, как бы оправдывая эти его ипостаси и поражаясь собственной наглости, раздельно проговорил:

– Я буду вас ждать завтра в полночь во флигеле. Я буду ждать! Приходите!

– Приду! – бросила она. – Но не смейте пить! – и спокойно, неторопливо ушла.

Он схватился за голову.

– Господи! Что я натворил! Ну, вот, *tu l'as voulu Jeorges Dandin!*²

¹ А теперь рубите мою голову (*франц.*).

² Ты этого хотел, Жарж Данден (*франц.*). Фраза из пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве», ставшая крылатой.

Флигель барской усадьбы находился в стороне от дома, представлявшего с фасада типичное дворянское гнездо с колоннами, бельведером и небольшой круглой башенкой над крышей. Во флигеле – несколько комнат, служивших для постоя не слишком именитых гостей, или охотников любого ранга, встававших ни свет ни заря. Здесь они не могли спозаранку перебудить остальных обитателей поместья.

Безобразов, окончательно протрезвев, не посмел испытывать судьбу и не пошел к Стржелецким. Лучше выждать. Может, она простит его дурную выходку.

Но к вечеру он перебрался в пустующий флигель, велел поставить на террасе софу. К полуночи из-за туч выкатилась полная луна, призрачно осветив луговину за оградой, темнеющую вдаль полосу леса.

Безобразов курил сигары одну за другой, роняя пепел себе на колени. В тихом воздухе дымок медленно уплывал прочь.

Репетир карманных часов Ивана прозвонил полночь, и у калитки появилась высокая фигура Евгении. Безобразов вскочил, уронив сигару, обжег пальцы, пытаясь поймать окурков.

– Я пришла, – напряженно сказала она, взойдя на террасу по деревянным ступенькам. На ней – темно-вишневое платье, казавшееся черным при неверном свете луны, на плечах – кружевная мантилья.

– Господи! – взмолился он. – Простите ли вы меня за идиотскую выходку? Поверьте, я не владел собой! – увидев, что Евгению бьет нервная дрожь, он осторожно взял ее за плечи. – Ради Бога!..

– И это все? – услышал он ее прерывистый голос. – Я пришла ради ваших извинений?..

– Вы... чудо! И вы должны знать: я люблю вас. Но... Не смею... не могу. Может статься, никогда не смогу...

Она не дала ему договорить:

– Так вы еще и трус?

Через минуту она его возненавидит, – подумал он с ужасом, а на ум вдруг пришла, – какого черта?! – французская поговорка: *Mais le vin est tire, ie faut le boire*¹.

– Женя, Вы молоды, неопытны... – Боже, какой идиотский бред он несет?! – Вы потом пожалеете...

Она освободилась от его полуобъятий, в глазах ее он прочел презрение.

– Как я могла! Господи, чего я ждала?!

– Я провожу вас домой! – упавшим голосом сказал он.

– Найду дорогу без вас! – И бросила, уходя: – Даже гончаровская Вера уходила с обрыва от Марка Волохова не так пошло...

¹ Но вино открыто, нужно его пить (*франц.*).

² Ш а л е (*франц.*) – сельский домик в Альпах.

***

О причинах непонятого поведения графа Ивана Безобразова, первой и единственной любви своей, Эжени Стржелецкая узнает нескоро.

После ночного их свидания во флигеле графской усадьбы Иван внезапно исчез. Только через год Евгения допыталась у мажордома Рихтера: заболев, Иван уехал в Швейцарию, лежал в частной клинике, а затем поселился, по советам врачей, в высокогорном альпийском шале², где вскоре и умер от саркомы.

Евгения вспомнила о его хромоте в последние дни их знакомства, и гнала прочь мысли о том, что качели и ее обморок могли стать толчком к его смертельной болезни. Видимо, он подозревал тогда...

...Через несколько лет Евгения выйдет замуж за инженера-путейца, красавца с рыжеватой шевелюрой, усиками и легким веселым нравом. Эпикурец, добрый бурш, душа компании, «он и в карты, он и в стих, он и так неплох на вид», – скажет в начале нового века Маяковский, – Дмитрий Илларионов не гнушался интрижек с хорошенькими глупышками, разудалых выпивонов по разным поводам. В конце концов семья распалась. Евгению Николаевну он оставил с двумя детьми, вторично женившись на двадцатитрехлетней сестре милосердия, когда ему было почти шестьдесят.

Евгения Николаевна проживет долгую нелегкую жизнь, забыв о своем дворянском происхождении в «окаянные дни» революции, как назвал их Бунин. Оба имени: одно, принадлежавшее Стржелецким, другое, завещанное ей графом Безобразовым, – оба не минуют «красного петуха», от благодарных крестьян, освобожденных от крепостной зависимости их помещиками еще до царского манифеста.

Когда Евгении Николаевне выпадал редкий случай сесть за фортепиано, она наигрывала и напевала шубертовского «Лесного царя». Иван любил это слушать.

Он вообще боготворил Жуковского¹. Она всегда помнила, как читал ей пророчески звучащий «Кубок»:

Приходит, уходит волна быстротечно,
А юноши нет и не будет уж вечно...

¹ Текст «Лесного царя» Гете перевел на русский язык В. Жуковский.

Зухра ГУЛИЕВА

Цветок балкарской поэзии

В последние годы в круг наук, связанных с Гендерными исследованиями, все активнее вовлекаются не только социальные, философские, экономические науки, но и лингвистика, а также литературоведение. Это обусловлено тем, что осмысление литературы и культуры через призму Гендера дает ценный материал для литературоведения, формируя единый комплекс для анализа «инаковости женского сознания» и тех средств, при помощи которых эта «инаковость» находит свое выражение. Попытки подобного рода исследований способствовали образованию в рамках гендерологии отдельной области литературоведения – «гендерной поэтики».

Гендерная поэтика – это, согласно предлагаемому всемирной информационной сетью определению, одна из первостепенных задач современной науки о литературе, призванная изучить совокупность социальных репрезентаций, «культурную маску пола» в границах тех или иных социокультурных представлений, закрепившихся в данном обществе. В этой связи уникальным предметом исследования представляется творчество «первой балкарки-поэтессы, ставшей известной миру» [1] – Танзили Мустафаевны Зумакуловой.

Исследования балкарской поэзии выявили четкую тенденцию отождествления человека с камнем, что, как правило, придавало образу маскулинную окраску, но с появлением творчества Т. Зумакуловой появился и новый образ, ориентированный на раскрытие конкретно женской сущности, – Цветок. Этот образ, как нам кажется, определяет гендерное самосознание поэтессы и становится первым устойчивым символом и характерным национальным признаком горянки в балкарской поэзии.

Образ «Цветок на камне» – пример бесспорного новаторства поэтессы. В разные периоды творческого становления Т. Зумакуловой данный образ трактовался по-разному. Например, в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого столетия социальная и культурная жизнь страны отмечается позитивным сдвигом, что благоприятно сказывается на развитии и

национальных литератур. В этот период духовного обновления жизни балкарского народа образ зумакуловского цветка, прорастающего сквозь камень, олицетворяет культуру и литературу балкарской народности, возрождавшейся после драматических событий 1944–1957 гг., а также подчеркивает влияние социальных и исторических контекстов на автора, как говорящего субъекта. В лирике 70-х–80-х гг. «пятилепестный» [2] образ характеризует лирическую героиню поэтических творений.

Но, главным образом, цветок, пробивающий себе путь сквозь твердые скалы, есть воплощение самой поэтессы, в чем мы можем убедиться, проанализировав следующее стихотворение:

Ким биледи	Кто знает
Ташда гюлню багъасын?	Цену выросшему на камне цветку?
Билялмагъан	Кто не догадывается,
Анга иги къарасын.	Пусть присмотрится к нему.
Ташны жарып,	Расколов камень,
Къая ташда жашайды.	Живет на каменной скале.
Эшта, бираз	Чем-то немного
Ол кесиме ушайды.	Он похож на меня.
Кеси тюзден	Честный сам,
Иймананды кимгеда.	Верит каждому.
Тюз, къуу этип,	Равнина изничтожит
Атып къояр кюннге да.	Да выбросит на солнце.
Къайдан билсин	Откуда ему знать,
Не затлагъа тѣзерин?	Что придется терпеть?
Не хайыуан	Какой зверь
Тиши бла юзерин?	Зубами его разгрызет?
Ол чакъгъанды	Он расцвел
Къая ташда, гюл болуп.	На каменной скале цветком.
Къалай къалыр	Как останется
Ол гюл, кюйюп, кюл болуп?	Тот цветок, сгорев, превратившись в пепел?
Инжилсе да,	Если страдает,
Чагъа, чагъа, инжилир.	Будет страдать, цветя.
Юзюлсе да,	Если оборвет,
Гюллей къала, юзюлюр.	Оборвется, оставаясь цветком.

В основу стихотворения (подстрочный перевод автора статьи) заложена символика «цветка, расцветшего на камне». Данный образ, сохраняя единство символа, может быть разделен надвое и содержать в себе нижеследующую информацию:

Цветок – красивое нежное природное явление, призвано автором, в первую очередь, подчеркнуть хрупкость женского существа. Во-вторых, каменная твердь – скала, символизирует степень авторского восприятия окружающего мира, воздействие оно на осознание действительности через себя. Таким образом, выросший на скале цветок представляется нам шифровкой некоего триединства:

вегетативный образ – горянка – судьба народа

Рассмотрим каждую составляющую в отдельности. Вегетативный образ – хрупкий и нежный цветок. Горянка – таит под мягкой внешностью твердый характер балкарской женщины, приспособленной к тяжелым условиям горской жизни; готовой с честью и достоинством пережить любые невзгоды, не проронив ни слезы, не вымолвив ни единого жалобного слова (*Инжилсе да, чагъа, чагъа, инжилир. Юзюлсе да, гюллей къала, юзюлор. Если страдает, будет страдать, цветя. Если оборвут, оборвется, оставаясь цветком*). Судьба народа – неизгладимый след в душе балкарки. Немыслимое для горцев расставание с родными горами и неизбежность переезда на равнину (*Тюз къуу этип, атып къояр кюннге да. Равнина уничтожит да выбросит на солнце*) в полной мере отражают глубину пережитого родным народом трагизма в период депортации. Стихотворение определенно повествует биографию поэтессы и, вместе с тем, биографию каждой из балкарских женщин. А именно, гендерную картину мира горянки, на которую нам позволено взглянуть через художественное сознание автора.

Символика образа весьма любопытна. Цветок, как нечто нежное и ранимое, является ярчайшим проявлением жизненной силы и духовной эволюции [3], а нерушимая скала – символ незыблемости, твердости, постоянства, вечной жизни. Она противостоит времени, существует бесконечно долго [4]. С данной трактовкой нетрудно согласиться на примере нашего следующего наблюдения. Анализируемое нами стихотворение датировано 1959 годом, а спустя десять лет в 1969 году появляется стихотворение «Гюл» (Цветок), близкое по смыслу и содержанию. Оно также раскрывает перед нами смелую, отважную личность, которая несмотря на хрупкость и юность нашла в себе силы «вознестись звездочкой в лазурь», смелость «дышать красотой истинной», «и больше не боится бурь» [5].

В тексте оригинала довольно четко звучит заявка нежного цветка на стоический характер камня, что, увы, не передается в полной мере русскоязычным переводом, где скорее чувствуется неизбежность борьбы, нежели изначальная к ней готовность по духу. Восклицательный знак, обозначенный поэтессой, подтверждает, как нам кажется, справедливость вышеуказанного суждения. Сравните (подстрочный перевод автора статьи: «Цветок»). Перевод Ю. Нейман):

Таш чыдамын сынай болур кесинде,
Чакъгъан эссе, ташны жырып, юсюнде!

Чувствует, что выносив как камень
Раз расцвел на камне, рассекая его!

Он, претерпевший испытания,
Изведал на самом себе
Всю цену противостояния
И непокорности судьбе.

Выявляя внутреннее содержание данного образа, подсознательно чувствуешь, что он может быть только «белым» – цветом, символизирующим торжество победы чистого и невинного [6] существа:

Его трепали ветры горные,
Палил его полдневный зной,
Но рос он с цепкостью упорною
И вот – сияет белизной.

Приведенный факт подтверждает, на наш взгляд, незыблемость и твердость жизненной позиции поэтессы, призванной выражать как свои, так и взгляды других женщин:

В краю балкарцев, где снега и скалы
От века молчаливы и тихи,
До моего рожденья не бывало,
Чтоб сочиняли женщины стихи.

«Свой первый сборник стихотворений (1959) Танзиля назвала «Цветы на скале». В то время поэтесса была очень юной, стройной и красивой, как цветок» [7] – такими словами начинает литературовед Зейтун Толгуров вступительную статью к литературно-художественному изданию Т. Зумакуловой, вобравшему избранные стихи и поэмы. Название сборника и олицетворение ключевого его образа с автором неслучайны. Однажды пробившись сквозь могучую скалу, воздвигнутую такими титанами, как Кязим Мечиев и Кайсын Кулиев, Танзиля Зумакулова стала и навсегда останется ее украшением – Цветком балкарской поэзии.

Примечания

1. Кулиев К. Счастливое право // Литературная Кабардино-Балкария. 2004. № 3. С. 15.
2. Зумакулова Т. М. Сокровенность: Стихи и поэма. Пер. с балк. М.: Сов. Россия, 1980. С. 26.
3. Словарь символов и знаков / Авт. – сост. В. В. Адамчик. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. С. 217.
4. Там же. С. 181.
5. Зумакулова Т. М. Сокровенность: Стихи и поэма. Пер. с балк. М.: Сов. Россия, 1980. С. 26.
6. Тресиддер Дж. Словарь символов. М: ФАИР – ПРЕСС, 2001. С. 23.
7. Зумакулова Т. Избранное: Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 5.

Борис МАЗИХОВ

ЧТО ВОЗЬМЕМ С СОБОЙ

Рассказ

Город, гася одно окно за другим, постепенно погружается в крепкую дрему. Дома, в которых погашены окна, словно вымирают. Падает снег, крупный и мокрый, как свежая кукурузная труха. Чуть колыхнулась поземка – снежинки, большие, лопухастые, похожие на ночных бабочек, облепили фонари на столбах. Наконец и они гаснут, и большой город становится темным, безмолвным. Усталый, натруженный город, готовясь к новому дню, погрузился в сон. Но одно окно светится вот уже много ночей.

...Лицо девочки воспалено жаром, оно покоится на коленях женщины с каштановыми волосами. Оно настолько умиротворенное, что кажется, будто девочка спит сладко. Глаза доктора, сидящего на табурете, не могут от нее оторваться. Наметанным, профессиональным взглядом он замечает и как вздрагивают брови ребенка, и как учащенно дышит она, и как маленькие ее кулачки то сжимаются, то разжимаются.

Доктор устал, очень устал – ему хочется закрыть глаза поскорей, но он не решается уснуть, он держится только на одних нервах.

Он медленно подходит к девочке и расстегивает ей ворот рубашки. Больная открывает свои большие, удивленные глаза, благородно и безнадежно смотрит на свою мать и на него. Доктор через силу улыбается (это выходит у него вымученно), ожидая от нее ответной улыбки. Но губы повзрослевшей от болезни девочки не раскрываются, как прежде, в улыбке. Они сухи и плотно сжаты, словно кто-то очень обидел ее. Доктор, затаив дыхание, слушает сердце больной. Так издали слушают море... Да, устало, износилось слишком рано сердечко девочки, и он, доктор, бессилён что-либо сделать. Бьется, сжимается красный комочек в груди, однако все больше слабеет. Ребенок, испытывая недостаток кислорода, ловит воздух широко раскрытым ртом... И, кажется, сама тишина вслушивается в учащенный и беспомощный пульс...

...Темно. Не видно ни зги. На всем белом свете есть только плотная, недвижимая темень. Каменная ее остылость ничем не нарушается. Это выгодно мужчине, который прячется за плетнем. Он со страхом ждет появления из беззвездья блесок смутно обозначившегося в небе месяца. Он доволен, что начал падать снег, который может скрадывать звуки.

Мужчина подходит к калитке, открывает ее и уверенно направляется в курятник. Он хорошо знает этот двор, не раз бывал здесь, но теперь предпочитает, чтоб никто его не увидел. Это мелкий трусоватый воришка. Он, весь насторожившись, открывает курятник, и сразу курицы поднимают беспорядочный переполох, мечутся, кудахчут. Он быстро тянет руку наугад к насесту – она наталкивается на испуганно дрожащее тело индюка. Мужчина хватает его, прислушивается.

Даль безмолвна, но чувствуется, что хозяйка не спит. Она в отчаянии: индюка, выращенного для поминок по погибшему на войне сыну, уносят. А что может она – старая и хилая? Даже крикнуть – голоса нет. Вор, осторожно ступая, еще раз появляется во дворе, повернувшись спиной к двери и окнам дома, он уходит. Близорукие глаза старухи не могут узнать пришельца. А вор торопится – его ждет нетерпеливая компания с выпивкой. Вдова смотрит ему вслед бессильным взглядом оскорбленного человека. Она тихо закрывает дверь и ложится в стылую постель, засыпает. Ей снится погибший сын...

***

...Девочка грустно смотрит вверх, ей не хватает воздуха, и она дышит тяжело и натужно.

– Мама, открой окно...

Мама поспешно открывает настежь окно. Но девочке все равно не хватает воздуха. Приносят кислородную подушку, и девочке становится лучше. Теперь в ее глазах заплескались живые блески. Она чуть приподнялась на подушках навстречу отцу.

– Если сегодня ночью не умру, тогда буду жить... – Голос ее измученно-печален.

– Конечно, будешь жить. Доктор говорит, что ты скоро поправишься... – постарался бодро улыбнуться отец, но обычно жесткие желваки на щеках внезапно ослабли. Он отвернулся. Девочка умным от страдания сердцем не поверила ему.

– Что ты поешь, детка? – участливо спрашивает мать.

– Воды-ы, – тихо просит девочка и проваливается спиной в подушку.

Долгая ночь. В комнате беспомощное безмолвие. Доктор, ссутулившись, все еще сидит на табуретке. Он берет руку больной, слушает пульс и хмурится. Сердце не справляется со своей работой. Какой выход? Нет выхода. Доктор бессилен что-либо сделать. Но все же надеется. Это его профессия – надеяться до конца, до самого смертного предела. Надеется мать – кто знает...

***

Мир, отдыхая от дневных забот, спит. Но есть много и таких, к кому сегодня пришла бессонница.

– Пойми, мы не можем жить на твою зарплату, – сидящая на кровати простоволосая женщина смотрит на мужа, как удав на кролика, на ее щеках поблескивает румянец раздражения. – Скажи, кто одет хуже меня? У меня даже шубы нет, которую давным-давно носят. – Женщина поднимает гибкие холеные пальцы, увешенные тяжелыми золотыми кольцами. – Какая я была дура, какой я стала несчастной, когда вышла за тебя! Зачем, зачем, зачем? – кричит она, таращась на своего сидящего смирно в углу дивана мужа, который пытается виновато объяснить, что он и так работает как вол, что шубу в свое время найдет.

– Я приношу что зарабатываю, – произносит он виновато. – Откуда я возьму больше?

– А другие откуда берут? – еще больше распаляется женщина, и губы у нее мелко-мелко подрагивают. – Ты разве не такой мужчина, как остальные?

Дети спросонья протирают глаза, плачут. Но женщина во власти остервенения не замечает ни этих слез, ни того, что голова мужа клонится ниже и ниже от стыда. И кажется, что женщине не с кем говорить и она разговаривает с ночью...

***

Тишина обложила дом со всех сторон. Все погрузилось в беспокойный сон. Только в единственной комнате горит свет. Вокруг больной сидят все те же трое. У каждого на сердце – безысходная печаль. Двое еще надеются. Третий уже давно отчаялся. Доктор держит руку девочки и, зная, что это бесполезно, считает пульс. Он становится все тише и реже с каждой минутой. Так утихает убегающая вдаль речная волна. Затухает огонь жизни. Иссякает энергия сердца. Оно бьется, еще сжимается, но стало совсем слабым. Девочка не может приподнять веки, задымленный последней мукой взгляд еле-еле сочится сквозь ресницы. Она на глазах бледнеет. Восковым становится и лицо отца. Мать, чтобы не крикнуть, обеими руками зажала себе рот. Доктор едва сдерживает слезы...

***

...Вдова видит своего сына все тем же молоденьким, угловатым, с вещмешком за плечами.

«Ничего, мама!» – говорит его беспечальный, не знающий горечи взгляд.

Не вернувшиеся с войны – не стареют. Не стареют и памятники...

***

... В компании весело, с шутками и хихиканьем поднимают стаканы, уминают индюшатину, переглядываются. А тот, кто принес индюка, чувствует себя героем, добытчиком, своим в доску парнем...

***

– ...Разве можно назвать жизнью все эти годы, пока я жила с тобой? Да стоило мне только поманить пальцем...

***

– ...Я бессилён, – тихо вытирает слезы доктор. – Если хотите, сделаем укол. Бывает, знаете, случается чудо. Только на чудо и остается надеяться.

Он неуверенной рукой делает укол. Больная чуть-чуть порозовела, сухие губы ее увлажнило слабое дыхание. Доктор ждет, с боязнью вслушиваясь в дыхание девочки. Ждет мать в нетерпеливой тоске. Ждет, уронив голову на грудь, отец: случится ли чудо? Ведь бывает, что оно случается...

***

Люди, что возьмем мы с собой, уходя в мир иной? Горечь одиночества? Самовлюбленность очерствелой души? Материнское горе? Или веру в чудо, в чудо, в чудо?

Перевод Владимира Цыбина

*Лауреат литературной
премии «ЛКБ»*

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

Цветы

По зеленой лужайке
девчонка бежит.
Ее радостный смех
разноцветен,
как букетик цветов
у нее в кулачке.

Майской улицей
девушка споро идет,
и улыбка ее
лучезарна,
словно розы,
что нежно
прижаты к груди.

Под неоновым светом
девица стоит,
сеть любовную
снова сплетая
из неверных лучей
подгулявшей
луны.

Приторочена роза
к холодной груди —
то, понятно,
бумажная роза,
да, фальшивая роза,
как сердце ее.

На асфальте
понура старуха сидит,
ей в ладони
стекают монеты —
это слезы ее,
что иссохли давно.

О цветах
речи нет и в помине.

***

Дождь проходит торопливый —
и уносит часть меня.
С ветки лист летит на землю —
и уносит часть меня.
Журавли вдали курлычут —
и уносят часть меня.

Каждый времени отрезок
забирает часть меня;
ветер, дерево ли, птица —
все уносит часть меня;
сны, вы тоже по круплицам
разбираете меня...

Но пока – я буду падать
вместе с каждую звездою!
И взмывать в нагое небо
вместе с каждой птицей буду!
Да – покуда не растаю
как туман, как сновиденье!

Отмщение

В огромном доме
с окнами в решетках,
с массивными железными дверьми,
все стало пропадать:
столы и стулья,
ковры, картины,
золото и деньги...
И люди – тоже.

Ровно через месяц
дом опустел:
в нем больше ни вещицы
и ни души.

Еще же через месяц
на месте дома
лишь одно трюмо
под моросью осенней холодело,
подобное печальному надгробью
в небытие скатившемуся дню.

Когда бы не настенные часы,
что тикали
в бесплотном зазеркалье,
идя в другую сторону,
никто бы
не смог узнать,
что здесь произошло.

В один из дней
рассыпалось стекло
на мелкие осколки,
из которых
одна слезинка
выкатилась. То
была слеза
невинного ребенка.

Зависть

Камень
к дереву зависть питает,
потому что не может расти.

Ну а дерево
стать речкой хотело б:
та течет —
сколько ж видит она!

А вот речка
завидует ветру —
тот летает по воле своей,
не стесненный
границами русла.

***

Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...

Но нашел,
как ни странно,
среди птиц.

***

Как-то раз
ты явилась ко мне
из цветка,
только зеркала цепкое око
поступило со мною жестоко:
увело тебя прочь,
в свой хрустальный дворец,
где хрустальные плещут
фонтаны.

Но теперь ты,
наверно,
из солнца придешь,
чтобы зеркало вновь не сумело
совершить свое черное дело —
увести тебя прочь,
в свой хрустальный дворец,
где хрустальные плещут
фонтаны...

А однажды
пришла ты
из светлой волны,
но зеркальная гладь неумна —
увела тебя вновь вероломно
от меня в свой полон,
в свой хрустальный дворец,
где хрустальные плещут
фонтаны.

Да, красавица,
лучше из солнца приди,
ослепи это зеркало, чтобы
оно треснуло тут же от злобы,
не упрятав тебя
в свой хрустальный дворец,
где хрустальные плещут
фонтаны!

Ушедший в небо

Вновь –
черный день.
Опять погиб мой друг.
Еще один
сорвался со скалы...
А он любил
взрывное слово
«вдруг»,
всю жизнь любил он
острые углы!

Не надыхавшись
воздухом высот,
он, падая,
прощальный бросил взгляд
на мир внизу,
где нечисти – почет,
где каждый дышит затхлостью болот,
где страх в душе у каждого живет,
где думают лишь то, что им велят.

А в мире скал –
такая чистота!
Таким бесстрашьем
веет все вокруг!
Его всю жизнь
влекла лишь высота,
таким он был,
ушедший в небо
друг.

***

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая щедро радость материнства
и радуги цвета со звездным светом,
но точки не поставишь.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?

Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
смешать умея молнии стремленье
с великолепной музыкой цветочной
на солнечных полянах.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая грустной старости морщины
с ночною тьмой, глухой, немой, холодной, –
к чему нам эти краски?

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним...

***

Красавица знакомая все чаще
пугается у зеркала: морщинки
в нем множатся, как трещинки в стекле,
ее туманя светоносный лик.

А дочь ее подросшая все чаще
у зеркала постаивает, видя,
как лунным светом груди набухают,
готовые подобьем белых роз
раскрыться.

Но вот бабушка и вовсе
пренебрегает зеркалом, в котором
ведется неотступно наблюденье
за всем, что происходит у них в доме.

Она-то знает: то – колдунья злая,
которая, заморозив однажды,
навек твоей душой завладевает,
а тело, словно старую собаку,
безжалостно прочь гонит со двора.

***

Как облако в дождь превратится,
 так дерево станет огнем.
 Дождинки вновь облаком станут,
 вот только огонь никогда
 зеленую сень не раскинет...

А в наших с тобой организмах
 воды девяносто процентов,
 и, стало быть, нам возвращаться
 положено снова и снова –
 дождем,
 облаками ли,
 снегом!

Ветер

Там, где струится свет,
 лечь тень должна.
 Для света смерти нет,
 и тьма вечна.

Изнанка жизни – смерть,
 а люльки – гроб.
 Изнанка ласки – плетъ,
 циклопа – клоп.

Изнанка правды – бред,
 сиянья – мрак...
 Но вот у ветра нет
 изнанки, так?

***

Ожидая тебя, я устал, истомился смертельно.

Озираясь, заметил я дерево на берегу:
 вижу, ветер, такой же усталый, улегся на ветви,
 рядом птица присела, тумана лохмотья повисли.

Голубыми, прозрачными, перышка легче словами
 на бумаге то дерево бережно запечатлел:
 ветерок растворил я в лучах золотистого света
 и, смешав его с собственной речью, сумел воссоздать
 я в тетради его целиком – перенес всё до ветки.

Ожидая тебя, я устал, ну когда же ты вспомнишь...

Растворив птичьи трели в зарницах на краешке неба,
 подмешал синих слов – и на дереве выросли листья.
 Настоящее дерево машет ветвями с бумаги.

Ожидая тебя, я устал. Нет мне жизни, родная!

А теперь нарисую дорогу, дорогу разлуки –
та завистница злая тебя у меня забрала,
уведя за собою в обманные дальние дали.

Наберу желтых слов и с курлыканьем грустным смешаю
журавлей, от родимой земли улетающих прочь.

Ожидая тебя, я устал. Так убей же надежду!

Нет! Надежда умрет – и сгорит мое дерево тут же,
не дожив и до осени: сердце его разорвется.

Лучше слов наберу я крылатых, с сиянием Божьим
их смешаю – и трепетный тот ветерок нарисую,
что запутался в прядях твоих и не хочет наружу.

Ожидая тебя, я безмерно устал, дорогая.

***

Я свирель разломал –
ту, в которой
пела музыка звезд и соцветий.
Ухожу я навек,
потому что
в этом мире убили любовь.

Этот мир
стал немым и холодным,
стал глухим он –
и серым – и сирым,
как замерзшее зимнее небо,
отраженное в стыллом пруду,
а игривые волны морские
превратились
в барханы пустыни.

Ухожу я.
Я здесь не останусь –

в этом мире убили любовь,
пристрелили ее, словно песню,
только рана не кровоточила –
на застывшие в ужасе травы
изливался
божественный свет.
Здесь убили любовь,
пристрелили,
словно радугу в небе,
и утро
разлетелось на кучу осколков,
как стекло ветровое,
а солнце
занавесилось тучами в страхе.

Я свирель разломал свою ныне –
в этом мире
убили любовь.

*Перевод с балкарского
Г. Яропольского*

Борис ГАУНОВ

ДЫХАНИЕ КИЧМАЛКИ

Рассказ

Рассвет еще только пробовал приподнять тяжелую завесу ночи, а птицы еще только пробовали свои голоса, когда Жанхуж проснулась. И как только открыла она глаза, взгляд ее упал на улыбающийся портрет мужа. Он, этот портрет, висел в другой комнате, но когда Хабас ушел на эту проклятую войну, она принесла его в ту комнату, где спала с детьми. И теперь не было для Жанхуж большей сердечной улады, чем встречать и провожать дни взглядом на любимое лицо. Она мгновенно погружалась в эти веселые глаза, и горечь жизни, казалось, растворялась и, растворяясь, вытекала капля за каплей из сердца, и Жанхуж становилась, пусть всего лишь на миг, той счастливой женщиной, которой была еще каких-то четыре года назад...

Четыре года... сколько горя они принесли, сколько семей лишили кормильцев, сколько детей оставили сиротами.

Четыре года, всего четыре года, а кажутся длиною в жизнь... Но, слава Аллаху, наш жив, хоть смерть трижды подкрадывалась так близко... Слава Аллаху, все обошлось, дошли до всевышнего молитвы Жанхуж... Оно-то так, только почему же нет Хабаса до сих пор. Ведь написал же: «Мы уже в Берлине, не сегодня-завтра добьем врага в его волчьем логове, и – домой!».

Добили... И сейчас еще, стоит только прикрыть глаза, видит Жанхуж тот сход в день Победы... Собрались на него и стар и млад, и казалось, на всех одно сердце, что бьется радостно и гулко, сливаясь с ликующим бегом кичмалкинской¹ волны... Да, кончилось лихое испытание... Но Хабаса-то нет до сих пор, и весточки от него тоже нет... А разговоры, они всякие ходят по селу. Одни говорят: «Раз до сих пор не вернулись те, что остались живы, значит, и их настигла злая судьба...» Другие говорят другое: «Да не до писем им. Видно, в госпиталях залечивают раны...» Кому верить, чему верить? Может, только сердцу своему?!

...Жанхуж снимает со стены портрет мужа в простенькой рамке. Снова погружается глазами в его веселые, полные неумемной живой силы глаза, а потом припадает к портрету лицом. «Ой, – проносится мысль, – дети увидят вдруг, испугаются спросонья», и Жанхуж прячет портрет на груди. Потом протягивает руку под подушку и извлекает маленькое складное зеркальце-книжицу: в него заправлена фотография Хабаса. Это ее ночной талисман, все эти четыре долгих и страшных года пролежал он под ее подушкой, охраняя Жанхуж во сне от тревожных дум. С улыбкой всматривается в это фото Жанхуж. И на последней фотокарточке, что пришла в солдатском треугольнике совсем недавно, Хабас не мрачен был. Усталость, правда, наложила свой след, но глаза по-прежнему улыбались.

Мысли толпятся, тесня друг друга, а сердце то обомрет, то, словно

¹ Кичмалка – река, на берегу которой раскинулось село.

птица-подранок, забудет невидимыми крылами. «О, Аллах, великий и милосердный, – страстно шепчет Жанхуж, – верни мне его живым и сделай так, чтобы не выпадало людям такого горя больше никогда!» Жанхуж смахнула скупую слезу, погладила ножки спящих детей, привычным ласкающим движением разгладила им бровки, коснулась губами их лобиков... Тут младшенький – Мада – засмеялся во сне, что-то пробормотал и затих. А через минуту вдруг вскрикнул: «Мама, Ахмед отнял у меня чурек», – и захныкал... Жанхуж наклонилась к нему, поправила одеяло и прошептала: «Не плачь, мой свет, я тебе поутру испеку еще». «Испечь-то испеку, да только где муки взять», – думает Жанхуж, поглаживая ножки детям... – Мада еще с вечера попросил чуреки, я пообещала. Только вот... мука... где бы раздобыть хоть на одну сковородку. Правда, есть миска толченой кукурузы, и хантхупс¹ я сварю. А к ней бы несколько чуреков, и я бы была спокойна за детей. Они что, «нет» – такого слова не понимают. Особенно Мада. А вот Ахмед, он, слава Аллаху, уже понимает разницу между «есть» и «нет». Никогда не хнычет, только бровки сведет и губы сомкнет, и терпит. И помогает, мой свет... То хвороста охাপку принесет, а корова наша без него, глядишь, совсем пропала. Ой, потерпите дети. Скоро отелится наша старушка, будет у вас молочко, а там и хлеб... Велик Аллах, не даст пропасть невинным душам», – успокаивает себя Жанхуж...

Вчера, когда Мада попросил у нее чурек, пойти бы к своей доброй соседке Хани. Но не смогла переступить через себя Жанхуж. Стыдно стало. Муж Хани, Хатут всего месяц, как покинул этот мир. И каждый вечер, как того требует обычай, Хани разносит по соседям поминальный хлеб. Ну как тут пойдешь еще просить муки. Лишней-то ни у кого нет. «Да и надоело им, наверное, со своей нуждой, – горько признается себе Жанхуж. – Ах, Хани, Хани, пошли Аллах тебе столько терпения, чтобы хватило тебе его на весь славный век. И пусть печаль твоя будет светлой, добрая женщина. И все сделанное тобой добро обернется для тебя долгими годами жизни», – шепчет Жанхуж и вспоминает один недавний разговор.

... – Э, Жанхуж, милая, что ты такая потерянная. И понурая... Э, да я, кажется, догадываюсь, отчего ты глаза прячешь. Стесняешься, да? Стесняешься попросить, а в доме ни полена для очага, ни чурека для детей. Э, Жанхуж, ну и глупая ты... Ну чего стесняться. Умрем, все останется, никто еще ничего с собою на тот свет не уносил. У тебя нет, у меня есть. Давай пошли, а то смотрю, от холода заоченеете, а от холода животы сведет. Корова несчастная вон чуть ли не в ходячий скелет превратилась... – ворчала Хани.

– Ой, Хани, сколько можно... Стыд держит меня, поэтому и не появляюсь у вас. Пусть столько радости будет в твоём доме, сколько добра ты нам сделала. И не будем больше об этом.

– Да ты что, не смей такое говорить! Чтоб вы с голоду пухли, а я ела досыта. Да подавлюсь я тем чуреком. И разве это по-соседски. Забыла, что ли, нашу поговорку: «Гьунэгьурэ гьуншэдждрэ»². Так обычай наш велит. Только, – тут Хани немного замаялась, – только ты моему ничего не говори. А там, глядишь, и твой вернется, и все у вас наладится. Не горюй, милая.

Был этот разговор два месяца назад. И дров, и сена для коровы, что

¹ Хантхупс – вид кукурузной похлебки (каб).

² Дословно: что сосед, что штаны. Этим хотят подчеркнуть, что в жизни никак не обойтись без доброго соседа, так же, как и без штанов.

дала Хани, хватило на неделю. Только произошло в тот вечер нечто такое, что перевернуло сердце Жанхуж, засело в нем занозой. Когда Жанхуж несла задворками от Хани большую кастрюлю с мукой, стараясь не попадаться никому на глаза, неожиданно столкнулась с Хатутотом. Тот, бросив на женщину недовольный взгляд, помрачнел, как туча, и засопел зло. Жанхуж уже в своем дворе была, когда на соседском подворье разразился скандал. «Чтоб тебе пусто было! – услышала она яростный окрик Хатута, обращенный к жене. – Я что, обязан кормить всех соседских вдов?!» – «Ана гуша...¹ Как у тебя язык повернулся такое сказать. Детей мне жаль, детей...» Только и услышала Жанхуж эти ответные слова Хани. Что-то ударило ей тогда в самое сердце. Сейчас-то Жанхуж знает, что это «что-то». Слово это, одно лишь слово, но какое! Вдова... вдова... вдова?! Я, оказывается, вдова, хотя и не знала об этом, – в смятении подумала тогда Жанхуж, и ужас сковал ее. В голове шумело, руки не слушались Жанхуж, и она застыла в оцепенении. И только мысль о том, что дети голодные, пробившись сквозь ледяной панцирь ужаса, заставила Жанхуж встать и начать обычные хлопоты у плиты. Но делала она все словно во сне, отрешенно. Вот и вода уже закипела в чугунке, вот уже тяжелые капли падают на раскаленную плиту, превращаясь в шипящие облачка пара, а Жанхуж ничего этого не замечает, уйдя в себя. «Вдова, вдова, я вдова», – эта мысль стучит в висках, отдаваясь шемящей болью в сердце. Горечи комок подступил к горлу. Дети о чем-то спросили ее, она так и не поняла, о чем. Села, спрятав лицо в ладонях. А отняв их, как всегда, встретила взглядом с портретом мужа. Он, улыбаясь как вчера, и позавчера, и каждый день, смотрел на жену, на детей, а Жанхуж смотрит на него, и чудится ей, будто слышит она голос своего Хабаса, говорит он ей: «Держись моя красивая, держись. Я-то думал, что вернусь к вам, но, видно, не судьба. Оставляю тебе детей-сирот. А как я мечтал, чтобы выросли они под отцовским моим крылом! Но что поделаешь: не написано такое счастье у меня на роду. Живите, мои милые, даря радость друг другу. Только сынишкам не говори, пока не подрастут, этой горькой правды, пусть их сердечки подогревает вера в то, что отец вот-вот вернется. Краснеть вам за меня никогда не придется. Ну я... я – ничего... Только вот мысль о том, что никогда не коснусь детей своих, заставляет глотать невидимые слезы. Они жгут меня...»

И тут не выдержала Жанхуж и вскрикнула: «О горе мне, горе! Вдова я, вдова, и все это знали, и все молчали из сострадания, из жалости. Только злоба Хатута открыла мне эту страшную тайну. О, никогда не увижу я тебя больше, никогда!» – закричала Жанхуж. Испуганно заголосили дети. И тут вошла Хани: то ли причитания Жанхуж и плач детей услышала, то ли злобные слова ее мужа не давали ей тоже покоя.

– Ты что, Жанхуж, с ума сошла. Ты что, хочешь сердца ребятишкам разбить. Тебе не стыдно?! Перестань, слышишь, – уговаривала Хани, утирая слезы Жанхуж и мальчикам.

Долго в тот вечер просидела у них Хани и много наговорила хороших слов, словно бальзам на рану пролила.

«Да, видно, и вправду доброе слово залечивает, худое – ранит», – думает Жанхуж, вспоминая все это – Уж не отвернулся ли Аллах от бедного Хатута. Может, так и было, как люди говорят. Да простит мне Аллах, если чужую ложь повторяю, только и мужа Хани уже нет на свете, а слушок жив.

¹ Возглас удивления.

Шепчутся люди, что, мол, сам Хатут себе смерть принес. Чтобы не идти на войну, перебил ногу в колене. Топором. Да ушел не на фронт, а на тот свет: не смогли врачи спасти его, унесла гангрена. Вот такое поговаривают и в селе, и в хабле¹. Живучим оказался слух. Ну, конечно, языки как корову, на привязи не удержать, на каждый роток не накинешь платок...

Э-э, жизнь, жизнь. Одних лихая година не смогла за всю войну убить, другой сам себе смертный приговор вынес. Да и позор-то какой! И разве утаишь несправедливое дело от людских глаз. Хабасу завтра уходить на фронт, а он напоследок долго возился с домашними делами: сено привез на подворье, дров нарубил. На проводы собрались все близкие. Поливая ему на руки я думаю: «Накормлю-ка его напоследок так, чтобы всю войну вкус моего хлеба помнил. И тут говорю Хабасу: «Послушай, говорят Хатут ногу сильно повредил, вся хабля приходила справиться о самочувствии, сходил бы и ты, проведаль...» А Хабас посмотрел на меня и как-то не по-доброму усмехнулся. «Что это с ним, – изумилась я. – Всегда такой открытый людям, а тут... Сколько живу в его доме, столько добрым и помню. Неспроста эта его усмешка». Ну а утром проводила его...» Тут Жанхуж, оторвавшись от воспоминаний, снова смотрит на мужни портрет. Потом прикрывает рукой глаза и снова уносится мыслями в тот прощальный, не по-осеннему холодный день. Не помнит Жанхуж, чтобы с реки ее детства, с Кичмалки, милой сердцу, дул такой пронизывающий злой ветер, как тогда. Казалось, подхватит и унесет на своих сковывающих холодом крыльях. «Эх, чтоб вас силы ада унесли с собой, проклятые немцы!» – уже вслух произносит Жанхуж, возвращаясь в день сегодняшней. Встает, одевается, поглядывая на посапывающих во сне детей.

Рассвет пробил брешь в завесе ночи, и тишину нарушают первые звуки пробуждающей жизни: то петушиный крик, то мычанье коров, то ленивый собачий брех. «Пойду-ка выпущу корову, пусть вольно пасется в низине, в стаде ей уже нелегко: не сегодня-завтра отелится», – решает Жанхуж направляясь к Гуэ². И вдруг увидела пулей несущуюся, раскрасневшуюся младшую свою сестренку – Ляну.

– Жан, Жан, с тебя гуфIапщIэ³! С тебя гуфIапщIэ! Слышишь?! Хабас вернулся. Только что вот там из машины вышел, а уже окружили люди! Ты понимаешь, что я тебе говорю?! – глядя на неподвижную Жанхуж, чуть растерянно спросила Ляна.

А Жанхуж в это мгновенье почувствовала, как что-то взорвалось в ее сердце, отчего стало ей жарко-жарко. В ушах раздался звон, потом он стих так же неожиданно, как и возник, и Жанхуж услышала голоса птиц, ощутила аромат цветенья и с удивлением увидела, что деревья вокруг укутаны бело-розовым кружевом цветенья.

С берега Кичмалки дул легкий ветерок, неся успокаивающую прохладу. Это было целительное дыхание реки, реки ее детства, реки ее юности, реки зрелости... «Будь благословенна навеки, река счастья нашего!», – прошептала Жанхуж.

Перевод с кабардинского Инны Халишховой

¹ Хабля – квартал.

² Гуэ – помещение, где содержится домашний скот.

³ ГуфIапщIэ – подарок за добрую весть.

*Лауреат
литературной
премии
«ЛКБ»*

Ануар КУЧИНАЕВ

ПОЭМА СКОРБИ¹

8

Под вечер лишь дорога привела, –
Когда к гнездовьям потянулись птицы, –
К окраине какого-то села,
Казачьей, как сказали нам, станицы.

Добротные беленые дома,
Фруктовые сады, река в низине...
«Бывает здесь когда-нибудь зима?..
Как все красиво... будто на картине...» –

Подумал я, и память до сих пор
Хранит зарницы сказочного света.
...Мы въехали меж тем в широкий двор,
Как оказалось – сельского совета.

Двор заполняли жители села.
Что думалось встревоженному люду? –
Забывшему привычные дела,
Глазевшему на нас, как на причуду –

Откуда, мол, такие и зачем?
У нас, кричат, и так полно чеченцев!
Был хмурым комендант и – словно нем,
Затем сказал: «И все ж переселенцев

Придется разместить. Таков приказ!»
И с этим не поспоришь. Понемногу
Угасли крики и сверканье глаз,
Ведь все мы люди, все мы, слава Богу,

Наделены природою людской,
За все ответим, поздно или рано...

¹ Продолжение (см. № 4, 2009).

Нам отвели жилище за рекой –
В большом строенье полевого стана.

На ужин принесли крапивный суп,
Одну на всех детей буханку хлеба.
И показалось – мир совсем не скуп,
И что теплы огни чужого неба.

Весной сорок четвертого, когда
Страна была истерзанной и нищей,
Нехитрая крестьянская еда
Мне показалась дивной райской пищей.

Как будто материнским молоком,
Насытились мы искренним участием.
И – с детства с беззаконием знаком –
Людскую доброту зову я счастьем.

Колхозники делились кто чем мог,
Да много ли и сами-то имели.
«Пока ночуйте здесь, а там, даст Бог...»
Соломой утеплили нам постели.

«С утра решим, как лучше вам помочь,
Всем миром все ж полегче мыкать горе...»
Надеждами согреты в эту ночь,
Не знали мы, что предстояло вскоре...

В одной из комнат нашего жилья
Наутро обнаружили три тела –
Две девочки, их мама – вся семья.
И горстка зерен на полу желтела.

Несчастные, к беде своей, нашли
В углу остатки семенной пшеницы,
С каким-то сором, с комьями земли,
Собрали торопливо, словно птицы,

Очистили, не думая о том,
Что зерна им сырые будут ядом...
Уставшие от бедствий в прожитом,
Привыкшие к запретам и преградам,

Они все ждали: жизнь пойдет на лад...
Не на войне – в глухих глубинах тыла –
Боль в животе, острее, чем булат,
Терзала их всю ночь, к утру – убила.

Подобного и лютому врагу
Не пожелаю... в сердце эти муки
Ношу я – перед памятью в долгу,
Хочу, чтоб это помнили и внуки.

Отчаявшись вести утратам счет,
Оплакивали мы и хоронили.
А сколько лет подобных истечет,
Слагаясь в наши горестные были...

9

Вы скажете: «Как много тяжких бед
В твоём рассказе, сколько горьких судеб.
Дорога, и на ней кровавый след,
Зло торжествует, беззаконье судит.

Кричит о горе каждая строка,
Таятся боль и страх за каждым словом,
Печаль и беспросветная тоска
Нависли удушающим покровом.

Неужто в целом свете счастья нет,
И мир оглох во лжи, крови и грязи?...»
Но что же я могу сказать в ответ...
О, как бы я хотел в своём рассказе

Восславить жизнь, любовь и красоту,
Поведать о чеканных горских нравах,
На склонах показать сады в цвету,
Отары – на альпийских сочных травах.

Все это так, и счастье в мире есть,
Но – побуждаем неоплатным долгом,
Заслугу полагая в том и честь,
Я о пути рассказываю долгом,

В котором был рассеян мой народ.
О тысячах могил в безвестном поле,
О голоде, что день растянет в год...
Но я не рассказал и малой доли

О том, что испытал я в Текели,
Что пережил, что видел я воочью...
И это все, как боль родной земли,
Покоя не даёт ни днём, ни ночью.

И если, отвлекаясь от забот,
Дела оставив, просто отдыхаю –
Как будто кто-то в прошлое зовет,
Как будто голосов летучих стаю

Заносит ветер времени в окно.
И мысль моя летит за голосами,
Туда, где только памяти дано
Увидеть тех, кто был когда-то с нами

В изгнание, кто остался в Текели,
Я вижу безымянные могилы,
Пустую даль, куда нас завели, –
Безводье, степь да редкие айлы.

Я вижу благородных стариков,
Истаявших в пути от унижений.
Народ, мужавший в пламени веков,
Быть может, не один таился гений

В том поколенье изгнанных детей,
От голода погибших на чужбине.
Их матери все с фронта ждут вестей,
Отцы не возвратились и поныне –

Их просто нет, как нет того мальчика
Из Нижнего Чегема, нет девчущки
С глазами голубыми в пол-лица,
К ее улыбке – россыпью – веснушки.

Курсантов, что решились на побег,
Студенток нет, что в шахте потеряли
Цвет жизни, и никто уже вовек
Не утолит в душе моей печали.

Я вижу их, живых, при свете дня,
И стариков, и ребятишек малых,
Молчат они и смотрят на меня.
Я всех по именам когда-то знал их.

В свинцовых шахтах, копиях соляных
Оставленные мачехой-отчизной,
Они и в сон приходят, и в мой стих,
Все так же смотрят, с той же укоризной.

Как будто говорят: «Не забывай,
Покуда помнишь, мы с тобой, мы – живы».

Давно я возвратился в отчий край,
Как мог, спрямил судьбы моей извивы,

И до сих пор с тех окаянных лет
Живет во мне и крепнет год от года
Уверенность: плохих народов нет,
Но есть свой путь у каждого народа.

10

Мы вынесли все тяготы пути
Лишь потому, что сквозь жестокость века,
Не уронив, сумели пронести
Достоинство и званье человека.

А есть ли это звание у тех,
Кто убивает в людях все людское,
Кому и жизнь забрать – не тяжкий грех,
В ком совесть – на заслуженном покое?

Что может о других сказать палач,
Который, и себе уже не веря,
Из жертв невинных выбивает плач
С ухмылкой, что под стать оскалу зверя.

На что решится мать, когда детей,
Опухших, слабых, убивает голод,
Когда и здравый смысл откажет ей,
Отчаяньем, как жерновом, размолот.

...Неделя не успела пробежать
Со дня приезда, с ночи той жестокой.
Двух девочек и бедную их мать
Мы схоронили за речной протокой.

И снова утро, и – тревожный гул
Со стороны станичного майдана,
Как знак беды, и он не обманул.
Душа заныла, как открылась рана.

Что за беда – попробуй тут пойми.
Бегу туда, где раздаются крики.
На площади – толпа, и меж людьми
Я слышу: «...изловили, вот улики...».

Посередине – двое пацанов –
Избитые дрожащие подростки.

Над ними не смолкает злобный рев,
От слез на лицах – грязные бороздки.

У ног лежит овечья голова,
А рядом – окровавленная шкура.
Сначала только гневные слова
Летят в подростков, те молчат понуро.

«Разбойники! А вот вам за овцу!» –
Швыряет камень резвая бабенка,
У парня кровь струится по лицу...
И тут порвалось то, что было тонко –

К безумию людей склоняет гнев.
Вид крови для толпы – сигнал начала.
Она сомкнулась, разом озверев,
И жертв несчастных под себя подмяла.

Я слышал только плотоядный рык,
Затем завывала женщина: «Убили!..»
Тут участковый поспешил на крик,
Вздымая сапогами тучи пыли.

Но раньше – комендант: «Назад, скоты!
Вы что творите! Вон пошли отсюда!» –
И – выстрелы, как звонкие хлысты,
Защелкали над гущей самосузда.

Стреляя, задирая вверх наган,
Упрямых убеждая рукояткой,
Он все-таки пробился на майдан...
На середине, вытопанной, гладкой, –

Не дай вам Бог такое увидеть,
Мне не забыть, пока живу на свете, –
Их не узнала б собственная мать –
Истерзаны, а ведь, по сути, дети.

Они лежали на чужой земле,
На них – куски кровавой одежки...
Возможно, мир и не погряз во зле,
Но слишком часто правят им подонки...

И, ужаснувшись, ахнула толпа,
Распавшись на людей, прозрела разом.
Да, ненависть, конечно же, слепа,
Но, люди, где же ваш хваленый разум?!

Современная Гуманитарная Академия

Дорогие читатели!

После выхода в текущем году третьего номера нашего журнала, посвященного «Году учителя», в котором были опубликованы материалы о наших высших учебных заведениях, в редакцию обратилась группа выпускников школ с просьбой рассказать на страницах журнала о Нальчикском филиале Современной Гуманитарной академии. Это – еще одно свидетельство популярности СГА, и редакция с удовольствием идет навстречу заинтересованным молодым людям и предоставляет им возможность ознакомиться с деятельностью этого учебного заведения.

Во-первых, скажем, что Современная Гуманитарная академия (СГА) – крупнейший в России и Европе ВУЗ (более 180 тысяч студентов, 950 центров доступа к академическим ресурсам СГА по всей территории России, более 200 тысяч выпускников). Деятельность осуществляется в соответствии со свидетельством о регистрации образовательного учреждения № 064.035 от 26.02. 1997 г. лицензией № 000712 от 29.12. 2008 г. Выпускники СГА получают дипломы Государственного образца согласно Свидетельству о Государственной аккредитации

Атабиев

Алий Хакимович,

директор, магистр, член ассоциации международного права, канд. социологических наук, президент центра ОКС (Образование, Культура, Спорт)

тации № 2027 от 20.07. 2005 г. Кстати, есть повод поздравить коллектив СГА с получением 26 апреля этого года новой аккредитации ВВ № 000376 на период до 26 апреля 2015 г.

Первый и пока единственный российский вуз, полностью реализующий высокие технологии в области информатизации и телекоммуникации, в том числе и спутниковые, что делает его лидером в области образовательных инноваций.

Студенты СГА в каждом центре доступа получают образование столичного уровня, не выезжая из родного города.

К преподавательской деятельности в Академии привлечены ведущие ученые, общественные деятели, специалисты в инновационных областях знаний.

Контроль знаний осуществляется с помощью компьютерного тестирования, что полностью исключает любую предвзятость преподавателя. Весь учебный процесс контролируется уникальной информационной системой. Студенты имеют доступ к двухуровневой цифровой библиотеке, что является первой в России. Любой студент имеет возможность доступа к тем или иным информационным ресурсам в определенный момент. Если в центре доступа отсутствует необходимый учебник, то студент без проблем может получить нужный текст в электронном виде через спутник в короткий срок.

Индивидуальное расписание позволяет студенту СГА учиться в удобное для него время, что дает ему возможность выбрать собственный ритм обучения. Кроме того, даже если вы переезжаете в другой город, продолжение учебы не является проблемой – сеть центров доступа СГА охватывает всю территорию России.

СГА – единственный российский вуз, вошедший в глобальную сеть мегауниверситетов (Global Mega University Network – GMUNET). Каждый вуз, входящий в эту организацию, объединяет не менее 100 тысяч студентов. GMUNET позволяет организовать практическое взаимодействие крупнейших вузов планеты, чтобы совместно создавать качественные образовательные ресурсы, транслировать лучшие образовательные программы по всему миру. **В России, странах СНГ и в Восточной Европе роль «окна» в глобальную сеть мегауниверситетов возложена на СГА, которая стала представителем GMUNET в этом регионе.**

Выпускники СГА помимо дипломов государственного образца Российской Федерации получают пакет документов, необходимых для обеспечения международного признания диплома СГА, в том числе:

– сертификат EDU, обеспечивающий признание диплома СГА в 36 странах мира;

– приложение к диплому СГА на английском языке (Diploma Supplement), соответствующее стандартам Международной ассоциации университетов ЮНЕСКО и Еврокомиссии.

Полученные в СГА документы об образовании обеспечивают выпускникам СГА возможность продолжать обучение в вузах стран Европы и Британского Содружества, а также значительно облегчают им

трудоустройство в этих странах или в фирмах западных стран, имеющих представительства на территории России.

Образовательные программы СГА

		Вступительные испытания	Сроки обучения
Бакалавриат	Юриспруденция	русский язык, история, обществознание	На базе полного среднего образования (11 кл.): очно – 4 года; заочно – 5 лет; очно-заочно – 4 года.
	Экономика	русский язык, математика, обществознание	
	Менеджмент	русский язык, математика, обществознание	
	Информатика и ВТ	русский язык, математика, физика	На базе среднего профессионально- го (по профилю) и высшего образования: очно – 3 года; заочно – 3 года 6 мес.
	Психология	русский язык, математика, биология	
	Лингвистика	русский язык, иностраный язык, история	

Зачисление

- По результатам ЕГЭ: очная, заочная, очно-заочная формы обучения;
- По результатам вступительных испытаний в форме электронного тестирования:
  - заочная и очно-заочная формы обучения для лиц, получивших полное среднее образование (11 кл.) до 1 января 2009 г.;
  - на базе среднего профессионального образования по профилю;
  - на базе высшего образования;
  - для граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Наша справка

СГА основана в 1992 году. К началу 2009 года Нальчикский филиал академии подготовил свыше 7 тысяч выпускников. По количеству выпускников, подготовленных для экономики России, СГА занимает первое место среди отечественных вузов, опережая даже самые старые российские вузы – МГУ и Казанский университет.

СГА – крупнейший научно-исследовательский центр образовательных технологий, что подтверждают 170 патентов и свидетельств на изобретения. Приоритетными направлениями научных исследований являются

дизайн-эргономика образовательной среды, балансовый метод индивидуализации обучения, практическая дидактика, здоровьесберегающие технологии обучения.

СГА получила признание многих международных образовательных организаций и является членом:

- Европейской ассоциации международного образования (EAIE);
- Европейского фонда управления качеством (EFQM);
- Международной ассоциации университетов (IAU) при ООН ЮНЕСКО;
- Международной ассоциации «Знание», имеющей консультативный статус в ООН ECOSOC;
- Международной академии информатизации, ассоциированного члена UN;
- Европейской ассоциации обучения в тюрьмах (EPEA);
- Глобальной сети мегауниверситетов (GMUNET);
- Глобальной сети дистанционного обучения во имя развития (GDLN) и др.

По образовательной программе страны СГА приходит в школы со своими современными технологиями.

Модульное изучение дисциплин, чередование подачи лекционных материалов тест-тренингами каждые 5–7 минут, просмотр и анализ ответов, возможность многократного повторения до желаемого результата способствуют активизации внимания и повышению уровня усвоения материала.

Сейчас, наверно, мало у кого возникает сомнение, что использование телекоммуникационных технологий и дистанционных форм обучения позволяет сформировать у школьников навыки для восприятия большого учебного материала в короткие сроки, развить умение ориентироваться в полученной информации, самостоятельно ставить учебные задачи и оценивать свои учебные достижения, а в итоге – существенно повысить качество образования школьников.

В Послании президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации (2009) говорится, что главная задача современной школы – это раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире... что школьное обучение должно способствовать личностному росту так, чтобы выпускники могли самостоятельно ставить и достигать серьезные цели, уметь реагировать на разные жизненные ситуации.

Следовательно, современный человек должен не только обладать неким объемом знаний, но и уметь учиться, то есть уметь решать проблемы в сфере учебной деятельности, а именно: определять цели познавательной деятельности, находить оптимальные способы реализации поставленных целей, использовать разнообразные информационные источники, искать и находить необходимую информацию, оценивать полученные результаты, организовывать свою деятельность.

В этой связи на этапе обучения школьников СГА ставится задача достижения новых образовательных результатов, направленных на получение качественных знаний по предмету, под которыми понимаются:

- приобретение навыков работы с информацией по предмету: поиск, оценка, отбор и организация информации;

- развитие навыков самостоятельного изучения материала в индивидуальном режиме и оценки результатов своей деятельности;
- выработка навыков индивидуального стиля самообразования.

Особенность изучения предмета с помощью информационно-коммуникационных технологий состоит в том, что каждая тема изучается с использованием обучающих компьютерных программ для школьников, которые составлены с учетом возрастных особенностей. Проверить насколько хорошо усвоена тема можно с помощью разнообразных компьютерных программ. При этом в СГА учитывается темп усвоения материала учащимися в соответствии с их возрастом, продолжительность занятия, типы заданий для выполнения.

Изучение предмета может проводиться в последовательности, установленной школьной программой. Если вы хотите улучшить свой результат по тому или иному предмету, то можно поработать с обучающими компьютерными программами:

- рабочий учебник;
- слайд-лекция по модулю;
- логическая схема;
- гlossарный тренинг;
- тест-тренинг;
- модульный тест;
- электронный экзамен.

Перспективным направлением в СГА в 2010 г. является создание в филиалах курсов довузовской подготовки «Репетитор. Подготовка к ЕГЭ» по подготовке школьников к ЕГЭ.

Цели проекта СГА «Репетитор. Подготовка к ЕГЭ»:

- подготовка школьника к сдаче ЕГЭ;
- устранение пробелов знаний школьника по школьным дисциплинам.

Задача проекта:

- научить школьника эффективно организовывать свою самостоятельную учебную деятельность, продолжить формирование навыков и умений в организации работы;
- научить школьника оценивать свои учебные достижения.

Система академического администрирования учебного процесса позволяет сформировать индивидуальный учебный план, выполнение которого фиксируется в электронном досье слушателя.

Оплата курсов производится родителями учащихся на основе договора или самим обучающимся. Стоимость обучения определяется количеством учебных часов или модулей по индивидуальному плану обучающегося.

Место проведения: школа, на базе которой может быть создан Центр «Репетитор. Подготовка к ЕГЭ», центры доступа СГА, филиал СГБ, личный компьютер школьника.

Особенностью подготовки к ЕГЭ в СГА является соответствие тест-тренингов СГА контрольно-измерительным материалам, демоверсиям, спецификациям и кодификатору ЕГЭ текущего года по всем дисциплинам школьного курса.

Материал подготовила Жанна Кандорова

Барасби КАРАМУРЗОВ,

*доктор технических наук, профессор,
КБГУ им. Х. М. Бербекова, МОН РФ,*

ректор КБГУ, зав. кафедрой физики наносистем

Хазратали ХОКОНОВ,

доктор физико-математических наук, профессор,

КБГУ им. Х. М. Бербекова, МОН РФ,

зав. кафедрой физики конденсированного состояния,

академик АМАН и АН ЧР

Борис АЛЧАГИРОВ,

доктор физико-математических наук, профессор,

КБГУ им. Х. М. Бербекова, МОН РФ,

профессор кафедры физики конденсированного состояния,

академик АМАН и Нью-Йоркской академии наук

Райком ДАДАШЕВ,

доктор физико-математических наук, профессор,

ЧГУ, вице-президент АН ЧР, МОН РФ,

зав. кафедрой теоретической физики ЧГУ

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ И ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Сотрудничество в области науки, образования и подготовки кадров между Кабардино-Балкарским и Чеченским государственными университетами имеет достаточно давнюю и плодотворную историю. У истоков творческих и научных связей между КБГУ и ЧГУ стояли выдающиеся ученые-педагоги профессора Владимир Ксенофонтович Семенченко, Сергей Николаевич Задумкин, Петр Павлович Пугачевич и Николай Леонидович Покровский. Существенную роль в установлении и укреплении этих связей сыграл Хамзат Исмаилович Ибрагимов, который окончил аспирантуру МГУ под научным руководством профессора Н. Л. Покровского.

Тесное творческое сотрудничество наших учителей возникло и укрепилось на почве развития ими важнейших научных проблем физики и химии межфазных явлений в жидкометаллических расплавах и возникающих из них твердых фазах. Они были инициаторами и активными участниками организации и проведения Всесоюзных конференций по этой проблеме. Первая Всесоюзная научная конференция состоялась в 1962 г. в Киеве, в Институте проблем материаловедения Академии наук Украины. Вторая Всесоюзная конференция по проблеме «Поверхностные явления

в расплавах и возникающих из них твердых фазах» состоялась в 1964 г. в Кабардино-Балкарском государственном университете. Вместе с КБГУ организаторами выступили МГУ им. М. В. Ломоносова, КБГУ, Институт проблем материаловедения АН УССР и Институт общей неорганической химии АН СССР. Впоследствии Всесоюзные конференции проходили через каждые два года во всех научных центрах СССР – в Москве, Ленинграде, Свердловске, Кишиневе, Грозном, Тбилиси, Ташкенте и др.

Первая встреча молодых учеников С. Н. Задумкина с В. К. Семенченко и Н. Л. Покровским состоялась в КБГУ во время работы 2-ой Всесоюзной конференции. На этой конференции выступили молодой аспирант Хамзат Исмаилович Ибрагимов с докладом, посвященным прецизионному измерению поверхностного натяжения жидкометаллических расплавов, и молодой кандидат физико-математических наук Х. Б. Хоконов – о размерном эффекте поверхностной энергии металлов. Здесь и зародилась тесная дружба и сотрудничество в области поверхностных явлений между физиками Чечено-Ингушского и Кабардино-Балкарского государственных университетов, которая продолжается по настоящее время. Сюда приезжали выступать специалисты из вузов и научно-исследовательских институтов Юга России и из многих городов Советского Союза, в т. ч., конечно, из ЧГУ.

В КБГУ в то время успешно работал еженедельный научный семинар под руководством проф. С. Н. Задумкина, где выступали сотрудники, аспиранты, преподаватели и приглашаемые специалисты в области поверхностных явлений. Вскоре научный семинар стал региональным.

При Кабардино-Балкарском госуниверситете с 1967 г. стал работать диссертационный совет по защите диссертаций на ученые степени кандидата, а с 1978 г. – и доктора физико-математических наук по специальностям «Физика твердого тела», «Теплофизика и молекулярная физика», «Физика конденсированного состояния», «Теплофизика и теоретическая теплотехника», а также доктора химических наук по специальности «Физическая химия». Он является одним из первых, организованных в вузах автономных республик Северного Кавказа. Со дня организации он выступает как региональный совет, членами которого являются специалисты из Грозного, Махачкалы, Ставрополя, Ростова-на-Дону, Северной Осетии, Москвы, Свердловска, Черкесска. Заседания диссертационных советов проводятся два-три дня подряд, на которых рассматриваются 5–6 диссертаций и, как правило, организовывается обсуждение наиболее актуальных научных проблем на данный период времени, включая вопросы организации учебного процесса. Следует отметить, что на диссертационном совете КБГУ защитили свои работы диссертанты из Чечено-Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестана, Ставропольского края, Калмыкии и др. регионов России. В частности, около десятка молодых людей из Чечни и Ингушетии успешно защитили кандидатские и докторские диссертации в КБГУ. Многие из них в настоящее время успешно работают и возглавляют научные коллективы, в числе которых доктора физ.-мат. наук, проф. Исса Шамильевич Борлаков и засл. работник высшей школы проф. Байдымат Исхаковна Урусова в

Карачаево-Черкесии, зав. кафедрой физики Тамерлан Магкоев в Северной Осетии-Алании, Ушер Меерович Кулиш в Калмыцком госуниверситете, Фатима Казбековна Тугуз – проректор по научной работе Адыгейского госуниверситета и др.

Эффективным способом научного сотрудничества являются стажировки, аспирантура, соискательство, докторантура. Первую свою научную стажировку проходил в КБГУ молодой выпускник ЧИГУ физик Р. Х. Дадашев, ставший в настоящее время широко известным ученым. Первые экспериментальные работы в области физики межфазных явлений он проводил в лаборатории физики поверхностных явлений в металлических расплавах физического факультета КБГУ вместе с молодыми аспирантами Б. Б. Алчагировым и Б. С. Карамурзовым. Ныне проф. Б. Б. Алчагиров – известный ученый, заслуженный деятель науки КБР, член теплофизического Комитета РАН, проф. Б. С. Карамурзов – ректор КБГУ, заслуженный деятель науки РФ, а Р. Х. Дадашев – вице-президент Чеченской АН, в самое трудное для Чеченской республики время – в период военных действий в Чечне, руководил ЧГУ в должности ректора. Его монография «Термодинамика поверхностных явлений», изданная в Москве главной редакцией физико-математической литературы в 2007 г., стала большим вкладом в науку в области физики межфазных явлений. О международной значимости этой книги свидетельствует то, что ее немедленно перевели на английский язык и издали в Англии в 2008 г. по инициативе всемирно известного Кембриджского международного научного издательства. Всеобщее признание специалистов получила также книга Х. И. Ибрагимова (первого президента АН ЧР) и В. А. Королькова «Работа выхода электрона в физико-химических исследованиях», которая часто цитируется в работах по электронной эмиссии металлов и сплавов.

Особенно продуктивным сотрудничество между КБГУ и ЧГУ было в период с 1995 по 2000 гг. Не секрет, что обстановка в республике в те годы была крайне тяжелой. Особенно незащищенными оказались русскоязычные студенты и аспиранты. Порой приходилось в экстренном порядке и вопреки инструкциям переводить студентов из ЧГУ в другие вузы. Таких случаев было немало и огромную роль здесь сыграли дружеские отношения между ректорами КБГУ и ЧГУ Б. С. Карамурзовым и Р. Х. Дадашевым. Как говорится, друзья познаются в беде: в эти трагические для чеченского народа годы руководство КБГУ сделало все возможное для поддержки студентов и аспирантов ЧГУ. Десятки студентов и аспирантов вузов Чеченской республики перевелись для продолжения учебы в КБГУ. В частности, учебу в аспирантуре КБГУ по физике продолжили Д. З. Элимханов (ныне канд. физ.-мат. наук, зам. директора ЦПМ АН ЧР), Р. А. Кутуев (ныне канд. физ.-мат. наук, декан физического факультета ЧГУ), В. Г. Горчханов, М. А. Зубхаджиев, А. И. Хасанов и др. Именно в эти тяжелейшие дни защитили кандидатские диссертации М. Гудаев, Р. Кутуев, Р. Успажиев.

Следует особо отметить, что в 1997–1999 гг. вся учебно-методическая литература ЧГУ издавалась в типографии КБГУ, и, что немаловажно было тогда для ЧГУ, эта литература издавалась на безвозмездной основе.

Учеными двух главных вузов соседних республик опубликовано более полусотни совместных монографий, научных статей и учебно-методических работ, они совместно обсуждают современные проблемы образования.

Отметим некоторые из результатов научного сотрудничества между Кабардино-Балкарским и Чеченским университетами. Большое признание в научном мире получило направление, заложенное П. Пугачевичем в области разработки и создания новых приборов и устройств для изучения поверхностных явлений в жидких металлах и их многокомпонентных сплавах, которое было продолжено и развито профессорами Х. И. Ибрагимовым, Х. Б. Хоконовым, Б. Б. Алчагировым, Р. Х. Дадашевым и их сотрудниками. В частности, разработанные и созданные под руководством проф. С. Н. Задумкина и Х. Б. Хоконова новые методы и приборы для измерения поверхностной энергии металлов в твердом состоянии позволили значительно уменьшить погрешность измерения поверхностной энергии металлов с 50–60% до 3–5%. Это дало возможность впервые в мире получать надежные данные о поверхностной энергии большого числа металлов и ряда их бинарных сплавов в твердом состоянии.

Особое внимание заслуживают достижения ученых Кабардино-Балкарской и Чеченской школ физики во главе с Х. Хоконовым и Б. Алчагировым, Х. Ибрагимовым и Р. Дадашевым по созданию современных комбинированных приборов для комплексного исследования поверхностных свойств многокомпонентных жидкометаллических сплавов и возникающих из них твердых фазах. Эти приборы были удостоены медалей на ВДНХ, а авторские права защищены патентами и авторскими свидетельствами. Их использование позволило повысить точность получаемых результатов и значительно ускорить исследования плотности, поверхностного натяжения и работы выхода электрона металлических систем, в том числе таких высокоактивных металлов, как ртуть и щелочные металлы.

Больших успехов в изучении многокомпонентных металлических систем достигли сотрудники научно-исследовательских лабораторий ЧГУ, Академии наук Чеченской Республики и Комплексного НИИ РАН (С. М. Юшаев, Р. А. Кутуев, Д. З. Элимханов, М.-А. В. Зубхаджиев, А. И. Хасанов, Л. М. Новрабиев, А. М. Джумаев, И. Н. Дадашев и др.) во главе с проф. Р. Х. Дадашевым. Ими изучены физико-химические свойства шести двойных, 16 тройных и двух четверных металлических систем, что составляет значительную долю имеющихся литературных данных по важнейшим свойствам многокомпонентных металлических систем. Огромный экспериментальный материал позволил им сделать важные выводы и теоретические обобщения. В частности, на основе полученных результатов ими установлено, что с увеличением числа компонентов уменьшается вероятность появления особенностей на концентрационной зависимости поверхностного натяжения; предложен перспективный метод прогноза поверхностных свойств многокомпонентных систем на основе данных по их боковым двойным системам; получены теоретические уравнения изотерм поверхностного натяжения многокомпонентных систем, которые используются в научных и заводских лабораториях при расчетах поверхностных свойств многокомпонентных металлических систем.

Впервые получены уравнения и разработаны методы расчета термодинамических параметров поверхностного слоя расплавов по концентрационной зависимости поверхностного натяжения. Это позволило провести теоретический анализ адсорбционных явлений в многокомпонентных системах и сделать ряд обобщающих выводов относительно особенностей адсорбционных процессов на поверхностях многокомпонентных расплавов.

Весомый вклад внесли в научные достижения отечественной науки ученые ЧГУ и КБГУ в области теоретических, методических и экспериментальных исследований металлических расплавов с участием ртути. Высокие активность и токсичность паров ртути и его амальгам предъявляют жесткие требования к применяемым для исследования их свойств методам и приборам. С учетом этих факторов и были сконструированы уникальные приборы, позволившие начать систематические исследования поверхностных свойств ртути и его сплавов – амальгам, получить ряд важных результатов и выводов. Например, учеными ЧГУ во главе с проф. Х. Ибрагимовым обнаружено, что толщина поверхностного слоя ртути существенно больше, чем у других металлов и быстро растет с повышением температуры, а добавление поливалентных металлов к ртути приводит к быстрому уменьшению толщины поверхностного слоя. Ими также установлена корреляция между поверхностным натяжением и так называемым «фактором g (жи)», отражающим степень перекрытия волновых функций валентных электронов. Установлена численная связь между фактором « g » и мольным поверхностным натяжением, что позволило по данным измерения поверхностного натяжения предсказать характер зависимости фактора g от температуры и концентраций компонентов в сплавах. Очень важное практическое значение имеют разработка средств для демеркуризации, а также способы их применения в гражданской авиации, разработанные в ЧГУ и КБГУ. Эти способы применялись на ряде предприятий Владивостока для устранения серьезных ртутных загрязнений.

Можно по праву гордиться достижениями ученых КБГУ в области изучения поверхностных и теплофизических свойств перспективных материалов – высокоактивных щелочных металлов и их двойных и тройных систем. Здесь впервые в мире (проф. Б. Б. Алчагиров, Х. Б. Хоконов и сотр.) приступили к систематическому изучению этого класса материалов, справедливо называемых «материалами XXI века». Щелочные металлы и их сплавы, а также соединения с их участием обладают уникальными физико-химическими свойствами – самой низкой плотностью и вязкостью (ниже, чем у воды), высокой тепло- и электропроводностью, низкими значениями поверхностного натяжения, потенциалов ионизации и работы выхода электрона, рекордно низкой температурой плавления (-80 °C) и т. д. Эти уникальные свойства обеспечивают возможность их широкого практического применения в различных областях техники и технологии: в ядерно-космической энергетике и тепловых трубах – как легкие и эффективные теплоносители с высоким коэффициентом теплопередачи; в электроэнергетике – как аккумуляторы и топливные элементы с высокой

удельной энергоемкостью, надежностью и долгосрочностью; в материаловедении – как сверхлегкие добавки в композиционные материалы авиакосмической техники, обеспечивающие их механическую прочность, тепловую и химическую стойкость при достаточной пластичности; в радиационной физике – как эффективное средство защиты от тепловых нейтронов и гамма-излучений; в теплотехнике – как высококалорийные добавки к жидким и твердым ракетным топливам и др.

В результате удалось впервые изучить плотность, поверхностное натяжение и работу выхода электрона всех двойных и ряда тройных систем щелочных металлов. В принципе КБГУ стал признанным мировым научным центром в области исследования свойств щелочных металлов и их сплавов. Приоритет ученых КБГУ закреплен десятками авторских свидетельств и патентами на изобретения. Полученные данные снискали мировое признание и вошли в научную и справочную литературу.

Ученые-физики ЧГУ и КБГУ и сегодня продолжают научные исследования, совместно обсуждают наиболее перспективные направления и проблемы науки, обмениваются передовым опытом и своими достижениями не только в науке, но и в деле обучения и воспитания студенческой молодежи. Результаты научных исследований мирового уровня, полученные учеными КБГУ и ЧГУ в области поверхностных свойств материалов, – это, несомненно, плод совместного соревновательного и братского характера отношений двух главных учебных и научных учреждений Кабардино-Балкарской и Чеченской республик.

Хотелось бы отметить роль и значимость ежегодно проводимых студенческих фестивалей вузов Северного Кавказа, в которых регулярно принимают активное участие студенческая молодежь КБГУ и ЧГУ. Фестивали сближают студенческую молодежь, помогают лучше понимать и сдружиться друг с другом, закладывают прочный фундамент для дальнейшего укрепления и плодотворного развития сотрудничества между коллективами вузов братских республик Северного Кавказа.

Таким образом, межрегиональное сотрудничество в области науки и подготовки кадров между академией наук Чеченской республики, Чеченским государственным университетом, Комплексным научно-исследовательским институтом РАН и другими учреждениями Чеченской республики, а также с научными учреждениями и вузами Юга России, с одной стороны, и Кабардино-Балкарским государственным университетом, с другой стороны, имеет глубокую историческую традицию и большие перспективы развития.

Лариса АЛОЕВА

Незаходящее солнце Инны Кашежевой

Изящная и нереальная в своем хрупком и воздушном теле, с короткой мальчишеской стрижкой, ставшая благодаря своей индивидуальности и таланту символом целого поколения молодых поэтов России, Инна Кашежева покорила сердца миллионов читателей. Стихи, которые она сочиняла, казались такими же необыкновенными, как она сама, – загадочными, призрачными, прекрасными, чарующими. Читая их, люди вновь открывали для себя знакомые места:

Москву, Ленинград, Гиссарскую долину, Душанбе, Одессу, Кишинев, Париж, и, наконец, и в первую очередь – Кабардино-Балкарию – Нальчик, Каменномост. Узнавали через прищур ее умных и проницательных глаз ее сердце, а узнав – влюблялись навеки:

Ну, теперь вы, девчонки, пропали,
Никуда не уйти от судьбы,
Мои братья надели папахи
На свои смоляные чубы.
И луна опустила так низко
Над селом золотую ладонь,
И недаром взяла гармонистка
В руки лучшую в мире гармонь.

«Незаходящее солнце» Инны Кашежевой появилось на небосклоне российской поэзии ослепительно ярко, неожиданно и триумфально, предвещая долгое свечение. В 60-х годах один из ее первых сборников под одноименным названием вышел в Кабардино-Балкарском книжном издательстве, как бы документально свидетельствуя о том, что хоть и родилась и выросла поэтесса в Москве, но ее подлинно исконная духовная обитель находится за тысячу верст, там:

Где воздух тающий, как льдинка,
И звонкий, как поток зерна,
И там любая кабардинка,
Как солнце в августе знойна.

Поэзия Инны Кашежевой по большому счету – это поиск любви, отягощенный тоской от безответности и неразделенности высоких чувств, которые поэтесса испытывала к миру людей. («Тяну я каждою строкою, как песнь бурлацкую: «Люблю». Своей недетскою тоскою я ваши лестницы стелю. Но дайте, дайте мне расплакаться на равнодушии у вас!») Одна из главных метафор творчества поэтессы, которую она выносит в заглавие стихотворения («История любви»), воплотила не только романтические искания восемнадцатилетней девушки-москвички, душевно ранимой и чувствительной, но и внутреннее напряжение той послевоенной эпохи, отразившееся в массовой потребности людей быть любимыми, потребности катарсиса после кровавого пиршества войны. Подобная причастность к пульсу послевоенной жизни страны обусловила и особое свечение ее лирических стихов, которые воплотились в образы Весен:

Шагнула ночь, как девочка из мрака,
Из-за садов, уже готовых цвeсть..
Мне ветер пел, как древние гегуако
О веснах, что шумели здесь.

Или же:

Мне весна приснилась на рассвете,
Солнцем позолоченная вся.

Или же:

Горы! Горы! Вас надо любить,
Как материнские любят морщины.
Надо так высоко парить,
Чтобы Вам целовать вершины.

Или же:

Глаза мои – орлиные,
Отливают глаза серебром.
Слезы льются летними ливнями,
Смех грохочет, как вешний гром.
Поллюблю, как южное солнце, –
Обожгу, обогрею, спалю!
С горным эхом сольется
Откровенное: «Я люблю».

Кашежевские стихи не только напевны и свидетельствуют об авторской жажде жизни и влюбленности в Кавказ, Кабарду и Балкарию, но и представляют собой извечный образец женской тяги к жертвенности и миропорядку. Они познавательны и публицистичны, в них представлены наиболее важные для понимания культуры кабардинского и балкарского

народов духовно-нравственные установки того времени, по ним можно узнать гораздо больше о географии и истории родного края, чем по результатам социологических исследований целого института.

Тщетно ищешь по картам –
Он ни мал, ни велик.
Тобой не разгадан,
Мой седьмой материк.

Поэзия Инны Кашежевой проникнута удивительным ощущением божественности края, где природная палитра, запахи и особенно звучащие слова – загадки, за которыми скрываются названия рек, аулов, городов Кабардино-Балкарии. Они полны неожиданных сюрпризов-метаморфоз или невероятного райского наслаждения :

Потому что где-то речка Малка,
Обмелев, упала под мосты,
Потому что золотистой марга
По-весеннему смеешься ты.

Или:

...И себе я кажусь исполином,
И слова созревают во рту...
Я оставлю покой свой равнинам
И пойду штурмовать высоту.

Мои ноги быстрее, чем у лани.
Кабарда! Отдала мне ты
И мечту, и простор, и пыланье
В половине своей смуглоты.

Кавказ для Кашежевой прежде всего лирическое видение мира, где нерасторжимо слиты острое чувство родины – большой и малой, ощущение культурной традиции кабардинцев и балкарцев, безусловно острейшее переживание конкретики бытия того времени, («Нет, не по привычке, а по крови я люблю, хотя живу вдаль, на горах – извечные покровы, на горянках – шали до земли») – пронзительно-чувственное видение, раскрывающее через образ отца и его родины, Кабарды, соответствие и в чем-то даже духовно-нравственное превосходство идеалов адыгского народа перед испытанием вечных гор и самой истории:

Ночь текла, горячая, как кофе
По лесам текла, как по усам.
Кабардинцы танцевали кафу,
Поднимая руки к небесам...

Или:

Была весна, цвела чинара,
 Сгорая в пламени зари...
 Молитву бабка мне читала,
 Перебирая янтари.
 В молитве той века дымятся,
 Кинжалы стонут, кони мчат,
 Пришельцы женщинам дивятся,
 И муэдзины с крыш кричат.
 В молитве той горят мечети
 И бьются женщины в седле,
 И бьется кровь во имя чести
 В любом дворе, любом селе...

Миновав вереницу воспоминаний, отряхнув вместе с рассказами стариков бремя истории, через тысячу смертей и жизней, которые живут в сознании поэтессы вместе с гордыми и таинственными образами любви и смерти, придя в жизнь нынешнюю, она ищет свой след в вечном многообразии, и опорой в этих поэтических странствиях служит ей родовое гнездо Кашежевых:

Если вдруг в снегу утопну я
 На дороге в два следа,
 Распахнешь ты бурку теплую
 И согреешь, Кабарда!

Мифологические образы-символы придают стихам Кашежевой лирическую цельность, сообщая через образы отца, деда, прадеда, бабки внутренние переживания самой героини-поэтессы, сопрягая в пределах художественного космоса души и личное, и историческое, и социальное, и национальное, и общенациональное. Помогает внутреннему «Я» приблизиться к праязыку нации, к которому Инна Кашежева относилась с особым пиететом, и что укореняло ее, молодую москвичку со своим народом, прошедшим через чистилище веков:

О родина отца, о родина моя!
 О вечная и сладкая та боль:
 Меня ужалила дорога, как змея,
 Дорога, разлучившая с тобой.

Отправной импульс к поиску любви, утраченной, и дороги потерянной, по сути своей бесконечной, как полагала поэтесса, может дать в прозрении художника-мастера, замеченная и принятая на грудь, как молитва, повседневная красота Кабардино-Балкарии, земли обетованной, так и не ставшей для нее последней колыбелью. Ведь умерла и похоронена была

Инна Кашежева в 2004 году на одном из московских кладбищ, вдалеке от избранной и по-настоящему возлюбленной ею родины и могилы отца.

Я люблю вас, улицы нальчикские!
Я давно вас знаю наизусть.
Кепкою зеленой по-мальчишески
Мне навстречу машет каждый куст.

Или:

...Возьми меня в Балкарию,
Где горы и орлы.
Хочу увидеть заново
Края моей мечты.
Хочу дышать нарзановым
Туманом высоты.

Все эти метафоры «Эльбрус как женская грудь», «бурка Кабарды», «горы и орлы» – бессмертные и яркие атрибуты страны ее детских грез и мечтаний – Кабардино-Балкарии, останутся вечными и неизменными спутниками ее творчества, они, которые обнимают родину ее отца, где блестящие и удивительные судьбы горцев, адыгов и балкарцев, ткнут полотно жизни, и родные звуки этой земли и вольных просторов у нее в крови, в сердце, мозгу, в каждой клеточке плоти, ради чего дышали ее предки, того, что сводит с ума, наполняя и невыносимой болью, и неистовым восторгом, есть та волшебная арфа любви, которая зовется Инной Кашежевой:

Когда для счастья сердце мне мало
Когда печалят мелкие раздоры,
Я обращаю мысленные взоры
К тебе, Кавказ, – чистилище мое,
К вам, мои судьи, к вам родные горы!

Или:

Утро пахнет розами чайными,
Утро тихо встает в тишине,
Я иду, и со всеми нальчанами
Поздороваться хочется мне.
Поклониться прохожему старцу,
Руки сжать у его сыновей,
И у девушки юной остаться
Удивленным изгибом бровей.

Инна Кашежева открыла собственную Вселенную и познала свой адыгский народ так глубоко, точно она сама исток и корень этого народа, точно она породила этих людей.

Вместе с богатством и широтой жизненных впечатлений к ней приходит созвучие органа, того мощного поэтического голоса любви ко всему общечеловеческому, что делает поэтессу социокультурным феноменом времени. Только вслушайтесь в эти строки:

На пляже под абстрактным небом зонтика
 Волнует женщин ваш горячий взор.
 Вы горцы. Вы ходячая экзотика
 С телами ослепительнее гор.
 Легенда вы, восставшая из праха,
 В которой войны – ваше ремесло...

.....
 О женщины курортные под зонтиком!
 Не обманитесь простотой лица,
 Мечтая о романах и экзотиках.
 За мышцами – мышление творца!

В своей лирической поэзии Инна Кашежева стремится передать то, что с детства манило и страшило ее – магию любви. Абсолютно искренне молодая девушка, которая к четырнадцати годам перечитала всю мировую классическую поэзию, которая пришла к выводу, что жизнь – это прежде всего любовь, а она сама крошечная частичка мироздания, которая стремится слиться с этой беспредельностью чувств (благо, литинститут в Москве, где она учится, – экспериментальная лаборатория творчества), пишет, словно проникая за внешнюю оболочку вещей:

Как известно, молодость безбожна,
 Ей не надо вечности богов.
 Оттого, наверное, безбольно
 И проходит первая любовь...

Петр ЧЕКАЛОВ,
доктор филологических наук, профессор,
Ставропольский краевой институт повышения
квалификации работников образования

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

(о романе М. А. Хакуашевой «Дорога домой»)

В истекшем 2009 году в издательстве «Эльбрус» г. Нальчика под псевдонимом Дины Арма вышел роман Мадины Хакуашевой «Дорога домой».

Известно, что подобные произведения в одночасье не создаются, начинающие писатели обычно сначала осваивают более простые жанры, апробируют их на читателе, набираются опыта, мастерства, и только после того, как почувствуют в себе определенную степень уверенности, обращаются к крупным литературным формам.

Попытаемся определить видимый творческий путь автора.

В восьмом номере журнала «Литературная Кабардино-Балкария» (Нальчик) за 2002 год под псевдонимом Асхада Гуазова М. Хакуашева опубликовала новеллу «Из дневника доктора», через год – новеллу «Усадьба». Через 2 года в четвертый том антологии «Современная литература народов России» (Москва, 2005) был включен ее большой рассказ «Кабардинская усадьба», затем в сборнике северокавказских авторов «Война длиною в жизнь» (Москва, 2007) появился рассказ «Диса», а в журнале «Мегалог» (Пятигорск, 2008) – другой рассказ «Вечеринка». В 2006 г. в центральном журнале «Дружба народов» (№ 8) увидела свет повесть «Дорога домой», которая в расширенном варианте перепечатывалась журналами «Нана» (Грозный, 2008) и «Дарьял» (Владикавказ, 2009). Так как впоследствии все эти произведения вошли в 350-страничный роман, возникает ощущение, будто он явился результатом простого сложения публикаций последних семи лет. Но такое впечатление обманчивое, потому что ко времени выхода первой новеллы роман уже был почти завершен и все перечисленные рассказы и повести печатались как фрагменты готового, композиционно оформленного единого произведения. Таким образом, роман «Дорога домой» является первой профессиональной работой М. Хакуашевой, с которой она вышла к читателю.

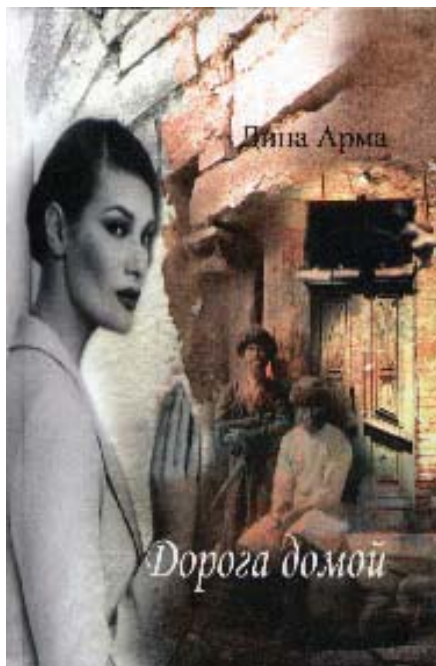
Заметим, что предыдущие беллетристические публикации не прошли незамеченными читателями, критиками и литературоведами, о чем говорят рецензии С. Алиевой (газетная публикация, Нальчик, 2007), Л. Шауцуковой («Литературная Кабардино-Балкария». – Нальчик, 2008), Т. Биттировой («Вопросы филологии». – Пятигорск, 2009) и кандидат-

ская диссертация А. Бозиевой «Современная кабардинская повесть» (Нальчик, 2008). Но нам представляется, что явление М. Хакуашевой такого порядка, что исчерпать разговор о ее творчестве двумя-тремя отзывами вряд ли удастся. Думаю, что последняя книга предоставит пищу для размышлений еще не одному критику и литературоведу. Мне же сегодня хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениями и соображениями, никак не претендуя на истину в последней инстанции.

Первое мое впечатление было таким, что в романе особого вымысла и нет, что автором был художественно оформлен свой личный и жизненный материал ближайшего к ней круга людей. Роман воспринимается автобиографией трех поколений рода Шаоцуковых – Шогенцуковых. Во всяком случае, то небольшое, что я знаю об авторе и представителях ее рода, пластично накладывается на романное повествование. Однако текст оказался гораздо более сложным.

Язык произведения – богатый, образный, метафоричный; современная научная терминология органично вплетается в текст, создавая ощущение свежести, неожиданности, и зачастую из этого сплава рождаются прекрасные образы: «Воспоминания... оживали и, спрессованные временем, плотно закручивались в одну длинную спираль, как формула молекулы ДНК»... Многие метафоры и сравнения просто великолепны. Я читал и отмечал про себя бесконечный ряд метафорических образов: «новорожденное пространство мира», «кулинарное настроение», «эйфорический ступор», «интернациональные разносолы», «гастрономические раунды», «приступы лингвистического дефицита», «цитадель торговли» (о базаре), «длинная злобная эскадрилья» (о пчелах)...

Сравнения метки и оригинальны: «Обитатели нашего дома вписывались в него, как картины в свои рамки», «праздники, похожие на глубокие обмороки», «голосом единственной лопнувшей скрипичной струны Паганини»... Мне кажется, что некоторые из них по-настоящему может оценить лишь горский человек, выросший в ауле: «Сыр хрустел на зубах, как сухой снег под ногами». Городской читатель вряд ли ощутит точность этого выражения, а свежеприготовленный по горским рецептам

сыр именно таков. Прелестно описание лета кузнечиков, «похожих на внезапно ожившие летучие листья травы»... Прекрасны и оксюмороны: «неслышный набат», «хрупкая мощь»...

Самыми лирическими из выразительных средств выступают олицетворения, чаще всего связанные с природными явлениями: «Ветер играл кронами деревьев, перебирал их, словно четки»; «ветер сворачивался и залегал где-то у корней деревьев, растворяясь в глубокой летаргии»; «однажды ночью через незапертую калитку неслышно заползала весна и, притаившись где-то у плетня, чутко выжидала»...

Из изобразительно-выразительных средств Хакушева особое пристрастие испытывает к эпитетам. Иногда кажется, что она не может написать трех слов кряду, чтобы одно из них не выступало определением: «И рассыхалась *самшитовая* колыбель, и прерывалась *шелковая* нить, и разбивался *серебряный* кувшин, и иссякал *хрустальный* родник, и умирала *последняя* искра огня, и рассыпались жемчужины по *сухой* земле, и тускнел *всевидящий* зрачок, угасал *последний* звук, растворяясь в небесах *ущербной* луны, и время катилось к своему исходу». Порой автору не хватает одного эпитета, чтобы подчеркнуть основной признак предмета: «*гладкий, прохладно шоколадный глянec* каштана», «*тускло мерцающее сырое кукурузное тело с наливными янтарными и молочными зернами*», «*неправдоподобно изысканный, тонкий, прозрачный* слог Мандельштама»... Просто поражаешься их неисчерпаемости, особенно при описании овощей, фруктов, деревьев. Здесь столько тонких наблюдений и замечаний, что они одни уже неоспоримо доказывают, что перед нами уже состоявшийся художник.

Некоторые фразы являются свидетельством не только несомненного беллетристического таланта, но и зрелости мысли сложившейся личности, сформировавшегося сознания, определившейся жизненной и гражданской позиции: «Самая страшная жестокость – жестокость слабых», «Того, кто не вписывается в эти рамки, уничтожают или создают условия для самоуничтожения». Они великолепны не только по форме выражения, но и по сути высказываемого.

Очень хорошо сказано о растительном паразите – оеле, который в представленном контексте можно рассматривать столь узнаваемым символом конформизма: «Факт ее безусловного процветания не сочетался с моим напряженным нравственным чувством. Я только смирилась с этим чистым символом неистребимого приспособленчества, но не признала его». Это – обо мне, о моем личном переживании настоящего момента. Точно так же, как собственное самочувствие я воспринял и основное качество одной из героинь романа: «В мире реальности каждый находит лишь то, что ему созвучно. Для нее реальным было только справедливое». Думаю, найдется еще немало людей, которые подписались бы под этими (и не только этими) словами, как под собственными выстраданными формулами гражданской позиции.

Очень мил и трогателен образ девочки Дины, от чьего лица ведется повествование почти всей второй части. Естественно, запомнить все свои

ощущения детства и воскресить их, будучи уже взрослым, невозможно, и в ее образе много от сознания и осмысления взрослого человека, и, тем не менее, образ девочки психологически достоверен. Что-то неуловимо трогательное и обаятельное есть во фразе: «Так же легко, как попасть со двора на улицу, можно было переходить из одной квартиры в другую *без ущерба подмочить незапятнанную пока репутацию воспитанной девочки*». Здесь и взрослое, и детское объединились в нерасторжимое единство. Очень тонко и без излишеств описана сцена, когда Аслан подсаживается к ней на лавочке: «*Я перестала болтать ногами. «Привет, малышка!» Я покосилась на наши окна: бабушке такое соседство совсем бы не понравилось...*» Или вот еще: «*Я, защищенная темнотой ночи, могла задавать самые смелые вопросы, которые не осмеливалась задавать днем*». Или о восприятии рук Левы: «*самыми мужскими на свете руками...*» Хотя мы уже далеко не дети, нельзя не почувствовать в этих словах осязаемой, как вещество, психологии ребенка.

Притягательным в образе девочки-повествовательницы является также отсутствие рафинированности, ее естественность. Совершенно отчетливо узнаю себя и в эпизоде, описывающем ее стремительный бросок с вершины крутого холма: «*Я закрывала глаза, чтобы не видеть немислимой зеленой крутизны, на миг обмирала и с остановившимся сердцем бросалась вниз. В лицо ударял сильный порыв ветра, и, *задохнувшись, я раскрывала рот в восторженном и страшном крике, не попевая за сумасшедшими ногами...**» Чтобы писать так, на мой взгляд, нужно иметь, помимо наблюдательности, впечатлительности и прочего, душу художника. Единственный момент, который, на мой взгляд, грешит налетом искусственности, – фраза: «*Я заявляла, чтобы мне оплачивали ставку телефонистки*». Это что-то из взрослой жизни, вложенное в уста девочки. В целом же образ очень хорош. Именно он создает ощущение того, что весь текст второй части пронизан ностальгией не столько по детству, сколько по миру, в котором протекло это детство.

Пером автор владеет хорошо, а местами – просто виртуозно. Особенно ей удаются описания: портрет человека, сад, фруктово-овощные нагромождения на базаре, салют, разрушенный Сухум, подземные пещеры Нового Афона, даже сюрреалистическая картина «непостижимой вселенной»... Кажется даже, что все это дается ей без каких-либо творческих усилий. Поражает не только степень авторской эрудиции, осведомленности в совершенно различных и многочисленных областях, но и то, как она умеет преподнести художественный материал. На мой взгляд, это – несомненный талант: вымучить такое даже долгим-долгим старанием невозможно. Для этого необходимо иметь не только дар видеть, осязать, воспринимать, селекционировать, но главное – уметь воспроизвести это в своей первозданной свежести. Мне действительно удивительно, как это можно, сидя где-нибудь в кабинете или квартире, в деталях описывать события с фактографической точностью, будто они были отсняты на киноплёнке, а теперь только легко и непринужденно прокручиваются перед тобой.

Но в этой описательности есть и своя слабая сторона, и мне она видится в статичности картин. По большому счету, сюжета в романе как будто тоже нет. Конечно, если задаться целью, можно выявить и некое подобие: поездка героини для прохождения практики или ординатуры в Москву, из столицы – в Абхазию, затем – в «город счастья», ностальгически навевающий воспоминания детства, в последней части, как бы замыкающей круг – возвращение в Москву...

Лучшими страницами романа я признал бы те, что посвящены Аслану, Леве, Мусарби, Дисе, безымянной тридцатитрехлетней женщине. Значительное место в системе образов занимает Муса. Более того, он выступает одной из основных фигур в структуре романа: он – духовный центр, к которому Дина интуитивно стремилась всю сознательную жизнь. Несмотря на противоречия между нею и Мусой, все же только такая цельная, сосредоточенная и целеустремленная натура могла быть избрана ею в качестве своей духовной половины. В этой связи мне кажется совершенно оправданным и то обстоятельство, что любовные отношения между молодоженами заменяются идейными. Это в духе всего произведения, органично сочетается с его основным замыслом, (если я его правильно понял, разумеется). Оправданным является и то, что образ Мусы раскрывается именно в четвертой части, и что эта часть озаглавлена его именем. Большое значение в реализации общего замысла произведения обретает и глава «Собрание». Публицистический стиль ее тоже оправдан: не страдая чрезмерной экзальтированностью, она четко выявляет и выставляет на повестку дня наиболее острые проблемы современности, касающиеся не только адыгов, но и всех северокавказцев.

В этом плане особенная роль отводится двум притчам, включенным в третью часть. На мой взгляд, они превосходны. По поднимаемым в них вопросам, по уровню их художественной реализации достойны пера Нальби Куека. Первая из них воспринимается как индивидуально-авторская мифология истории адыгов, как гимн любви и боли по трагической истории своего народа. Мне представляется, что это – сердцевина, квинтэссенция романного замысла, то, ради чего он написан. Стиль – великолепен, местами напоминает библейский и стиль древних сказаний; образы – глубокие и волнующие, символы и аллегории – сильны и распознаваемы! Это не покорить не может. Это не мог написать обычный, средней руки писатель, такое могло родиться только из врожденного, оплодотворенного большим талантом скорбящего духа!

Как известно, для В. Распутина книга Ю. Чуяко «Сказание о Железном волке» явилась показателем того, «как должно в наше время любить свой народ». С не меньшим основанием эти слова можно адресовать и автору романа «Дорога домой».

Но, к сожалению, не все здесь безукоризненно.

Первой притче предшествует эпиграф: «Плачет Рахиль по детям своим и не может утешиться, ибо нет их». Хотя мы и были долгое время христианами, но нынешнее наше сознание все же мусульманское. И потому мне кажется, что эпиграф и библейские реминисценции в устах

Тха в конце главы психологически не мотивированы, они мотивированы логически и интеллектуально. В данном случае, вероятно, следовало исходить из первого. Также именно как логические вставки воспринимаются буквальные подстрочные переводы народно-поэтических текстов, которые не поднимают, а ослабляют эстетический уровень главы, разжижают страстный накал повествования.

Вторая притча, нисколько не уступая первой в идейно-содержательном плане, заметно выигрывает в формально-техническом. Здесь нет никаких излишеств, все предельно отточено. Можно только удивляться тому, как можно было в одной небольшой главе обобщить художественно, обрисовать образно и лаконично (и главное – достоверно!) общественные тенденции последних лет. Это просто блистательно!

Общий замысел романа, его основная идея мной видится в напряженных поисках героини самой себя, своего предназначения. Трагические судьбы деда, матери, тети, дядей приводят героиню к истории своего народа, приобщают ее к исторической и современной судьбе адыгов, которая и оказывается дорогой к себе, дорогой домой. Казалось бы, чисто лирическая направленность, но она обретает мощное эпическое звучание в третьей и четвертой частях. В большей степени благодаря именно им роман воспринимается как большой вечевой колокол, которым автор пытается догудеть до ушей, душ своих современников не столько ради напоминания им величия истории своего народа, сколько предупреждая их о состоянии духовного летаргического сна, из которого необходимо пробудиться, встряхнуться, вспомнить о своем настоящем предназначении и служить этому назначению.

Не могу не заметить, что в звучании этого колокола присутствуют неверные или, скорее, лишние звуки, они разбавляют основной мощный мотив, но не заглушают его: несмотря на них, колокол звучит напористо и достойно.

О мастерстве автора мы говорили немало, но стоит отметить и тот факт, что выразилось оно в романе неровно. По моим впечатлениям, в художественном смысле самой сильной выступает вторая часть, в идейном – четвертая; художественно наиболее слабая – первая, композиционно – третья. Определенную переработку и доработку, на мой взгляд, заслуживала третья часть, хотя именно сюда включены притчи, которыми я только что восторгался. По моим представлениям, здесь все же далеко не все отточено и состыковано. Самая уязвимая глава этой части – «Документы», которая представляется редакторским упущением. Приводимые документы организованы слабо, нарушена хронологическая последовательность. Они и сами по себе достаточно красноречивы, но если автору видится необходимость в комментировании, увязывании всего материала в единый цельный текст, тогда можно было на их основе подготовить публицистическую главу. А то, что получилось, воспринимается как заготовка, которую следовало еще шлифовать и шлифовать. Также представляется, что можно было сократить число самих документов, оставив только самые значительные, так как от их множества впечатление не усиливается,

а притупляется. (Кстати сказать, и записи Теун оставляют ощущение избыточности, и их тоже можно было бы сократить, причем изрядно.)

Продолжая эту же тему, хочется обратить внимание еще на одну деталь: в четвертой части есть упоминание о том, что во времена сталинского правления целыми подводами вывозились и сжигались уникальные исторические документы. Какой смысл был сжигать исторические документы прошлых веков? Логические доводы какие-то должны быть? В повествовании они отсутствуют, и поэтому эпизод воспринимается как маловероятный.

Автор затрагивает целый пласт сталинских репрессий в Кабарде, – жуткие истории, написанные вместе с тем честно и реалистично. Но разве это – вся правда о Советской власти? И разве сталинизм и советская власть равновеликие понятия? Разве за 70 лет, кроме репрессий, ничего положительного не было?

Роман «Дорога домой» – реалистическое произведение, но в нем многовато мистики. Вполне уместными представляются левитирование Левы, сон мамы, связанный с затоплением квартиры, образ грека-миссионера, но валун посредине огорода, который не могли подорвать даже профессиональные саперы, время от времени появляющийся и исчезающий фантастический старичок на сундуке кажутся чрезмерными, излишними, эстетически не оправданными.

В романе встречаются фрагменты и даже целые главы, сами по себе не плохие, но, на мой взгляд, не востребованные в общей структуре сочинения. Особенно много такого материала в первой части. Праздничный салют воспроизведен великолепно, но эта картина – мозаичная плитка, не связанная прочными узами с остальным романном миром. «Лагерь» – один из немногих внутренне завершенных главок с выявлением внутреннего противоречия вещей, но в то же время это преимущественно вторичный материал: здесь нет новизны, остроты, яркости. «Вечеринка» – целый калейдоскоп мужских и женских типов, выведенных аккуратно, небесталанно, но к чему все это нагромождение? Чтобы они стали самодостаточны, интересны сами по себе, им не хватает некой поэзии, как при обрисовке Левы или Дисы. Во второй части такой же избыточной представляется глава «В мастерской скульптора», в первой части – образ Вавилона.

Хочу оговориться еще раз: эти фрагменты и главы не плохи сами по себе, но избыточны в структуре романа, в них нет ни эмоциональной, ни идейной дополнительности, они расслабляют общую целенаправленную энергию произведения, делают роман более рыхлым, тогда как он должен быть спрессован до предела, так как от этого зависит весь его заряд и запал.

Другая слабость произведения видится в том, что речь персонажей не всегда индивидуализирована: многие из них говорят на том же правильном интеллектуальном языке автора.

Не могу не отметить и недочеты технического плана, связанные скорее с упущениями редакторской работы. После использования отдельных национальных слов тут же в скобках дается авторское пояснение, как в

научных текстах. Зачем? Это же не научный трактат. Такая форма разрушает стиль и общее настроение. Такие слова лучше было пометить звездочкой, а пояснения давать в примечаниях за пределами художественного текста. Кроме того, некоторые персонажи выводятся под инициалами, а некоторые попеременно: то полными именами, то инициалами. В результате складывается впечатление, будто автор в отдельных местах забыла отредактировать рабочий материал.

Как видим, не все в романе оказалось безупречным. Но и в том виде, в каком увидел его читатель, он являет собой далеко не рядовое событие не только для кабардинской или общеадыгской литературы, но и для литературы всего Северного Кавказа.

Людмила ШАУЦУКОВА

Еще раз о дороге, которая ведет не только домой

Мне вспоминается недавний визит в Нальчик Славы Лена, известного в московских литературных кругах, который на встрече с творческой и научной интеллигенцией республики объявил, что постмодернизм, в котором мы пребывали до последнего времени, приказал «долго жить», а на смену ему пришел так называемый рецептуализм, чьей столицей стал Нальчик. По его словам, важнейшим условием новой художественной практики стало абсолютное игнорирование мнения критика, поскольку ни толковать, ни объяснить художественное произведение невозможно по определению. Признаться, я тогда задумалась: разве можно отменить суждения о природе художественных ценностей, их зависимости от социокультурных и личностных факторов? Разве не будет нуждаться зритель, слушатель, читатель в подтверждении избранных им ориентиров, которые как система ценностных кодов присущи любой культуре?

По законам жанра критическая статья строится по схеме: констатировать – похвалить – усомниться – выказать непонимание – чуть поругать, в конце опять похвалить. Все эти моменты присутствуют в рецензии П. К. Чекалова «Вечевой колокол».

Но классическая рецензия, будучи адекватной для классической ли-

тературы, «пробуксовывает», если речь идет о произведениях, подобных «Дороге домой». Для современной литературы зачастую не столь важны фундаментальные тропы – олицетворение, сравнения, метафоры и т. д., которые, безусловно, эксплуатируются и сейчас как художественные формы. Но в хорошей литературе они обязательно трансформируются в нечто гораздо более ценное – в особое поле смысловой энергии. Оно представляет собой нечто цельное и завершенное, и его невозможно расчленить наподобие пушкинского «и музыку, как труп, разъял».

Автор статьи сетует на отсутствие фабульной пружины, лишаящее роман динамики. Но ведь речь идет не о романе XIX века, в котором определено имеет место повествование с началом, кульминацией, развязкой и т. д. «Дорога домой» имеет принципиально новую структуру, которая сплавляет многие жанры (об этом я уже писала). Разве неповторимая динамика действительности должна укладываться в «прокрустово ложе» развертывающегося романного действия? Разве смена эмоций, идей, настроений, переживаний, развитие мотивов внутреннего, психологического характера не есть динамика только потому, что в них нет объективного совершающегося действия? Помните, еще Лев Толстой писал о том, что вряд ли будет интересно читателю узнать о ком-то, кто вошел в комнату и сел на стул. На наш взгляд, именно бессюжетность является одной из удач автора, делающих роман современным, неформатным; необязательность событийного ряда, освобождающая авторскую рефлексию, избавляет читателя от старого романного клише, – занимательной истории, чье окончание скорее хочется узнать.

Вспоминаются времена не столь отдаленные, когда историко-художественная перспектива отождествлялась с марксистским толкованием социальной перспективы. Но разве искусство – не самобытная форма, обладающая уникальной спецификой самостоятельного развития и толкования всего комплекса внутренних и внешних событий? Если бы это было не так, вряд ли летопись на Руси вышла бы на уровень художественной прозы, ибо историк видит и описывает факт реальности, в то время как художник имеет великую свободу интерпретировать этот факт без ссылки на его истинность. Фактографическая история искусств, конечно, имеет место, но художник, как известно, движим, прежде всего, целью создания новой живой конструкции с ее дыханием, флером, неповторимым ощущением от погружения в атмосферу текста. При этом эта конструкция не имеет ничего общего с исторической реальностью. Кстати, о последней: архивные документы действительно сжигались агентами НКВД, и об этом многое могут сказать специалисты. Впрочем, в контексте наших рассуждений это ровно ничего не значит.

Далее автор статьи вопрошает: зачем так подробно описываются проходные образы, например, Вавилона? То есть надо понимать так: если бы данный персонаж совершил некоторое действие, или бы был выведен более объемно, ему было бы место в нем, а так...

Автор романа легким прикосновением воссоздает сочный, цельный образ – свидетельство несомненной литературной одаренности. Тот же Вавилон – фигура, актуальная во все времена, обыватель-потребитель,

который гораздо умнее и хитрее, чем его имидж. Это человек, несомненно, имевший духовные задатки, но подобно античному герою, превращавшему в золото все, к чему он прикасался, переводит в разряд материального всякое духовное, – не правда ли, напоминает многих «героев нашего времени»?

Роман «Дорога домой» – реалистическое произведение, утверждает П. Чекалов. Жаль только, что в нем так много неоправданной мистики. А что Вы называете реализмом? Явление типичного героя в типичных обстоятельствах? Диалогичность и спор позиций, истину как результат столкновения противоречий? Если употреблять «реализм» в отношении романа Дины Арма, я бы непременно добавила «магический». Смотрите сами: автор намеренно не дает себе труда объяснить фантастические элементы, которые органично вплетены в образы и не диссонируют с ними. Персонажи романа не только принимают как данность логику магических эпизодов, но никогда их не оспаривают. Реальное сосуществует с ирреальным, переплетаются прошлое и настоящее, астральное и физическое, фантастическое и повседневное. Впрочем, не будем детализировать вещи, достаточно хорошо известные в литературоведении. Повторяясь, скажем, что каждый вправе иметь свою аксиологическую шкалу в оценке явлений искусства. Но есть в обсуждаемой статье момент (намеренно выделенный автором статьи П. Чекаловым), о котором фольклорный герой сказал бы: «Этот случай всех злее». Цитирую: «...Это – вся правда о Советской власти... Но разве сталинизм и советская власть равновеликие понятия? И разве за 70 лет, кроме репрессий, ничего положительного не было?» Отчего же, было. В научных статьях в таких случаях пишут «см» (смотри). Смотри: фильм «Кубанские казаки», романы Кочетова, пьесы Корнейчука, стихи Щипачева, живопись Герасимова и еще многое-многое другое. Ну нет желания у Д. Арма живописать позитивы власти Советов. Более того, автор романа совсем не желает взвешивать все «за» и «против» как социализма, так и любого другого «изма», и совсем не озабочен поисками дидактической истины, а всего лишь демонстрирует любовь, боль и сострадание. Не сострадание как самообман, а как главный фундаментальный этический принцип, как главный аспект любви на земле, как боль, которая свербит и рвется наружу, сублимируясь в слово, ибо оно было, по Библии, основой всего сущего. Эта способность чувствовать другого, а то и целый этнос как самого себя, ощущая его как живой организм во всех эмоциональных и смысловых оттенках, это качество, отвечающее за кооперацию всего генофонда планеты по неписанному кодексу, и есть, очевидно, главная данность художника, через чье сердце, по определению, проходит трещина мира.

Добавьте к этому владение инструментарием писательства XX века, то есть владение иронией, специфическим грустным юмором, интертекстуальностью, стилизацией, умышленным смещением и приостановлением характеров, историографическим любопытством, намеренной запутанностью сюжетных ходов и т. д. – вот, на наш взгляд, суть романа «Дорога домой», который, будучи современным в актуальном смысле слова, требует адекватной, то есть современной критики.

Лаура ЭЛЕКУЕВА,
аспирант КБГУ

**«О художественно-эстетических
особенностях романа
З. Толгурова «Белое платье»»**

В современном литературоведении к балкарской литературе подходят как к одной из молодых. Но понятие «молодая литература» несколько закрывает путь к познанию генезиса литературы. У каждой из тех литератур, которые мы прежде причисляли к молодым, были свои истоки в духовной культуре народа, и именно они во многом впоследствии определили ее особенности – национальные, жанровые, художественные. Новые социально-исторические условия стимулировали формирование литературных систем, жанров.

Становлению и развитию национальной прозы посвящены монографические исследования: А. Мусукаевой «Северокавказский роман. Художественная и этнокультурная типология» (Нальчик, 1993); К. Султанова «Динамика жанра: особенное и общее в опыте современного романа» (Москва, 1989); А. Тепеева «Балкарская проза» (Нальчик, 1974); З. Толгурова «В контексте духовной общности. Проблемы развития литератур народов Северного Кавказа» (Нальчик, 1991); Ф. Урусбиевой «Путь к жанру» (Нальчик, 1971). Что же касается вопросов национального своеобразия литературы, за последнее десятилетие изданы специальные монографии З. Кучуковой «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии» (Нальчик, 2005); И. Маремшаовой «Основы этнического сознания карачаево-балкарского народа» (Минск, 2000) и Ф. Урусбиевой «Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза» (Москва, 2003). Как свидетельствуют эти труды, северокавказское литературоведение сделало немало в исследовании истории национальных литератур, жанров, типологии и взаимовлияний национального фольклора и литературы.

Показателем национального самосознания, художественного богатства народа является ее литература. В свою очередь, свои сложившиеся нравственные, эстетические и философские воззрения народ может постичь с помощью литературных произведений. К одному из таких произведений и можно отнести роман Зейтуна Толгурова «Белое платье» (2005), о котором речь пойдет ниже.

Привнося в литературу «свое», талантливый писатель увеличивает общее достояние, духовные ценности, принадлежащие народу. Роль творческой индивидуальности определяется не просто своеобразием, взятым в своей имманентной сущности, а тем своеобразием, которое выражается в сознании общезначимых художественных ценностей. Творческая индивидуальность писателя проявляется в различных сторонах его искусства, и, прежде всего, конечно, в самобытности его взгляда на явления жизни, самобытности и общественной значимости его творческих обобщений.

В центре современного северокавказского романа – нравственные поиски человека, история, прошлое, настоящее, но осознанные и пропущенные через

его внутренний мир. Герой современной прозы задумывается о целостности, диалектической взаимосвязи нравственных принципов всех поколений. Такой герой, многогранный, углубленный в мир своих чувств, мыслей, подвергающийся сомнению, анализу каждый поступок, вызывает и соответствующие сдвиги, коррективы в романной конструкции.

Зейтун Толгуров начинает роман «Белое платье» историей о великанах. В их лице он показал тех, кто с давних пор имел притязания на Северный Кавказ. Говорящие имена, которыми наделяет писатель великанов, показывают их жадность, глупость, другими словами – их злость.

В романе показаны герои разных сословий и разного возраста. Героям придется пройти через многое, ибо мир жесток, а человеческие страдания неисчислимы, мучительны и безысходны. И только в этой сложной художественной системе можно понять и оценить мировоззрение и жизненные позиции героев.

Многое пришлось пережить народу до и во время Великой Отечественной войны. Но насильственная депортация в Среднюю Азию и Казахстан с 1944 по 1957 годы заставляет забыть о многом. В то время как мужское население воевало, многим женщинам пришлось взять все тяготы жизни на себя. Одними из тех, кто прошел эти испытания стойко, с гордо поднятой головой и с честью, были мать Аскерхан (героини романа) – Зайнаф, ее бабушка Мисирхан.

Но не похожа была внучка Аскерхан ни на бабушку, ни на свою мать. Хотя и четко понимала – не все то золото, что блестит. Символ «белое платье» для нее уже мало что значит. Рядом с ней искренний, любящий ее человек – Зекерия, который может многое понять, но он всего лишь художник. Нужен ли он ей? Что он может ей дать – положение в обществе или же повесить ее в должности, к которой она так стремилась? Все это Аскерхан мог дать другой человек – внук Чиппо и сын Шамгуна – Чапай, человек, у которого есть власть.

Зекерия от природы наделен повышенным чувством справедливости. Чувство собственного достоинства присуще ему как человеку трудовому, отвечающему самому за себе, а значит – способному отвечать за других, и оно прямо противопоставляет его любимцу власти Чапаю, лишенному этой основы.

Мать и бабушка Аскерхан даже в то трудное время не склонили головы ни перед Чиппо, ни перед Шамгуном. Аскерхан понимает, что любовь – это счастье, дарованное женщине свыше. И что только такое счастье может вознести ее до небес. Тогда почему же не просыпается в ней кровь, ее голубая кровь? Верно говорят: жизнь – испытание, пройти которое суждено не многим. После очередной беседы с Зекерией, Аскерхан задумалась: «Странный человек Зекерия, хоть и художник талантливый. Живет только мечтами... Волей-неволей забудешь и свое происхождение, и гордость свою, когда хозяевами жизни стали «низкие» люди, им принадлежит власть, у них деньги. Тем, кто живет по чести и по совести, им до власти далеко. А если уметь себя «вести», можно подняться...».

В романе художественно-выразительно дан образ грудного ребенка-ангела и его смерть. Ведь младенец еще толком и не испытал материнской ласки и тепла. Во время депортации ребенок остается один в этот злосчастный день, матери не дают возможности за ним вернуться. Но не забыла она свое дитя и в степи Казахстана. Возвращается. «Мать и дитя находились на ветке одного дерева, но не узнать было им уже друг друга...»

Зейтун Толгуров в романе «Белое платье» использует форму диалога, внутреннего монолога. Через внутренний монолог автор передает поток впечатлений и собственных мыслей героя, он усиливает динамику повествования. Монологи и диалоги в романе являются существенной и доминантной формой поэтики и стилистики. Они могут выразить идею не только через героя, но и через лирическое «Я» автора, стоящего за этим героем. Именно из-за частого применения писателем внутреннего монолога выявляются скрытые движения сознания и мыслей персонажей в романе.

Автор придерживается аналитического исследовательского начала, которое ведет его к пристальному взгляду на внутреннюю жизнь человека, на психологический анализ, на выявление механизма человеческих поступков и заблуждений. В изображении жизни и судьбы героев в романе для З. Толгурова нет незначительных деталей. «Описание обстановки, быта, подробностей жизненного уклада героев – важнейшая художественная составная мира писателя, основывающего свое видение жизни на проникновении в ее самые главные движущие силы, на традициях, народных представлениях, которые при всех изгибах истории сохраняют свою внутреннюю неизменность. И описание того, что принято называть обстановкой, окружением, взрастившими человека с его представлениями, привычками, со всем его естеством, неотделимо от воссоздания психического склада героя, его мировоззренческих представлений, далеко не ограничивающихся идеологическими факторами».

Интерес автора к человеческой психике сочетается с философским пониманием жизни и изображением национального характера. В качестве истоков, формирующих характер, предстали обычаи, нравы народа, его миропонимание и мироощущение, философское осмысление жизни. Анализ показывает, что, изображая быт, обычаи, нравы и психологию народа, разрабатывая социальные и нравственные проблемы, автор глубже и многограннее отражает жизнь своего народа в тот или иной период. З. Толгуров использует в романе «Белое платье» прием портретной и речевой характеристики, делает логически верные философские выводы. Конкретные жизненные факты становятся базой и стимулом для обобщения и выявления характерных, типических черт времени. В героях романа З. Толгурова важно слияние их личных судеб с судьбой всего народа. В романе «Белое платье» автор многогранно и углубленно показал жизнь. Роману присущи колорит в изображении народных обычаев, в бытовых этнографических описаниях, умелое использование традиций различных жанров фольклора.

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание художественных произведений. М. Л.: Госиздат, 1930. Т. XIII.
2. *Мусукаева А. Х.* Северокавказский роман: Художественная и этнокультурная типология. Нальчик, 1993.
3. *Мусукаева А. Х., Шетова Р. А.* Художественный мир Хачима Теунова. Нальчик, 2002.
4. *Теплеев А. М.* Балкарская проза. Нальчик, 1974.
5. *Толгуров З. Х.* В контексте духовной общности: Проблемы развития литератур народов Северного Кавказа. Нальчик, 1991.
6. *Храпченко М. Б.* Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.: Сов. писатель, 1970.
7. *Якименко В. Л.* Художественные искания современной прозы. М.: Высшая школа, 1989.
8. *Толгуров З. Х.* Белое платье. Нальчик: Эльбрус, 2005.

К 60-летию Петра Хатуева

От редакции

Петр Мацулович Хатуев родился в 1950 году в с. Нартан Чегемского района КБР. В 1974 г. окончил культурно-просветительское училище в Нальчике, затем учился в Краснодарском институте культуры (режиссерское отделение), окончил Северо-Кавказскую академию государственной службы в 1986 г. по специальности «Пресс-менеджер, правовед». Работал директором Дома культуры, зав. клубом в различных районах республики, культурорганизатором, корреспондентом газеты «Адыгэ псалъэ». С 1997 года по сей день – редактор по выпуску кабардинской, затем – русской литературы в государственном издательстве «Эльбрус». Выпустил на кабардинском языке несколько поэтических книг, печатался в республиканских периодических изданиях на русском и кабардинском языках. В 1993 году – лауреат республиканской премии «Лучший журналист года». В 2002-м, в рамках «Недели детской книги», за сборник детских стихов «Жаворонок» удостоен премии «Лучший детский писатель года». Член Союза журналистов, Союза писателей РФ.

***

Х. Б.

Коли душа твоя чиста на самом деле,
Зачем пытаешься ее ты запятнать?
Себе достойный разве будет угождать
Ради своей неблагоприятной низкой цели?

Пусть даже ты действительно велик, дружище,
В своем родном краю, как падишах,
Кичиться не пристойно, ведь в других краях
Тебя мудрей, талантливей найдутся тыщи.

Коль божий дар в тебе горит, бросая блики,
Так зажигай других своим ты мастерством,
Лети и ввысь зови, как мира божество,
Очисти души их ты творчеством великим.

Лишь не распахивай ты мыслям злые двери,
Чтоб труд и помыслы собрата осквернять.
И не пытайся рьяно всех ты убеждать,
Что ты хороший, умный, лучший, – не поверят.

Снегурочка

Печаль никак не хочет распрощаться,
Ведет холодный с нею разговор...
Ну, уходи же! Льдам пора ломаться, –
И вешним пробуждением наслаждаться,
И голосистым птицам начать спор,
И деревьям-невестам наряжаться, –
Но холод лезет в душу, словно вор.

И ворожит Снегурочка – гадает:
Кто суженый? Мизгирь? А может – Лель?
Любовь зовет, а слов любви не знает, –
От песен Леля сердце ее тает,
От страсти Мизгирия знобит апрель, –
В предчувствии «недоброго», страдает.
И вот – Ярила! На погибель ей...

***

В. Федорову

Не нужен мне всеведущий ум пророка,
Чтоб заглянуть я смог в грядущие года,
Я не хочу и знать, да, знать до срока:
Когда – в кой день и час – придет ко мне беда.

Мне не нужны магические призмы,
Чтоб подсмотрел бы я, наперекор годам,
Что даст мне мир, в который был я призван,
И что в ответ я сам за это миру дам.

И даже миг из тех далеких далей
Я не хочу узреть светящийся во мгле,
Чтобы понять, зачем меня призвали,
И что же должен я исполнить на земле.

Я тем живу (а прожил я полвека,
И как-нибудь, бог даст, пойму земную суть),
Что наяву скребу я по сусекам
И колобки пеку... и отправляю в путь.

***

Светлане

Я уже не читаю большие романы, –
Нахожу суть земного в простом афоризме.
Меня больше прельщают грибные туманы...
Трудно верить уже в торжество коммунизма.

Не стремлюсь на вершины – ни к славе, ни к власти...
 Но держу свою марку и планку всегда.
 Мне теперь ни к чему те безумные страсти...
 Но любовь не увянет к тебе никогда.

Целители

Средь прочей травы	Мечтая о встрече...
У дороги в пыли	Но всяк не заметит –
Растет подорожник –	Пройдет иль затопчет,
Зеленые свечи, –	Не помня о том,
Сиянье его же.	Что он раны нам лечит.
Любовью отмечен,	...Поэзию также
Широким листом своим,	Невежда ругает, –
Словно ладонью,	Чем душу мы лечим,
Он машет прохожим,	Он вовсе не знает.

***

Птицы щебечут, пахнет акацией, –
 Грусти-печали в помине здесь нет.
 Я обнимаю вечер – как грацию,
 И погружаюсь в таинственный свет...

Так хорошо бы прожить в этом мире,
 Душам на радость, так же сияя,
 Как этот сад – уподобленный лире, –
 Всеми цветами земными играя...

Но созревают другие контрасты,
 Все искажается, все на излом...
 Не пугали бы тени зубастые,
 И не таилось бы Зло за углом...

***

Улетаю в иные миры,
 Чтоб земное забыть притяженье, –
 Забываю я все на мгновенье:
 Боль и грусть, и чумные пиры...

Но я вновь возрождаюсь в лучах,
 Возвращаюсь на землю с рассветом,
 Как влюбленный, лечу за ответом:
 Кем пребуду я в ваших очах?

То ли нежным морским ветерком?
 То ли соколом, вьющимся в поле,

Что терзает голубку, – доколе?! –
С чьими чувствами я не знаком?..

Или просто на вашей щеке
Я слезинка, что вмиг засыхает,
Мотылек, что беспечно порхает,
Или рыба, что в мутной реке?..

Мечта

И вот – я ухожу. Не мил, –
Ни я и ни любовь моя земная.
(Весьма уходу будут рады.)
Мне больше ничего не надо...

Ушел. И пусть уйдут мечты.
Возврат же – словно кануть в вечность...
Но – нет. Я не вернусь. Мосты
Сжигаю слепо, бессердечно.

Пусть сердце возродится вновь,
Как Бог животворил вначале.
Не получилось... Стынет кровь.
Мой парус ждет... Мечта – отчалить.

Уплыть в далекие края,
Где нет того, что сердцу в тягость...
Но как уплыть мне от тебя?
Нет – не найду нигде я радость...

Из избитой философии

Я мир показываю свой, –
Хотелось из него бежать.
Но разве убежишь? Хоть вой,
Мы все тут – это надо знать!
Мы, как семья – пчелиный рой,

Мы все тут, все под колпаком,
И век нам вместе коротать
Под наблюденьем, под замком...
И кто сказал, ядрена мать,
Что Небу мир наш не знаком?!

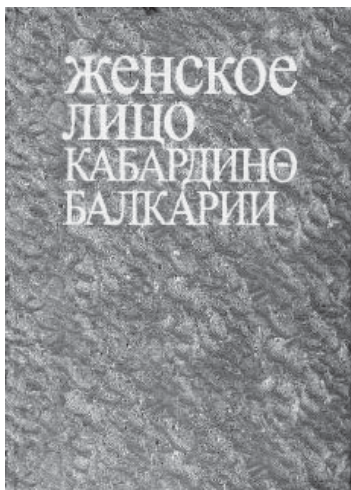
***

Неуемной болью я сгораю,
Не могу себя я оправдать,
Почему-то вновь я выбираю
Злой язык, который не унять...

А вдали сияют горы счастья,
Словно все в порядке с Кабардой, –
Ну и пусть в ней видятся напасти,
Лишь не заросла бы лебедой...

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

В июне 2010 года в Государственном кабардинском театре им. А. Шогенцукова состоялась презентация книги «Женское лицо Кабардино-Балкарии». В статьях, архивных и фотоматериалах этого издания – яркие судьбы представительниц нескольких поколений, самых разных профессий, – более 160 биографий знаменитых женщин республики в семи разделах, охватывающих все сферы деятельности: «Они были в судьбе нашей республики», «На заслуженном отдыхе», «На государственной и общественной работе, в политике и экономике», «В науке и народном образовании», «На охране здоровья и в спорте», «Служение музам», «В средствах массовой информации». В восьмом разделе «Ими гордится республика» представлены списки женщин – депутатов Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР от Кабардино-Балкарии с 1937-го по 1993 год, депутатов Верховного Совета Кабардино-Балкарии (1938–1993) и парламента Кабардино-Балкарии (1993–2014), Героев Социалистического Труда, кавалеров ордена Трудовой Славы трех степеней и ордена Ленина, а также награжденных орденом «Мать-героиня», орденом и медалью «Материнская слава».

Героинями книги стали не только выдающиеся общественные и государственные деятельницы, спортсменки и артистки, ученые и педагоги, но и супруги руководителей республики разных лет, что является беспрецедентным случаем в публицистике Кабардино-Балкарии.

«Женщины – символ жизни, начало всех начал, – этими словами президента КБР Арсена Башировича Каноква открывается книга. – Во все времена главное предназначение женщины остается неизменным, и нам трудно представить жизнь без ее заботливых рук и душевной теплоты. Однако с развитием цивилизации ее роль становится многогранной. Она, подарившая жизнь, уже не только хранительница домашнего очага. В современном мире женщина достигла больших высот во всех областях человеческой деятельности: она руководитель и депутат, ученый и педагог, врач и художник... Об этом свидетельствуют многочисленные яркие биографии женщин Кабардино-Балкарии. Их вклад в развитие страны и родной республики огромен. Судьбы многих из них являются примером беззаветного служения семье, обществу, Родине. Их жизненный опыт, духовность и жертвенность, любовь и вера, терпение и трудолюбие – нравственные ориентиры, которые всегда выведут на правильную дорогу в жизни, в какую бы сторону ни дул ветер перемен.

Женщины Кабардино-Балкарии – наша гордость, золотой фонд нации. И мы обязаны беречь его с особой любовью, быть достойными продолжателями

телями их славных дел, приумножать все ценное, что передавалось ими от поколения к поколению».

Как отмечают в своем предисловии авторы проекта и его составители Роза Каншумасовна Сабанчиева и Елена Николаевна Накова, «Женское лицо Кабардино-Балкарии» является уникальным изданием, ибо за всю историю республики книга такого формата не выпускалась. «Задача авторов проекта и ее составителей была не только в том, чтобы сегодня больше узнали о героинях прошлого и настоящего, она более масштабная. Мы адресуем эту книгу будущему поколению, тем, кто идет за ними, кто должен знать свою историю. Это издание продиктовано временем и той фотовыставкой, которая была проведена к десятилетию газеты «Горянка» в Национальном музее КБР. Эта книга – дань женщине, гимн ей за тот великий вклад, который был сделан в становление и развитие республики, за те замечательные страницы, которые она вписала золотыми буквами в ее историю».

Редакция «ЛКБ» представляет своим читателям Елену Николаевну Накову – одну из героинь этой книги – главного редактора республиканского журнала для детей «Солнышко» и, как было сказано выше, одного из авторов проекта книги.

***

Елена Накова родилась в г. Пятигорске Ставропольского края, там же окончила среднюю школу. Серьезно занималась литературой, историей, а также игрой на сцене школьного театра. За искреннее исполнение роли матери Олега Кошевого в спектакле по роману А. Фадеева «Молодая гвардия» получила своеобразное поощрение – незабываемую личную встречу с мамой Олега Кошевого.

Высшее образование получила в Ленинградском библиотечном институте им. Н. К. Крупской по специальности «Библиограф высшей квалификации». В институте активно занималась комсомольской работой, была секретарем комсомольской организации факультета, дважды избиралась делегатом на городские комсомольские конференции, проходившие в Смольном.

По приглашению, направленному в институт министром культуры КБР, получила назначение на работу в Республиканскую государственную библиотеку им. Н. К. Крупской (ныне Национальная библиотека им. Т. К. Мальбахова).

С должности заместителя директора библиотеки по научной работе на областной конференции профсоюза работников культуры в ноябре 1976 года была избрана председателем обкома профсоюза работников культуры, который возглавляла восемнадцать лет. На профсоюзных съездах неоднократно избиралась членом Центрального комитета профсоюза работников культуры, была делегатом последнего заключительного съезда профсоюзов Советского Союза. В книге «Профсоюзы Кабардино-Балкарии», изданной к 100-летию профсоюзов России (2005 год), дана высокая оценка ее работе в профсоюзах:

«...Е. Н. Накова была одним из самых сильных и грамотных профессионалов профсоюзного движения, она успешно решала проблемы культуры, активно защищала экономические, профессиональные и трудовые права работников отраслей культуры, за что многократно награждалась центральными профсоюзными органами». Ей вручена юбилейная медаль «100 лет профсоюзам России».

Как председатель обкома профсоюза работников культуры Елена Николаевна входила в состав рабочей группы заместителем председателя комиссии по созданию «Закона о культуре Кабардино-Балкарской Республики», который был принят Верховным Советом КБР.

На профсоюзной работе неоднократно направлялась ЦК профсоюза работников культуры за рубеж по изучению опыта работы. В 1993 году представляла профсоюз работников культуры России на съезде профсоюза работников культуры Австрии, где особое внимание было уделено вопросам труда работников средств массовой информации.

С 1995 года Е. Н. Накова начала работать в республиканских средствах массовой информации: ответственным секретарем, заместителем главного редактора газеты «Горянка». В 2001 году была назначена главным редактором нового журнала для детей «Солнышко».

Журнал «Солнышко» – одно из любимых детских периодических изданий. На него ежегодно подписываются четыре тысячи ребят, в том числе из самых дальних уголков Кабардино-Балкарии. Всегда в почте редакции рисунки, стихи, рассказы детей, а также их признания в любви к журналу, вместе с которым они росли. «Огромное спасибо создателям чудесного светлого журнала для детей и родителей за ваш энтузиазм, большой труд, самоотдачу, полезную и интересную информацию. Пусть яркие лучи «Солнышка» освещают и согревают творческий путь ещё многим поколениям детей нашей республики» – пишет бывшая маленькая читательница журнала, ныне студентка юридического факультета одного из ведущих московских вузов Сабина Унежева.

Журнал ежегодно проводит конкурсы детского творчества. В этом году конкурс был посвящен юбилею Великой Победы и назывался «Недописанные страницы...». Дети Кабардино-Балкарии, участвуя в конкурсе, дописывали страницы войны со слов своих прадедушек и прабабушек, чье детство было опалено жестокой войной. Как всегда, участники конкурса удостоены наград: премий, дипломов и подарков.

Елене Николаевне Наковой присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры КБР», она – член Союза журналистов России, награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР, Почетной грамотой Союза журналистов России, дипломом и медалью Национального Арт-комитета России за плодотворную работу по воспитанию детей и юношества на идеалах красоты и добра. Одно из последних свидетельств общественного признания – диплом Нальчикского городского Совета женщин о присвоении почетного звания «Женщина года г. Нальчика – 2009» в номинации «Активная жизненная позиция».

В творческих планах Елены Наковой – новый проект, совместно с Р. К. Сабанчиевой, – издание книги «Мадонны XX века» (о многодетных семьях Кабардино-Балкарии).

Жанна КАНДОРОВА

ДОРОГА К ВЕРШИНАМ ХАЧИМА МАШУКОВА

Мировая юстиция в КБР становится мощным рычагом в сфере осуществления правосудия, представляя собой реально независимую и самостоятельную ветвь государственной власти.

Она стала одним из опорных пунктов проводимой в стране судебной реформы, возникшей после принятия современной конституции России в 1993 году, провозгласившей Российскую Федерацию правовым государством. До этого институт мировых судей был известен в России задолго до его современного становления.

«Возрождение и развитие института мировых судей является одним из важнейших этапов судебной реформы в Российской Федерации, – сказал на одном из выступлений президент КБР Арсен Каноков. – Принятый десять лет назад федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» способствовал возрождению института мировых судей как инструмента укрепления законности, демократии, принципов правового государства».

Действительно, пройдя непростой путь становления, мировая юстиция Кабардино-Балкарии сегодня успешно развивается, обеспечивая доступность правосудия, быстрое законное и обоснованное разрешение споров и конфликтов, защиту конституционных прав и свобод человека. Такая конструктивная деятельность службы квалифицированной судебной защиты законных прав и интересов личности приводит к тому, что растет доверие общества к власти в целом. «...Об этом свидетельствует, в частности, удельный вес рассматриваемых мировыми судьями гражданских дел, которые заканчиваются заключением мирового соглашения», – сказал председатель парламента КБР Ануар Чеченов в своем выступлении.

Сегодня не все знают конкретную роль мировых судей в их работе, которые руководствуются не только правовыми нормами, но и нравственными правилами, обычаями и традициями населения. Эта миссия в нашем современном обществе возложена на мировую юстицию, главной задачей которой было и остается отправление правосудия по совести, минимально используя карательные меры, всячески добиваясь примирения сторон. Такова вкратце роль службы мировых судей.

Машуков Хачим Муридович. Этап практического формирования мировой юстиции в КБР начался с принятия Закона КБР от 30 ноября 1999 года № 55-РЗ «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики». Закон был разработан на базе Федерального закона и вошел в единую судебную систему России. Сегодня мировая юстиция КБР в соответствии с Законом КБР от 2 марта 2000 года № 145-РЗ «О судебных участках и должностях мировых судей Кабардино-Балкарской Респу-

блики» представлена 46-ю мировыми судьями, осуществляющими свою деятельность в границах судебных участков.

К сегодняшним успехам служба по обеспечению деятельности мировых судей КБР шла трудно и настойчиво, несмотря на негативное влияние мирового экономического кризиса.

С момента назначения руководителем службы по обеспечению деятельности мировых судей КБР Хачим Машуков столкнулся с рядом нерешенных проблем, как в области материально-технического обеспечения мировых судей, так и связанных с отсутствием необходимой методической базы для сотрудников аппарата.

В этой связи под руководством Х. М. Машукова, с учетом его опыта судейской работы впервые разработаны необходимые для руководства в ежедневной работе инструкция по судебному делопроизводству у мирового судьи, инструкция по архивному делопроизводству в аппарате мирового судьи. С учетом анализа накопившихся проблем организационного, материально-технического обеспечения мировых судей в Кабардино-Балкарской Республике под его руководством разработана и правительством КБР принята республиканская целевая программа «Развитие мировой юстиции в Кабардино-Балкарской Республике 2010–2012 гг.». Также по инициативе Х. Машукова внесены изменения в Закон КБР «О мировых судьях Кабардино-Балкарской Республики», в части восполнения пробелов по ранее не урегулированным положениям о знаке и удостоверении мирового судьи КБР. Также Хачим Муридович принимал активное участие в разработке проекта закона КБР «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Конституционного суда Кабардино-Балкарской Республики и мировых судей Кабардино-Балкарской Республики». Значительным шагом по увеличению эффективности деятельности мировой юстиции в республике является введение по его инициативе дополнительно должности специалиста государственной гражданской службы в аппарате мирового судьи.

Благодаря активной организационной работе Х. Машукова заключено соглашение между правительством Кабардино-Балкарской Республики и судебным департаментом при Верховном суде РФ о порядке взаимодействия по организационному обеспечению деятельности мировых судей в Кабардино-Балкарской Республике, налажено активное взаимодействие с органами законодательной и исполнительной ветвей власти, органами местного самоуправления, органами судейского сообщества.

За период с мая 2007 года значительно улучшено материально-техническое обеспечение мировых судей КБР, причем его уровень превышает совокупные показатели предыдущих семи лет, кардинально решаются вопросы финансирования мировой юстиции, размещения судебных участков, в частности, благодаря активным усилиям Х. М. Машукова

помещения для отправления правосудия мировыми судьями г. Нальчика по ул. Пушкина, 101, переданы из муниципальной в республиканскую собственность и закреплены за службой. Кроме того, Машуковым решен вопрос размещения мировых судей судебных участков г. Баксана и Баксанского района, Лескенского района. Впервые за 7-летнюю практику существования мировой юстиции в республике службой приняты меры по полному обеспечению всех судебных участков оргтехникой, мебелью, канцелярскими товарами, бумагой, бланочной и марочной продукцией, журналами установленных форм. Практически все мировые судьи и работники их аппарата обеспечены современной оргтехникой, средствами факсимильной связи, произведена подписка на необходимую юридическую периодику, ранее мировым судьям данные средства приходилось приобретать за свой счет. В ряде участков проведен текущий ремонт, а в помещениях для вновь образованных судебных участков г. Нальчика проведен капитальный ремонт, впервые выделены и оборудованы залы судебных заседаний для судебных участков Прохладненского, Урванского и Эльбрусского районов и г. Нальчика, а также помещения под архивы в Урванском районе, в г. Нальчике. Большое внимание уделяется и вопросу обеспечения безопасности судебных участков, с этой целью также впервые помещения судебных участков республики оборудованы комплексами охранно-пожарной сигнализации, а также обеспечены круглосуточной охраной. Понимая важность повышения квалификации для судейской работы, с учетом постоянного обновления отраслевого законодательства, а также того обстоятельства, что с 2003 года никто из мировых судей республики не направлялся на курсы повышения квалификации, Машуковым проводится системная работа по организации повышения квалификации мировых судей в Российской академии правосудия, также организована работа по обучению работников аппарата мировых судей. Сотрудники службы с выездом в районы непосредственно в судебных участках оказывают необходимую помощь в организации работы помощников мировых судей и секретарей судебных заседаний. Также впервые организована работа по проверке судебного делопроизводства в аппарате мирового судьи, что существенно повлияло на повышение эффективности организации их работы. Проведена работа по оснащению судебных участков сетевыми версиями информационно-справочной системы «Консультант плюс», что позволяет избегать ошибок при вынесении решений и значительно облегчает работу мировых судей и их аппарата. Машуковым проделана значительная работа по подключению мировых судей к интернет-порталу мировой юстиции РФ в соответствии с федеральным законодательством. Он внес также значительный вклад в организацию работы службы обеспечения деятельности мировых судей Чеченской Республики и Карачаево-Черкесской Республики. Им организовано совещание по обмену опытом мировых судей КБР с мировыми судьями Чеченской Республики, оказана методическая и практическая помощь в создании нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность службы обеспечения деятельности мировых судей Чеченской Республики, обучении их сотрудников, в частности, по таким вопросам, как проведение проверок правильности

ведения судебного делопроизводства работниками аппарата мирового судьи, составление статистической отчетности по итогам работы мировых судей, ведение архивного делопроизводства.

В настоящее время службой выпущена газета «Мировая юстиция Кабардино-Балкарской Республики», в которой освещаются актуальные вопросы, касающиеся деятельности мировых судей.

За примерное исполнение служебного долга Х. Машуков неоднократно поощрялся прокурором Кабардино-Балкарской Республики и генеральным прокурором Российской Федерации. Ему досрочно присвоен чин – старший советник юстиции. За заслуги в области укрепления законности и многолетнюю добросовестную работу Х. Машукову в 2000 году присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Кабардино-Балкарской Республики», а в 2008 году за многолетний добросовестный труд, вклад в развитие судебной системы в Кабардино-Балкарской Республике награжден почетной грамотой парламента Кабардино-Балкарской Республики. За высокие результаты в деле организационного обеспечения деятельности судов мировой юстиции в Кабардино-Балкарской Республике, личный вклад в укрепление органов правосудия в Российской Федерации в январе 2009 года Х. Машуков награжден почетной грамотой Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. За большой вклад в развитие судебной системы и проявленную при этом инициативу в апреле 2009 года награжден медалью – «За безупречную службу». Распоряжением президента КБР от 3 декабря 2009 года № 98-РП Х. Машукову объявлена благодарность за большой вклад в развитие судебной системы КБР, заслуги в укреплении законности и правопорядка.

Обладая твердым характером, настойчивостью, умением отстаивать свою точку зрения, Хачим Машуков укрепляет службу мировых судей, добиваясь результатов открытости и приближения правосудия к населению.

Наша справка

Машуков Хачим Муридович родился в 1954 году в сел. Аргудан КБАССР, где и окончил школу № 1. Начал свою трудовую деятельность в 1970 году. После окончания в 1980 году юридического факультета Северо-Осетинского госуниверситета работал юрисконсультom производственного управления хлебопродуктов КБР. Далее его трудовая деятельность полностью связана с правоохранительной системой: служба в органах внутренних дел МВД КБАССР; стажер прокуратуры Октябрьского района г. Нальчика; помощник прокурора Терского района; помощник прокурора КБАССР по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних; прокурор следственного отдела прокуратуры КБАССР; заместитель Прохладненского межрайонного прокурора; прокурор Терского района; прокурор Черекского района; председатель Урванского районного суда; руководитель службы по обеспечению деятельности мировых судей КБР по настоящее время.

Классный чин Хачима Муридовича – старший советник юстиции; действительный государственный советник КБР 1 класса. Стаж работы на государственной гражданской службе – 29 лет.

Родители Хачима – Мурид Дзруевич и Нашхо Гузеровна, всю жизнь работали в знаменитом в то время колхозе им. В. И. Ленина Урванского района. Отец был завскладом в колхозе, затем нормировщиком МТС. До сих пор сельчане вспоминают его добрым словом. Родители воспитали шестерых детей: двух дочерей – Майю и Риту, которые имеют свои семьи, и четверых сыновей – Хачима, Хабаса, Барасби, Арсена. Отец мечтал, чтобы старший сын Хачим стал юристом, но так и не увидел этого – он умер, когда Хачим учился на 2-м курсе юрфака. С тех пор он старается прославить имя отца добрыми делами.

Младший брат Хабас окончил Саратовский юридический институт, работал следователем в органах МВД и затем в органах юстиции. Безвременно ушел из жизни в сентябре 2003 года.

Барасби окончил КБГУ и в настоящее время работает директором Кабардино-Балкарского филиала ОАО ЮТК, заслуженный работник сферы обслуживания населения КБР.

Арсен, самый младший, тоже окончил юридический факультет Северо-Осетинского государственного университета. Работал следователем, а в настоящее время – федеральный судья Терского районного суда.

По традиции в каждый праздник семья собирается со своими детьми у матери и радуют ее своими успехами. А она по-матерински напутствует их добрыми советами, пожеланиями, особенно балуя своим вниманием внуков и внучек.

У Хачима Муридовича – дочь и сын. Дочь – ученица 10-го класса «Лицея № 2» г. Нальчика. Изучает английский язык, и была неоднократной победительницей олимпиад по английскому языку. Сын учится в той же школе в 5-м классе. Супруга Фатима, филолог по образованию, работала учителем русского языка и литературы в школе сел. Аргудан. В настоящее время занимается воспитанием своих детей.

ПОЛИКЛИНИКА № 1 г. Нальчика

ЗДЕСЬ СОХРАНЯЮТ ЗДОРОВЬЕ

В поликлинике № 1 г. Нальчика уже 5 лет функционирует дневной стационар. Это – новая форма медицинских услуг, которая позволяет больным получать полное комплексное лечение без отрыва от работы и семьи.

Дневной стационар был открыт 1 декабря 2005 года благодаря финансовой поддержке президента КБР А. Б. Канокова, которую он оказал, когда еще являлся депутатом Государственной Думы. Отделение рассчитано на 30 коек и работает в 2 смены. Здесь получают лечение пациенты с различным профилем заболеваний – невралгические, терапевтические, эндокринологические, хирургические, ревматологические. Больные поступают в стационар по направлению лечащего врача после полного обследования, которое также проводится в поликлинике благодаря хорошей диагностической аппаратуре, поставленной в осуществление национального проекта «Здоровье». Все это позволяет с первых же дней назначить лечение.

В случае возникновения необходимости больные могут получить консультацию любого врача узкой специальности, что, в свою очередь, оптимизирует лечение. В клинически сложных случаях проводятся консилиумы. В период пребывания в отделении больные получают и реабилитационные услуги – ЛФК, массаж, физ. лечение. В отделении работает слаженный коллектив, который возглавляет врач высшей категории Желтежва Ф. Н. Врачи отделения владеют смежными специальностями:

**Каскулова Аулият Фуадовна – главный врач поликлиники № 1,
заслуженный врач КБР**

Бижатлова М. Р. – по эндокринологии, Канаметова Л. Р. – по неврологии, что также положительно сказывается на лечении больных. Старшая медсестра Эржибова Р. А. своевременно осуществляет заявки на медикаменты, обеспечивает четкость работы медсестер отделения. Пациенты высказывают особую похвалу в адрес медсестер – Якокутовой О., Уразаевой Э., которые так виртуозно ставят капельницы и делают инъекции, что больные не ощущают боли, и даже нет следов от уколов. Палатные медсестры Чеченова А., Урусова З. подкупают внимательностью и четкостью исполнения назначений врача – раздачей медикаментов и организацией дополнительных консультаций и исследований. Чистоту и уют в отделении создают добрые руки санитарки Ныровой Ф.

Поражает планировка и обстановка отделения, которая больше напоминает хорошую клинику или санаторий. Уютные 3–4-х местные палаты, удобные кровати с ортопедическими матрасами, красивое белье, на стенах картины, в холле удобный диван, журнальный столик и телевизор.

В отделении особая аура, здесь каждый больной ощущает себя глав-

**Канаметова Людмила Руслановна –
врач-терапевт**

**Бжихатлова Куля Руслановна –
врач-терапевт**

ным пациентом, и все делается для сохранения его здоровья. Пациент, один раз пролечившийся в дневном стационаре, обязательно приходит на повторные курсы, так как чувствует, что здесь ему помогли, как нигде. Это важное достижение дневного стационара: здесь смогли сформировать у больных приверженность к комплексному лечению, которое стабилизирует их состояние и сохраняет здоровье. Лечение в дневном стационаре – это и большая экономия бюджетных средств, так как больные получают то же лечение, что и в больнице, а затраты государства меньше. Эта ресурсосберегающая форма лечения позволяет также перепрофилировать койки в больницах,

дооснастить оборудованием и внедрять новые высокотехнологические профильные отделения.

Дневной стационар поликлиники № 1 выбрали для себя тысячи нальчан, жителей КБР и гостей республики. В дневном стационаре ежегодно лечение получают свыше 1200 человек, за эти годы пролечено около 6 тысяч человек, и они идут по пути сохранения своего здоровья.

На фото слева направо: Уразаева Элла – процедурная медсестра, Канаметова Людмила – врач-терапевт, Каскулова Аулият Фуадовна – главный врач поликлиники № 1, Эржибова Роза – старшая медсестра, Чеченова Алеся – палатная медсестра

**Темрокова (Ахметова)
Эмма Хасанбиевна**

Родилась 5 декабря 1958 года в с. Кенже. Окончила школу в 1976 году. С 1976 по 1982 гг. – учеба в КБГУ на медицинском факультете, прошла интернатуру на базе ТКБ № 1, и с 17 июля 1983 года приступила к работе участкового терапевта в поликлинике № 1 г. Нальчика, где работает и по настоящее время.

Она говорит, что своим образованием обязана ныне покойным родителям: отец – Ахметов Хасанби Хазраилович, бывший директор СШ № 20, заслуженный учитель КБР, в последующем – старший методист по физике в институте повышения квалификации КБР. Мать – Ахметова Малиса Таибовна – старший учитель, принимала участие в разработке нового алфавита для кабардинского языка.

Замужем, имеет двоих детей, – сын учится в Высшей следственной академии МВД России (Волгоград); дочь окончила КБГУ.

**Соблирова (Машукова)
Агметая Аскербиевна**

Родилась 15 сентября 1961 го-да в с. В. Лескен. Окончив школу в 1976 году, поступила в медицинское училище, окончила его в 1979 году и приступила к работе в поликлинике № 1 участковой медицинской сестрой, где работает по настоящее время.

Замужем, имеет двоих детей, – дочь Джульгета окончила филологический факультет КБГУ; сын Беслан – ученик 11 класса.

Снимки к материалу подготовил Артур Елканов

*К 70-летию
со дня рождения
композитора
Аслана Даурова*

Его волшебная музыка

Аслан Алиевич Дауров родился 24 июля 1940 года в с. Хабез Карачаево-Черкесской республики. Еще в школьные годы серьезно увлекся музыкой, искусством. В 1957 году, будучи школьником, в составе областной творческой организации участвовал в празднествах, проходивших в Москве по случаю 400-летия вхождения родного края в состав России. Был барабанщиком в танцевальном ансамбле.

Окончив среднюю школу с золотой медалью, стал студентом ставропольского музыкального училища. После завершения учебы поступил в московскую консерваторию. В 1970 году, будучи студентом консерватории, по предложению композитора Г. Свиридова был принят в Союз композиторов СССР.

Вернувшегося к родным пенатам молодого композитора назначили директором музучилища г. Черкесска (ныне оно носит его имя). Затем он возглавлял союзы композиторов Ставропольского края и Карачаево-Черкесии.

Аслан Алиевич был талантливым композитором. Его песни пользуются огромной популярностью в республиках Северного Кавказа, в странах компактного проживания адыгов. Он создал оратории, симфонические произведения, камерную и инструментальную музыку, песни, ставшие классикой национального искусства. О его заслугах свидетельствуют и награды: Аслан Алиевич – лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель искусств России, народный артист Кабардино-Балкарии, заслуженный артист Абхазии.

Последние 10 лет своей жизни он жил в Кабардино-Балкарии. Скончался в 1999-м – за год с лишним до своего 60-летия.

Не верю, что его больше нет

Аслан был младшим у нас в семье. Такой шустрый, неуправляемый мальчонка. Мы его лелеяли, холили, любили. Моя мать была известной гармонисткой. Помнится, Аслан иногда брал гармонию и старался играть на ней. А мать не одобряла его увлечения, говорила, что это не мужское дело. Но он все равно тянулся к ней и значительную часть свободного времени посвящал этому занятию, даже стал сочинять собственную музыку.

Когда Аслан уже повзрослел, стал талантливым композитором, мы его нечасто видели. Его интересовала только работа и музыка. И когда я с укором спрашивала его: «Ну что же ты, Аслан, почему так редко навещаешь меня?», он отвечал: «Потом, потом, Майя, сейчас некогда. Мне надо это сделать, туда поехать, участвовать в таком-то мероприятии...», и в подобном духе.

О его удивительном даровании можно говорить много. Пусть это не покажется нескромным. Расскажу об одном случае. Его как-то пригласили на фестиваль в Абхазию. Как мне потом говорил один из его коллег, перед его началом, за день, он уединился, сел у моря и стал что-то писать. Часа через два вернулся сияющим: «Я написал музыку к стихам об Абхазии». На фестивале наши артисты по просьбе зрителей шесть раз подряд исполнили эту песню. И все это время присутствующие в зале люди стояли и аплодировали.

Увы, не все было безоблачно в его жизни. Недругов, в основном незримых, у него водилось немало. Мешали, ставили ему палки в колеса. Не знаю, по какой причине, сам он не любил распространяться на эту тему. Видимо, завидовали его успеху. До сих пор мне обидно, что в личном, бытовом плане жизнь у него не сложилась. Да и своей квартиры у него не было, жил в общежитии...

Уже 11 лет, как Аслан ушел в мир иной. До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что его больше нет с нами. Но все же я счастлива, что у меня был такой брат, сделавший так много для своего народа, талантом которого восхищались и впрямь будут восхищаться.

---

*Хасан КАРДАНОВ,
музыковед, журналист*

Самородок-классик

Было это в начале 70-х. В кабардинском театре имени А. Шогенцукова шел смотр художественных коллективов системы профтехобразования КБР. Я со своей группой, вокальным ансамблем, принимал участие в данном конкурсе. После завершения программы всех руководителей

выступавших коллективов пригласили на сцену, и члены жюри вручили нам, соответственно занятым местам, дипломы и грамоты.

Когда я спустился со сцены и направился к выходу, ко мне подошел один из членов жюри – невысокого роста молодой человек в очках. Он пожал мне руку и сказал:

– Я Аслан Дауров, композитор. Спасибо за вашу программу, она мне очень понравилась. Не скрою, мне было приятно, что в вашем репертуаре прозвучала одна из моих новых песен. Если я вам понадобится, вот мой адрес и номер телефона.

И протянул мне клочок бумаги. Так я познакомился с Асланом. Правда, я его заочно знал по музыкальным произведениям, буклетам. Будучи хормейстером хора Кабардино-Балкарского телевидения и радио, я разучивал и записывал немало его произведений. Нас связывало не только творчество. Мы были с ним хорошими, верными друзьями. Он знал мою семью, я – его родных. Часто ходили друг к другу в гости, делили и горе, и радость.

Есть композиторы, посвящающие себя одному жанру музыки. Дауров одинаково успешно создавал крупные вокально-хоровые произведения, симфоническую музыку, оратории, кантаты, музыку для детей. Но он все же отдавал предпочтение песне. Их у него много. Аслан был не только профессиональным композитором и дирижером, но и прекрасным пианистом. В фонде радио хранится немало песен, которым он сам аккомпанировал. Знал толк и в журналистике. Из-под его пера – как на кабардинском, так и на русском – вышел ряд замечательных статей о людях искусства.

Трудно и больно произносить имя близкого человека в прошедшем времени. Но, увы... у каждого человека своя судьба. Несмотря на то, что ему в этом мире было отпущено мало времени, он сделал для своего народа невероятно много. Уверен: имя и деяния талантливейшего композитора никогда не забудут благодарные потомки.

Заур ЖИРИКОВ,
композитор

Радовался успеху коллег

Нас, профессионально занимающихся музыкой, мало – всего 5–6 человек. Его уход был для нас неожиданным и чувствительным. Лишь после, спустя годы, осознаешь, что такая потеря невозполнима...

Аслан из тех, кто не покладая рук трудился на ниве культуры, искусства. Если взять меня, я пишу музыку лишь тогда, когда сердце не дает покоя. А он трудился каждый день, это – черта творческих, профессиональных людей, преданных своему делу. И что удивительно, без особого труда ему удавалось осуществлять задуманное.

В творческой среде бывает так, что когда коллега создает прекрасное произведение, у кого-то сердце ектет: почему не я? А Аслан не был

таким. Он искренне радовался чужому успеху и спешил поздравлять автора удачной музыки, песни. Когда обо мне вышла книга, он написал к ней рецензию. Если применительно к моему творчеству кто-то высказал доброе слово, то оценка Даурова была для меня лестной. И к моему 50-летию он опубликовал прекрасную статью в газете, и она, не скрою, меня вдохновила.

Он все время спешил жить, брался сразу за очень много дел. Иногда я недоумевал, почему, мол, он не щадит себя? Но мы-то не знаем, что творилось в его душе. Видимо, где-то в подсознании чувствовал, в этой жизни ему отмерено не так уж много...

Светлана ТХАГАЛЕГОВА,
заслуженная артистка КБР

Мой учитель

Аслан Алиевич был моим учителем, путеводителем. Со своим детищем, ансамблем «Дахэнагъуэ», куда он меня пригласил, мэтр занимался денно и нощно. И мне думается, что ему удалось создать неплохой, современный коллектив. Человек щедрой души, бескорыстный, редкостной доброты, он был талантливым, профессиональным музыкантом. Чего стоят адыгские народные мелодии, которые он обработал и обогатил новыми красками: зазвучали они оригинально и свежо.

Ко мне относился очень доброжелательно и, что отраднo, доверял исполнять мне большинство лирических песен, написанных им в процессе становления «Дахэнагъуэ». К репетициям относился очень ответственно, и мы старались не подводить своего учителя.

Только добрые воспоминания остались об Аслане Алиевиче. Его прекрасная музыка, его неповторимые песни входят в репертуар многих художественных коллективов. Как и прежде, они звучат во время концертов и, уверена, никогда не покроются ржавчиной времени. Ибо классика нетленна.

Когда Аслан Алиевич ушел от нас, в его память в селении Хабез был организован вечер памяти, где я исполнила его песни. В тот вечер мне подарили много цветов. Я их положила у подножья его могилы.

Публикацию подготовил Ахмед Мизов

Слово о своем собрате

Однозначного восприятия мира не существует, как не существует однозначности таланта. Он, талант, как и божий дар, многообразен и отмечен печатью волшебства и тайны, страдания и сострадания, зависящего не от голоса грома и блеска молнии, а скорее – от тихого слова, сказанного не все и не по случаю, а вкупе с пройденными испытаниями, искушениями и устремлениями, выпавшими на его время и на его долю в этом безмерном пространстве.

Пусть спорят критики, грызутся политики, – дело поэта совсем другое, бескорыстное. Не завидовать своему собрату по перу, по мукам творчества, радуясь находкам, удачам, не обращая внимания на мелочи конъюнктурного характера, если видишь гармонию, органику, созданную из космического хаоса, из фантазий и реальных событий.

Уставшему путнику в нескончаемой веренице дней эти строки не покажутся взятыми из красивых сказок и небылиц. Они будят воспоминания и желание понять, отчего жизнь такая длинная и в то же время такая короткая. Что такое Родина и чужбина? Что такое даль времени и что такое любовь, разлука и снова любовь? В чем, наконец, смысл нашего бытия? Может быть, в поэзии?

Перед нами душа поэта, странника и изгнанника, затворника, неведомого миру певца и музыканта, художника, скульптора и мыслителя в одном лице.

Вл. Васильев

Рустам АБДУРАШИДОВ

***

Границ души не отыскать,
Она – субстанция Вселенной,
Ее сознанием не объять
И знание пред нею – тленно.
Дворец души в душе любимой.
Но краток час ее у ней,
Любовь проходит болью сильной,
Душа – сиротка среди людей.
Лицо есть зеркало души,
Но, видя лик, кто видел душу?
У большинства она в глуши
Не расцветет от равнодушья.

***

За окном – околица
И дорога вдаль,
А за нею кроется
Давняя печаль.

Девочка далекая
В доме над Невой
Музой светлоокою
Мне вернет покой.

С тройкою буланую
До нее помчусь,
Встречей долгожданною
Залечу я грусть.

Ах! Душа тревожная,
Подожди лететь,
Ведь прошло непрошено
Тридцать девять лет.

Берег тот, закованный
В ледяной гранит,
Наши встречи скромные
В памяти хранит.

В окна факультетские,
Что друг к другу в ряд,
Поколенья новые
После нас глядят.

Ветры пыль дорожную
Из аллей смели,

Искорку возможную
Мы не сберегли.

Ах! Лети, буланая,
Припозднился я.
Доля окаянная,
Девочка моя!

Счастье безвозвратное.
Знать, удел таков:
Звездочка закатная –
Первая любовь.

***

Мы шли полями в час
Пылающих небес,
Где облаков края
Зажгли сосновый лес.

Созрел пшеничный злак,
Кольшутся дары,
Раскачиваешь в такт
Ты холмики свои.

А я сравнил без слов, –
Таков уж нрав людей, –
Упругость колосков
С упругостью грудей.

Меж тем манил закат,
Сжигая облака,
А мне домой никак
Не хочется пока.

***

Гордый, широкий
Орлиный полет,
Очень высок он
Для тех, кто ползет.

Лев восседает
На ложе царей,
Выше повадкой
Он прочих зверей.

В женщине тоже
Стремление есть –

Выше сверкнуть,
Невзираю на честь.

В лиге кошачьих –
Лишь в кошку она.
Этим и прочим –
Премногим верна.

С прайдом ей львиным
И дня не прожить.
Львице присуще
С одним только жить.

***

Устало, не требуя славы,
За день завершая виток,
Как капля расплавленной лавы,
Светило стекало на стог.

Объяло закатное пекло
Дрожащим багряным шаром,
Но снова, как феникс из пепла,
Стог сена стоял за прудом.

***

Зачем пережил я любовь,
 Зачем пережила ты тоже.
 Теперь не находим мы слов,
 Что были всего нам дороже.

Зачем пережили тебя,
 О, первой любви полыханья.
 Платочек сырой теребя,
 Стоим мы, как два изваянья.

Скатилась из бархатных глаз
 Непрошено крупно сверкнула.
 Смахнула ее ты, но нас
 Она обожгла, встрепенула.

Как будто на месте души
 Зияет дымящая рана,
 Я рано прервать поспешил,
 И ты поспешила так рано.

Кружевная бахрама

Золотая филигрань,
 Тонкая тесемка, –
 На узорчатую ткань
 Прилегла каемка.

Тает солнце в бахrome,
 Луч в лучах узора.
 Кружевное макраме
 Восхищает снова.

За иголкой нить бежит,
 Все сплелось воздушно.
 Мастерница вязь творит
 Пальцами искусно.

***

Отгорели зарницы вдали,
 Как годов неоглядные беги.
 Возвратились домой снегири –
 Красногрудые клювики в снеге.

Будто только вчера со двора
 Разлетелись мы шумно по свету,
 Милых лет озорная пора
 Всем вручала тогда по билету.

Птица счастья где-то жила,
 И нас ждали принцессы и принцы,
 Нас носили мечты – два крыла,
 И пути освещали зарницы.

Юных грез золотые года
 Пролистались, как сказка, а вскоре
 Никого рядом нет – вот беда! –
 Чтоб душой прислониться к опоре.

Словно только вчера со двора
 Мы вспорхнули в лазурь поднебесья...

Поседевшая чуть детвора,
Поседевшие наши принцессы.

Догорает багряный закат,
Снегири греют день на заборе.
Прислониться душой норовят
Все друг к другу, как к верной опоре.

Изумрудные взоры

Изумрудом ее взоров я сражен.
Я спросил ее: «Как быть мне – я влюблен?
В двух озерах изумрудных я тону
Не жалея, что изведал глубину...»

Изумруды изумленно отвела,
Не ответила, молчанием томя.
Но, как веянье по розовым кустам,
Пробежала в ней улыбка по устам.

Это веянье так просто и легко
Приподняло мое сердце высоко,
Я хотел еще сказать... но голос мой
Унесен уже неведомой волной.

Изумруды – изумленные глаза –
На меня свои опять она взвела.
В теплом плеске их я чувствовал причал,
Благодарно бы к которому пристал.

Последнее очарование

В ней есть несказанная прелесть,
Очей притягательных синь,
Дыхание – утренний шелест
В безветренных листьях осин.

Она говорила глазами:
Устал ты, твой берег далек
И парус истерзан ветрами,
И кренится мачтовый шток.

В ее поразительном взоре
Мне виделся тихий причал
И ясные лучшие зори,
Которые только встречал.

Один, без друзей и отчизны,
А много ль нам отведено...
Прожить в этом мире две жизни
Еще никому не дано.

В ее поразительном взоре,
В улыбке на добром лице
Мне чудилось – нас уже двое,
И в мире, и здесь, на крыльце.

*Рубен Ошроев***МИХАИЛ ХАМЗЕТОВИЧ ГЕРАНДОКОВ***(биографический очерк)*

Михаил Хамзетович Герандоков родился в апреле 1940 года в сел. Плановское Терского района Кабардино-Балкарии. В 1958 г. окончил Плановскую среднюю школу и со следующего года уже работал учителем русского языка и литературы в своем родном селении.

Так началась трудовая деятельность Михаила Хамзетовича, заслуженного работника культуры Кабардино-Балкарии и Российской Федерации, члена Союза журналистов РФ, академика АМАН.

После окончания в 1964 году Кабардино-Балкарского госуниверситета по специальности «Русский язык и литература» М. Х. Герандоков был переведен завучем в с. Ново-Хамидиевское Терского района КБАССР, а в 1965 г. избран первым секретарем Терского райкома комсомола. За небольшой срок работы в нем были подмечены качества организованного, ответственного и перспективного специалиста, и в 1966 г. он был назначен директором республиканского научно-методического кабинета культпросветработы министерства культуры КБАССР. В этой должности он проработал 14 лет. За это время неотъемлемой частью работы Михаила Хамзетовича стала научно-исследовательская деятельность. На фоне обширных научных интересов, вопросы, связанные с развитием культуры многонациональной страны, определили основное направление его творческой активности.

Такое тесное сочетание производственной деятельности с научно-исследовательской работой позволило ему защитить диссертацию (1977) на соискание ученой степени кандидата исторических наук. До этого он издал 12 публикаций по самым различным вопросам культурного строительства Кабардино-Балкарии. В их числе была и первая его книга «Народные университеты КБАССР», изданная в 1974 г.

Неповторимый этап в биографии Михаила Хамзетовича связан с республиканским предприятием «Союзпечать КБАССР», куда он был переведен на должность начальника в 1980 г. (ныне – акционерное общество «Роспечать КБР»). 27 лет он возглавлял эту структуру, благодаря чему она вошла в число лучших подобных предприятий. И все эти годы М. Х. Герандоков не прекращал исследовательскую деятельность.

Плоды его творческих изысканий по самым различным вопросам культурной жизни составляют 55 работ, в том числе 20 публикаций в центральных издательствах. Его исследования отличаются оснащенностью документальными источниками, огромным объемом научной литературы, привлеченной при разработке избранных автором тем.

В многогранной трудовой биографии М. Х. Герандокова значится его преподавательская деятельность в Кабардино-Балкарском агрометеорологическом институте (ныне КБГСХА), где он получил звание доцента в 1991 г. Вклад неутомимого труженика в науку как ученого и его деятельность как практика неоднократно оценены различными наградами. К их числу относятся: «За доблестный труд», «За активную работу», «За отличную работу» и многие другие почетные грамоты и медали местных и центральных органов власти. Одним из проявлений высшего признания удачного совмещения научных изысканий с опытом практической деятельности М. Х. Герандокова было его избрание и работа депутатом от Терского района Кабардино-Балкарии.

Творческую биографию Михаила Хамзетовича невозможно измерить одними только званиями, наградами, обзором написанных работ и т. п. Есть нечто большее и возвышенное – бескорыстное служение своему делу, цель которого – улучшение культурного состояния нашего многонационального общества, которым он всецело занят и по сей день. Ярким свидетельством тому послужила недавно вышедшая его монография «Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность». Здесь он продемонстрировал одно из важных исследовательских качеств – пластичность мышления.

На наш взгляд, основные положения его работ, как в прошлом, так и сегодня, когорируют с историческим антуражем и генеральными тенденциями развития исторической науки. Каждый раз он стремится учесть в своих исследованиях новейшие достижения гуманитарной науки.

Наша справка

В октябре 1963 г. М. Х. Герандоков принимал активное участие в Международном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки. За активное участие, в качестве поощрения, был принят почетным членом в Союз чехословацкой молодежи, и первый секретарь ЧСМ лично вручил ему нагрудный знак этой организации.

В апреле-мае 1967 г. – от имени ЦК КПСС и Всесоюзного общества «Знание» – выезжал в составе делегации СССР в Италию, где Михаилу Хамзетовичу посчастливилось, по приглашению компартии, принять участие в работе первого исторического организационного съезда компартии Италии.

В августе 1972 г. – от имени ЦК КПСС и Всесоюзного общества «Знание» – принимал активное участие в 7-ом Международном конгрессе эстетики в Румынии, на котором присутствовали представители 45 стран, 550 делегатов. Михаил Хамзетович на данном форуме выступил на тему «Эстетическое воспитание на Северном Кавказе и странах Востока».

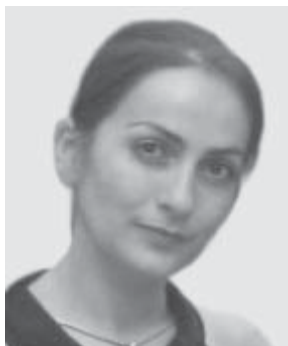
В сентябре 1972 г. – был официальным участником Всероссийской конференции в г. Вильнюсе на тему «Пропаганда литературы и искусства в СССР».

М. Х. Герандоков, перу которого принадлежат труды, посвященные развитию культуры на Северном Кавказе, впервые обратился к теме, связанной с генеалогией. Тем самым он хотел пробудить интерес молодого поколения к познанию истории своей нации, рода, семьи, судьбы которых в конечном итоге и складываются в страницы летописи народа.

Марьяна КОЧЕСОКОВА

Черный квадрат

... и так легко нам заменили Бога,
И вместо всех икон – один квадрат.
Теперь нас всех наказывают строго:
Не видишь черный – сразу виноват.

Из всех церквей поток в ночные клубы,
В честь мертвых душ устрою завтра бал.
И Сатану я поцелую в губы,
За то, что нам ни разу не соврал.

***

Я научилась просто мудро жить...

Анна Ахматова

Я не умею просто мудро жить,
И даже Маркес мною не прочитан.
Одно занятие – мусор выносить.
Мой день на вечность вовсе не рассчитан.

Одной монеты множество бросаний,
И каждого бросания исход –
Непоправимость тщетных ожиданий.
И образ мой – любимый Дон Кихот.

Я улыбаюсь, к жизни возвращаясь,
И, уходя, не закрываю дверь.
Судьбы чужой подолами касаясь,
Лишаюсь права плакать от потерь.

***

«Разбросала дни не по неделям,
Искажая словом тени тел...» –
Это кто-то в мире от безделья
Обо мне так думать захотел.

«Кончено!» – шепнули мне на ушко,
Стерта бесконечность, в горле ком.
Я в болоте остаюсь лягушкой
И царевной, плачущей тайком.

***

Я Богу снюсь по вечерам,
Прогуливаясь по проспектам.
Я не молилась небесам,
Поверив городским аптекам.

Законы города просты:
Ты глупый – я не виновата.
Соседей слышно за версты.
Читаю книгу – уши с ватой.

Позитизировать смешно
Любовь в эпоху Интернета.
Но и плохое не без «но» –
Интим без всякого запрета.

И рыцарь милый на коне
Давно сменился кабардинцем.
Мечты о будущей весне
Легко разрушить мне мизинцем.

Одно лишь странно: снится сон:
Бог шепчет людям что-то тихо.
Сутулится. И даже Он
Читает прозу вместо стиха.

***

Руки твои мои волосы...
Мир затих.
Имя твое вполголоса
Из уст моих.

Значима должность – любовница! –
Предел святых.
Жизнь – полоса, текст – бессонница
Без запятых.

***

В любви значительный прогресс
Мы наблюдаем в веке новом:
Передает все sms
«ятебялюбл» одним словом.

***

Принципы меняла много раз.
Истину искала в книгах века,
И крестилась, делая намаз.
Вдруг... познала в Боге человека.

Зима

1

Снежинка – раз... снежинка – два...
Опять на улице зима.
Нет ни чудес, ни колдовства.
Есть просто ты и просто я
(Наверное, сошла с ума:
Есть только я, и нет тебя.)

2

...и проснулась утром, зная,
Нет ни завтра, ни вчера.
Я, по-зимнему больная,
Убирала со стола:
Чашка – раз, без чашки – два.
С добрым утром! Я – вдова!

3

Впрочем, солнце молодое
Снова греет города,
И садится на ладони
Голубь мира иногда.
Значит, вновь пришла весна,
Буду смелой допоздна.

***

Гриппозный сон.
Бред солнца ноября.
Казалось, Он –
Восторженное Я.

Вдруг все прошло,
Но было все не зря.
Мне хорошо,
Что жизнь моя – мазня!

Кашиф УНЕЖЕВ,
д. и. н., профессор КБГУ

Снайпер, который однажды «промахнулся»

«У верховья река
Широка и мелка,
У низовья река
Глубока и узка.
По нутру и по нраву
Выбирай переправу!»

*(из героического
нартского эпоса)*

У каждого человека свой неповторимый мир. И каждый выбирает «свою переправу» по собственному усмотрению. Люди, прошедшие мучительный путь к победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., показали пример храбрости и отваги, беззаветной любви к своей родине в этой великой переправе. Народная мудрость гласит: «Помни о том, что рано или поздно и ты уйдешь в иной мир». И с мыслями об этом последнем предназначении человека миллионы людей проходят свой жизненный путь. Как ни парадоксально, именно на войне чаще всего человек вспоминает эту народную мудрость. Видимо, потому, что именно тогда человек ближе всего соприкасается со смертью и больше всего познает цену жизни. И в связи с этим на войне он совершает чаще всего героические и неблаговидные поступки. Все зависит от того, какую «переправу» жизни он выбрал. Это касается всех, от простого человека до крупного политического деятеля и военачальника. Не случайно на надгробном камне одного из великих завоевателей нашей планеты Александра Македонского были высечены слова: «Человек, помни о смерти!», именно в этих словах заложена философия жизни каждого человека. И миллионы граждан бывшего Советского Союза осознанно или неосознанно следовали этой философии, когда решалась судьба нашей страны, когда они защищали свою родину, свой очаг. Одним из них был и мой покойный отец Унежев Хаждаут Маремович.

Род Унежевых, корни которого уходят в эпоху героического нартского эпоса, на протяжении тысячелетий защищал свою землю от завоевателей. Многие представители нашего рода принимали активное участие и в смертельной схватке советского народа с фашизмом. Они, как миллионы наших людей, отважно сражались на различных фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хаждаут Маремович воевал с фашистами в составе морской пехоты 18-й десантной армии под командованием Константина Николаевича Леселидзе под Новороссийском.

Все те, кто интересуется этим страшным периодом нашей истории, хорошо понимают, какое стратегическое значение имела Малая земля под Новороссийском, территория которой составляла всего 30 кв. км. О зна-

Хаждаут и Шамсят Унежевы

чении этого плацдарма говорит тот факт, что на нем постоянно находилось от 12 до 15 тыс. советских воинов. И эту Малую землю удерживали 225 дней. Другого выхода не было, потому что путь к освобождению Тамани и Крыма проходил именно через Новороссийск.

Вот в этом самом горячем районе воевал Унежев Хаждаут Маремович. Он был простым солдатом. Но, как известно, основная тяжесть любой войны ложится на плечи рядовых солдат. Он был одним из таких воинов. Славен и сложен боевой путь солдата Унежева, но я хочу рассказать только об одном маленьком эпизоде из его боевой биографии, о котором он рассказал мне за несколько месяцев до ухода в мир иной.

Пусть не осудит меня читатель, что восхваляю своего отца. Каждый сын может и должен гордиться своим отцом. В этом плане и я не исключение. Те, кто знал моего отца, кто с ним соприкасался, подтвердят, что это был необыкновенной души человек, глубоко толерантный, умеющий прощать другому его слабости. Словом, он всегда видел в любом человеке человека.

Мой отец рассказывал, что в апреле 1943 года под Новороссийском разгорелась настоящая драма. Наши солдаты защищали каждую пядь земли, весь район был превращен в театр военных действий. Немецкие войска приложили невероятные усилия, чтобы закрепиться на этом важном стратегическом плацдарме. Бои проходили днем и ночью. Над землей висели «фонари» – осветительные ракеты, которые сбрасывались с немецких самолетов. Вся территория освещалась и прожекторами, и мы дрались с немцами под грохот разрывающихся бомб, которых не считать. Именно в таких критических ситуациях человек проявляет свою настоящую суть. В такие моменты познаешь – кто храбр или малодушен,

кто не потерял еще свое человеческое лицо. В связи с этим мне больше запомнились с этой стороны сибиряки. Они не только храбро сражались и были выносливыми, но в любую минуту готовы были прийти на помощь своему боевому товарищу, рискуя собственной жизнью. (Таким был сибиряк по имени Василий, к сожалению, не помню его фамилию, она трудно произносилась.) Да, почти все были на войне надежными друзьями и храбрыми воинами. Потому что мы все знали, что защищаем свой родной очаг, дом своих близких и родных. На этой войне я убедился в одном: можно уничтожить города, поселки, танки, самолеты, лишить человека жизни, но его дух, его отвагу невозможно уничтожить, особенно если он убежден, что его дело правое. А у нас, советских людей, была только одна правда – защищать свою родину, своих людей. И в этом общем деле мы никогда не делили людей по национальности, по религиозной принадлежности или другим соображениям. Мы были едины, нас объединяла одна Родина.

Что касается смелости и выносливости солдата, на мой взгляд, больше всего познаешь в минуты сражения, в особенности при рукопашном бое. Мы часто сходились с немцами в подобных схватках, и, как правило, выживал сильнейший. Вот почему нужна огромная работа по физическому и военному воспитанию молодежи. У адыгов, да и у всех народов мира, есть целая система такой подготовки, которая выработана народом веками и выдержала проверку временем. При рукопашном бое есть негласный и неукоснительный закон: ни в коем случае не стрелять в противника, но можно было пускать в ход холодное оружие, приклад винтовки или автомата. И при таких равных условиях борьбы выживал, конечно, более подготовленный физически и выносливый. Далее отец сделал паузу и продолжил свой рассказ: «Последние месяцы войны до моего ранения я был снайпером. Многие думают, что на войне быть снайпером почетно и легко. Стреляй из укрытия в человека, который тебя не ждет, и этим все кончено. Но скажу, что эта «профессия» одна из самых опасных и тонких. Во-первых, здесь недостаточно быть хорошим стрелком, кроме этого снайпер должен иметь очень крепкие нервы, быть предельно внимательным и терпеливым. Во-вторых, снайпер всегда должен знать, что часто необходимо менять место дислокации, иногда приходилось сутками сидеть на одном месте и ждать «клиентов», при этом надо было учесть, что и тебя преследуют, и охотится за тобой не хуже подготовленный и не менее хитрый снайпер. Вот и шла борьба терпения и меткости стрельбы.

После очередной смены дислокации я просидел на одном месте сутки, и рано утром вижу, как вышел из укрытия совсем молоденький немецкий солдат с котелком и стал спускаться к реке за водой. Я спокойно прицелился и смотрю, он совершенно молоденький, видимо, его недавно призвали в армию. В этот миг я вспомнил все – мое родное село, бурную жизнь нашей молодежи, представил себе мысленно своих детей (тогда дома остались три сына и одна дочь). В этот момент недалеко от меня сидел в засаде такой же снайпер Василий из Сибири. Я ему подал сигнал пальцем и выстрелил выше головы этого молодого немца в ветку дерева, под которым он стоял, и ветка упала перед его ногами. Он так испугался, что бросил

котелок в сторону и побежал обратно в укрытие. Так я «промахнулся» и не смог убить этого солдата. Почему-то я представил на его месте своих детей, мальчишек нашего села, подумал, что Бог рассудит всех...

Когда мы встретились с Василием, он был немногословен и сказал, что так же поступил бы сам, но предупредил, чтобы эта тайна осталась между нами. Конечно, он мог бы донести об этом куда следует, и эта «ошибка» стоила бы мне жизни. Спустя несколько дней очередной раз мне подобрали место дислокации, обеспечили необходимыми боевыми припасами, сухим пайком и я опять засел на неопределенный срок.

Ночь заканчивалась, уже более десяти часов я сидел неподвижно, ни малейшего шороха. Место было отвратительное, болотистое, было холодно, и я один раз проявил за все время войны нетерпение и закурил. Через миг, как я зажег зажигалку, я услышал выстрел в мою сторону. Оказывается немецкий снайпер меня «пас». Я сразу не почувствовал боли, но когда внимательнее посмотрел, было сквозное ранение в ногу. Быстро перевязал и стал ждать, пока стемнеет и придут за мной. Этот день был самым длинным в моей жизни, – вспоминал мой отец. – Днем в этом районе нельзя было даже поднять голову, сразу снесли бы ее. Так я пролежал там почти сутки, и вечером, когда можно было переползти, явились за мной два солдата. Один из них был снайпер Василий. Позже он признался, что они пришли за моим трупом. Но жизнь распорядилась иначе». После этого более шести месяцев Хаждаут Унежев лечился в различных военных госпиталях и его комиссовали. Так он закончил свой боевой путь, день из которого длился больше года, и «промахнулся» снайпер Унежев Х. М., и «ушел» от него немецкий солдат.

Вообще мой отец был удивительным человеком. Я не помню ни одного случая, когда он говорил на повышенных тонах ни с нами, тем более с чужими людьми. У него была трудная судьба, но к нему часто она была благосклонна. Например, в детстве он победил две страшные болезни прошлых эпох без единого укола и единой таблетки – это оспа и тиф.

Позднее на войне он опять победил смерть и прожил с моей покойной матерью Унежевой Шамсят долгую и счастливую жизнь. Он скончался, как и мать, на 92-ом году жизни. Он всегда был примером доброты и терпимости.

Может, в этом одном из эпизодов его военной биографии, о котором он рассказал, заложена вся эта человеческая суть: суть человека, который всегда любил жизнь и людей? Светлая память ему и моей матери, которая всегда была для него и для нас опорой.

Вот такую переправу жизни выбрал Хаждаут Унежев.

Гергоков Исмаил Бийасланович

(1873–11.08. 1937)

Был расстрелян по постановлению тройки НКВД в возрасте 64 года. Реабилитирован 16.01.1989 г. Имел 6 сыновей и 6 дочерей. Все сыновья и дочь Софьят ушли на фронт.

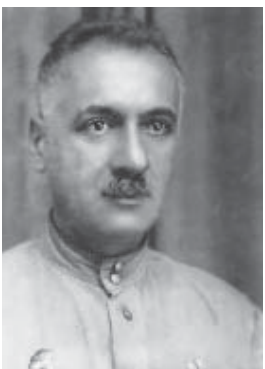
В то же время, когда братья воевали за Родину – всех остальных членов семьи сослали в Казахстан.

Гергоков Суфьян Исмаилович

(1893–1942)

Родился в с. Нижний Хулам Хуламо-Бизенгиевского района. В 1941 г. началась война, его мобилизовали в июне 1941 г., на оборону Москвы. В 1942 г. погиб под Москвой (Дмитрово). Его похоронили в Малаховке, станция Удельная. (Извещение военкомата.)

Гергоков Махмуд Исмаилович

(1905–1982)

В начале репрессий 1933 г. Махмуд решил уехать в Москву. В Москве он сразу же поступил учиться в Сельхозакадемию. Женился в 1933 г. Сын – Исмаил (Малик) родился в 1935 г. В 1941 г. Махмуд был призван Раменским военкоматом Московской области. С первого дня до окончания войны воевал. Дошел до Берлина. Участник парада Победы 24 июня на Красной площади. Похоронил своего брата Суфьяна у себя на даче в Малаховке.

Махмуд умер в 1982 г., похоронен в Москве на Хованском кладбище, метро Юго-Западного маршрута.

После окончания войны он, вместе с братом Мухтаром, начал искать своих сестер и всех остальных родственников. Им дали ложные данные, и они искали в Киргизии, а нашли в Казахстане, и еще один год проходили в шинелях, пока не нашли своих близких.

Гергоков Абдула Исмаилович*(1907–1942, пропал без вести на фронте)*

В 1933 г. женился на Кулиевой Наибхан Канаметовне (1907–04.02. 1975). В семье родились: сын Руслан (1935–18.07. 1976), дочери Люба (1938–1940) и Зухра (1940–07.03. 2006). В 1941г. мобилизован на фронт Чегемским РВК.

8 марта 1944 г. всю семью выслали в Казахстан, в г. Алма-Ата. В 1958 г. вернулись в Нальчик, в с. Яникой.

Гергоков Мухтар Исмаилович*(15.12. 1909–23.01. 1981)*

Мухтар в 1933 г. уехал в Ростов-на-Дону, там поступил в пищевой техникум по специальности маслодела-сыровара. 23 июня 1941 г. был мобилизован Цепинским военкоматом Ростовской области. На фронте (Дмитрово) оборонял Москву, встретился с Махмудом, похоронил брата Суфьяна, дошел до Берлина. Участник Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

Имеет множество наград. Демобилизован 25.09. 1945 г., вернулся в г. Москву и, вместе с братом Махмудом, поехал искать своих сестер, которых в 1944 г. репрессировали и сослали в Казахстан. И только в 1959 г. вернулся с семьей на свою родную землю. Здесь, на Белой речке, похоронен. Имеет 6 детей и 14 внуков.

Гергоков Атлы Исмаилович*(1920–1942)*

Женился в 1937 г. на Батгаевой Сапрахан из г. Кисловодска. Сын Борис родился 18.03. 1938 г. Мобилизован 25.06. 1941 г., погиб 10.08. 1942 г. Сапрахан (жена) умерла 23.05. 1981 г., похоронена в Кисловодске. Имеет одного сына, двух внуков и двух правнуков.

Гергокова-Мамонова Суфьят Исмаиловна
(1923–2001)

В 1941 г. поступила в медицинский институт г. Ашхабада.

В 1943 г. была мобилизована на фронт Ашхабадским военкоматом. Дослужилась до подполковника военно-медицинской службы. На фронте была до Победы. Участник Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г.

Проживала в г. Москве, похоронена там же. Имеет дочь, внука и двоих правнуков.

Гергоков Магомед Исмаилович
(1924–1941)

В 1941 г. был призван в армию из с. Яникой Чегемского района Чегемским РВК. Погиб в 1941 г. (Извещение РВК).

К сожалению, его фотографий нигде не сохранилось.

Мусаби ШХАНУКОВ,
учитель,
член Союза журналистов России

Отважный партизан

Журтов Али Патович был удивительно скромным человеком. При жизни о подвигах отважного партизана не было опубликовано ни строчки. Он говорил: «Ничего такого я не совершил, таких, как я, 7 тысячи, пишете о более достойных».

Вместе с тем, боевой путь Али Журтова был насыщен ратными подвигами.

До войны он трудился в колхозе, радовался новой жизни, работал добросовестно. Великая Отечественная оборвала все планы. В 1942 году его призвали на фронт. Вскоре он окончил краткосрочные офицерские курсы и стал командовать стрелковым взводом.

Журтов со своим взводом сражался мужественно. В жестоких боях на Украине, находясь в авангарде с группой бойцов из своего взвода, Журтов и его товарищи оказались в окружении гитлеровцев. Кончились боеприпасы, продовольствие. Группа дралась до последнего патрона. Плен был равносильен смерти. И бойцы решили прорваться к лесу, податься к партизанам.

Передо мной лежат пожелтевшие документы, доказывающие пребывание нашего земляка в партизанских отрядах Украины:

«Младший командир Журтов Али Патович, смело и отважно выполняя задания руководства, находится в специальном отряде имени Чапаева с 4 ноября 1943 г.».

В удостоверении, выданном штабом Житомирской партизанской дивизии им. Щорса 3 марта 1944 г., говорится, что Журтов Али Патович состоит на действительной воинской службе в партизанском полку им. Боженко в должности командира взвода 2-ой роты 4-го батальона.

Сражаясь в названном полку, наш земляк проявлял чудеса храбрости и отваги. Взвод под командованием Журтова взрывал мосты через реки, пускал под откос поезда, нападал на вражеские гарнизоны, уничтожал полицаяв-предателей, сжег немецкую комендатуру, где находились списки советских людей, которых фашисты собирались увезти в рабство.

Первое полугодие 1944 года для партизан было особенно тяжелым. Чем дальше под мощными ударами советских войск гитлеровцы откатывались на запад, тем сильнее насыщались партизанские зоны неприятельскими войсками, тем тщательнее фашисты пытались обезопасить свой тыл. Они всегда боялись партизан. Против них они устраивали блокады

и прочесывания районов их дислокации. Но гнев и силу народных мстителей враг уже не в состоянии был остановить.

В конце апреля 1944 года Журтов был направлен командованием партизанского отряда в армию. Вчерашний партизан, а сегодня армейский офицер, показывал бойцам пример храбрости и отваги, вдохновляя их на победу. Но вскоре, как отважного офицера, имеющего опыт ведения партизанской войны, Журтова снова направили в штаб партизанского отряда. Его определили в отряд имени Чапаева на должность командира взвода. За смелость, храбрость и горячность боевые товарищи называли его «Кавказец».

20 августа 1944 года взвод Журтова находился на боевом задании. Накануне был получен приказ отправиться на рассвете в разведку. Всю ночь уточняли и отработывали задачи. Казалось, все предусмотрели. Но взвод попал в окружение трех немецких отрядов. Разгорелся тяжелый и неравный бой. Командир отличился в этом бою: расстрелял в упор четырех немцев. За этот боевой подвиг командование отряда представило Журтова Али Патовича к правительственной награде.

Очередное удостоверение, выданное Украинским штабом партизанского движения 30 сентября 1944 г. гласит, что с 1 мая 1944 г. по 30 сентября 1944 г. Журтов Али Патович состоял в партизанском отряде им. Чапаева. В связи с расформированием отряда имени Чапаева выбыл из партизанского отряда в распоряжение Г. В. К.

4 октября 1944 года Журтова А. П. командировали в Нальчикский РВК. По прибытии руководство посчитало нужным оставить Журтова в тылу для помощи фронту – тыловых работников не хватало.

За славные боевые подвиги Али Патович награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», юбилейными медалями и знаками.

После войны Али Журтов работал в колхозе на разных должностях. Был председателем профкома колхоза «Большевик», бухгалтером. Он вложил много сил в восстановление и развитие родного села Малка. За честный и добросовестный труд Журтов А. П. награжден медалями «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны», «Ветеран труда» и многими почетными грамотами.

Славный ветеран войны и труда ушел из жизни, но память о нем живет в сердцах односельчан, всех тех, кто его знал, кто работал с ним.

Вести из КБГУ

Библиотека Кабардино-Балкарского госуниверситета как центр образовательного и культурно-нравственного развития организует много встреч с талантливыми людьми, посвятившими себя служению во благо и процветание нашей Кабардино-Балкарии. Как известно, многие из них – это выпускники нашего университета. Здесь, в суеете студенческой жизни, прокладывалась их дорога к знаниям, развивалось мировоззрение, познавались вечные ценности. Университет гордится своими выпускниками, носящими гордое имя достойных сыновей и дочерей нашей мирной многонациональной республики.

Недавно такие встречи состоялись с Андреем Хакуашевым, Михаилом Тхакумашевым и Борисом Мазиховым.

Андрей Ханашхович Хакуашев

На протяжении многих столетий человечество стремится к совершенствованию, постижению новых высот и открытию неизведанного. Эти приоритеты всегда служат проводниками прогресса цивилизации, и не секрет, что всему этому способствуют исключительно одаренные люди. В Древней Греции одаренность, выдающиеся способности именовали талантом. Какими бы трудными ни были годы, сопряженные с драматическими поворотами в творческой и личной судьбе, их вклад во благо отечественной культуры и науки всегда оценивается особой мерой. Их устремления одухотворены доброй энергией, осмысленностью выбранного пути. Они полны замыслов и находят силы осуществлять их.

К таким незаурядным личностям старшего поколения относится заслуженный работник вуза РФ, заслуженный деятель науки КБР, доктор филологических наук, профессор, академик АМАН Андрей Ханашхович Хакуашев.

К юбилею ученого в Научной библиотеке КБГУ прошел творческий вечер под названием «Лъэпкъым и гъуджэ» (Зеркало народа). Вечер собрал преподавателей и студентов, близких и дорогих ему людей, разделяющих его творческие устремления. Среди них были председатель совета ветеранов КБГУ Юрий Кимов, доктор философских наук, профессор Салих Эфендиев, доцент кафедры этнологии и культурологи Кадир Шокуев, профессор кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа Аслан Ципинов, к.ф.н., доцент этой же кафедры Римма Камбачокова и многие другие.

С официальным поздравлением от всего ректората к юбиляру обратился проректор по научной работе Алексей Савинцев. В своем обращении он высказал самые теплые пожелания в адрес Андрея Ханашховича, подчеркивая бесценный опыт мыслителя, творца, талантливого ученого, чьи мысли и устремления всегда значимы и являются особенным даром для нынешней студенческой молодежи.

Очень много теплых высказываний о дорогом юбиляре было произнесено на этой встрече. И все сказанное подтверждало то, насколько может быть богат и многогранен человек, всецело посвятивший себя служению людям и любимому делу.

С именем Андрея Хакуашева ассоциируется целая эпоха научной жизни. Прежде всего, неизменным осталось неумное стремление к исчерпанности в постижении всего, с чем он соприкасается. Неостывающая потребность знать и узнавать, интерес ко всему новому на протяжении лет стали его профессиональными качествами. Отдавая дань традициям, он видит и умеет подсказать новые пути и направления в дальнейшем развитии литературной мысли. Он необыкновенно щедр на поддержку способных, талантливых, думающих. На протяжении всех этих лет он обучал более 2 тысяч студентов, ставших выпускниками, среди которых было и есть немало интересных и неординарных личностей.

Андрей Ханашхович отличается редкостным талантом общения с людьми, с особым вниманием он относится к студенческой молодежи, формирует в них исследовательские навыки.

Несомненно, наряду с талантом ученого отражаются его самые лучшие человеческие качества. Он принадлежит к тому типу личностей, которые связываются с понятиями порядочности, интеллигентности, совести, добра и великодушия. Многие останутся благодарными ему за советы и поддержку.

И сегодня Андрей Ханашхович живет жизнью настоящего большого ученого, отдавшего своей науке, своему родному университету всего себя, чем и заслуживает гордое имя талантливого ученого – аксакала научной мысли Кабардино-Балкарии.

Михаил Хамидович Тхакумашев

У каждого творческого человека, независимо от того, насколько удачно он взаимодействует с внешним миром, непременно есть своя внутренняя жизнь, состоящая из размышлений, образов и фантазий. Несомненно, такой представляется жизнь и все, что может окружать необычного человека, – известного скульптора Михаила Хамидовича Тхакумашева.

Встреча со столь известной личностью, человеком-легендой оставила самые приятные впечатления у студентов и преподавателей нашего университета.

На встрече с ним присутствовали известный искусствовед республики Жаухар Аппаева, писатель Борис Кагермазов, художники Владимир Баккуев и Ибрагим Суairханов, преподаватели Салих Эфендиев, Юрий Кимов, Александр Кочесоков и другие.

Как ваятель он внес большой вклад в развитие культуры Кабардино-Балкарии. Он заслуженный художник РФ, член Союза художников России, лауреат Государственной премии КБР. Многие его произведения получили широкое признание, а известность художника давно перешагнула границы республики.

Немало интересного о жизни и работах скульптора рассказали гости вечера, на котором студенты с большим интересом слушали и подмечали для себя удивительные моменты, связанные с личной судьбой художника, как бы вновь открывая для себя талантливого и очень скромного человека.

В книге Жаухар Аппаевой «В вечном движении», наряду с известными людьми республики, она очень подробно повествует о жизни и уникальных творениях Михаила Тхакумашева.

Биография Михаила Хамидовича включает много славных страниц. Носить гордое имя заслуженного художника РФ, быть обладателем мощного потенциала такого таланта и в то же время, оставаться очень скромным человеком – это большая ценность для человека, который не строит себе карьеру, не стремится к славе. Этот человек, как и многие другие талантливые люди нашей республики, в силу отпущенного ему Богом таланта, вопреки всему продолжает творить и радовать свой народ уникальными творениями.

О скульпторе его близкий друг, известный художник Владимир Бакуев сказал, что монументальные скульптуры, выполненные М. Тхакумашевым, стали неотъемлемой частью архитектурно-пространственной среды городов и сел республики. Среди них памятники Али Шогенцукову перед зданием Кабардинского театра, Кайсыну Кулиеву на площади перед Дворцом культуры профсоюзов в Нальчике и на территории мемориального музея поэта в Чегеме. Значительный общественный резонанс получили новый памятник 115-й кавдивизии, установленный у въезда в столицу республики, и мемориал погибшим воинам в станице Солдатской. Скульптурное изображение писателя Алима Кешокова, сидящего с небольшим томиком в руке, с накинутым на плечи плащом, исполненное скульптором в реалистической манере, как нельзя лучше соответствует творчеству писателя и духу его времени, и прекрасно вписывается в городской ландшафт.

Высокими художественными качествами отличаются выполненные им монументальные изваяния Кязима Мечиева в Шики и Бабугенте. Михаил Тхакумашев создал и целую серию портретных образов видных деятелей культуры Кабардино-Балкарии: Бекмурзы Пачева, Бетала Куашева, Юрия Темирканова, Зарамука Кардангушева и многих других.

Профессор Салих Эфендиев в своем выступлении выразил благодарность в адрес Михаила Хамидовича, отмечая высокий уровень его мастерства, и рассказал аудитории много интересного о дружеских, чудесных отношениях Михаила Тхакумашева с Кайсыном Кулиевым и Алимом Кешоковым.

Борис Беспанович Мазихов

Состоялась встреча с председателем Союза журналистов КБР, членом Союза писателей России, заслуженным работником культуры РФ, лауреатом премии Союза журналистов России, заслуженным журналистом КБР,

КЧР и Адыгеи Борисом Беслановичем Мазиховым. На юбилейном вечере присутствовали его друзья и коллеги: Хачим Кауфов, Кашиф Эльгаров, Владимир Кудяев, Хасан Тхазеплов, Арсен Гергов и др.

Сколько славных страниц может вместить в себя жизнь человека, испытывающего на своем пути удивительный мир, заполненный множеством прекрасного. И эта данность может быть присуща только самому счастливому человеку, обладателю истинного таланта и дара человечности.

Таким представляется наш почетный гость, выпускник Кабардино-Балкарского госуниверситета Борис Бесланович Мазихов, за плечами которого есть много хороших дел, характеризующих его как глубоко порядочного и жизнелюбивого человека. Его устремления всегда полны самых светлых помыслов и наделены четкой жизненной позицией.

Биография Мазихова полна богатого жизненного опыта и творческих изысканий. Благодаря не только таланту, но и свойственному ему упорству и трудолюбию, беспредельному стремлению к познанию и творческому любопытству, он стал одним из лучших кабардинских прозаиков, чьи произведения возвысили художественное слово и обогатили кабардинскую литературу. Пытливый ум писателя всегда оказывается в поисках чего-то необыкновенного и неопознанного. Он влечет читателей в мир удивительных сюжетов и образов. Автор по-настоящему заставляет трепетать наше сердце, понимать и осмысливать все, что тревожит его героя. «Его творчество и есть в целом гимн всему лучшему, что дорого в этой жизни человеку. Сам воспитанный в крепкой трудовой семье, с детских лет познав ужасы войны, он всем сердцем восставал против насилия и жестокости. Не случайно в своем творчестве он воспеваеет людей гордых, трудолюбивых и волевых. Борис Бесланович способен как художник дать полнокровный и многоплановый абрис жизни. Как настоящий художник, он видит жизнь объемно, отыскивая в ней характерные и нередко сокрытые детали, штрихи. В новеллах, рассказах, повестях Борис Бесланович мастерски раскрывает человеческую суть.

«Творчество писателя Б. Б. Мазихова – особая страница национальной прозы, она принесла добрые плоды для кабардинской литературы. Главным героем ее является наш современник, трудом которого создаются все земные блага. Его проза заставила задуматься над многими проблемами. Не в этом ли, собственно говоря, предназначение писателя», – пишет о нем Светлана Моттаева.

На встрече с Борисом Мазиховым прозвучало много теплых слов в адрес этого замечательного человека. Все, что прозвучало на вечере, может только подчеркнуть достоинство и возвысить авторитет столь талантливому человеку. Друзья и коллеги Бориса Беслановича поделились с присутствующими в зале интересными рассказами о нем, подмечая тонкими ироничными репликами некоторые случаи из его жизни, что могло только подчеркнуть их искренность и неподдельную дружбу.

От имени правления Союза писателей КБР выступил Хачим Кауфов. Он выразил самые теплые пожелания в честь юбиляра – исключительно мудрого, заслуживающего глубокого уважения человеку, которого природа наделила особенным даром. «Мы видим, – продолжил он, – в героях про-

изведений Бориса Мазихова великодушных, сильных людей, способных решать самые сложные жизненные ситуации».

«Борис решил поделиться своими первыми творческими порывами и зашел как-то раз ко мне домой, – сказал в своем выступлении главный редактор журнала «Ошхамах» Кашиф Эльгаров: – Кто бы знал, что еще в начале 60-х появится такой талантливый молодой писатель. Много похвал заслуживает его творчество, и о нем, как о человеке, можно говорить без усталости, потому как достоинство этого человека заслуживает особой оценки – это человек совести и чести, несущий праведность и светлые помыслы в сознание людей».

На этом же вечере профессор Салих Эфендиев выразил благодарность в адрес писателя, отмечая высокий уровень его мастерства, расширившего геокультурное понимание в кабардинской литературе, и сказал: «Это второе поколение писателей Кабардино-Балкарии, к которому принадлежит Борис Мазихов. Как видно, и в литературе рождается мощный потенциал молодых талантов, являющиеся продолжателями традиций своих предшественников – великой плеяды писателей первого поколения: Али Шогенцукова, Керима Отарова, Кайсына Кулиева, Адама Шогенцукова, Хачима Теунова, Берта Гуртуева и др. Все мы воспитаны на произведениях этих великих писателей. Во все времена они будут служить источниками познания, культурных традиций наших народов. Именно благодаря им у меня формировался свой подход к осмыслению культур наших братских народов. Я горжусь тем, что был современником этой великой плеяды. На смену им пришло второе поколение талантливых писателей: Мухамед Кармоков, Танзиля Зумакулова, Борис Мазихов, Ибрагим Бабаев, Хагаф Токумаев, Эльдар Гуртуев, Хачим Кауфов, Магомед Мокаев, Муталип Беппаев, Сафарби Хахов, Хасан Тхазеплов, Саладин Жилетежев и многие другие. Пришедшие в литературу в 60-е годы внесли в какой-то степени этногенетический взрыв пассионарного характера. Творческий вклад вышеперечисленных писателей еще не исследован в достаточной степени. Мы должны работать над этой проблемой, осмыслить ее глубоко в социально-философском аспекте этого поколения.

Меня беспокоит, что современная молодежь мало читает. Наблюдается дефицит творческих изысканий молодых писателей. Не они ли должны быть продолжателями воспетых традиций талантливых поэтов и писателей, которые по праву были включены в орбиту развития литературы Кабардино-Балкарии? Ведь книга – это та социокультурная ценность, которая еще много лет не будет вымирать. Это могущественный феномен истории человечества».

О журналистской деятельности Бориса Мазихова рассказал его коллега, кандидат исторических наук, заслуженный журналист РФ Владимир Кудяев. Несомненно, у такого мастера журналистского дела есть немало интересного, чем он мог бы поделиться с участниками встречи: «Деятельность Бориса Мазихова заслуживает особой оценки, как на литературном поприще, так и в журналистике. Хочу признаться, что работать в двух таких сложных направлениях отнюдь не так уж просто. В журналистике все-таки существует очень много рамок, когда каждый материал строится по заведенным правилам. А этот пресловутый газетный язык требует

соблюдения особых норм. Соотнести эти грани удалось Борису, потому как он умеет тонко разграничивать два любимых им рода занятий».

«На протяжении всей своей жизни человек стремится к совершенствованию, достижению личностного и профессионального роста. Успех в достижении этих целей присущ тем, кто по-настоящему одухотворен своей идеей и по счастливой судьбе наделен особенным природным даром, ориентирующим его на открытие чего-то нового, совершенного. Только настоящий мастер может отличить истинное от фальши, уловить искорку и придать значение простым истинам, отыскать в глубине человеческого сознания живительную силу и передать это богатство для осмысления нам, живущим на земле, затерявшимся в суете жизненных перипетий. Таким исключительным мастерством обладает Борис Мазихов, чей талант открывает двери в несоизмеримую широту творческих устремлений и заставляет всецело прочувствовать, ощутить и воспринять то, о чем пишет писатель», – говорит о коллеге главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария», заслуженный работник культуры РФ, академик АМАН Хасан Тхазеплов.

Директор библиотеки университета Роза Уначева, обращаясь каждый раз к участникам этих замечательных встреч, выражает свою благодарность всем, отмечая, что такие встречи служат неким духовным ориентиром, помогающим не потеряться в современном пространстве, они учат молодое поколение понимать и ценить величие культуры.

«Университетская библиотека, являясь инициатором таких прекрасных встреч, каждый раз собирает вокруг себя замечательную аудиторию. Она знакомит своих читателей с яркими личностями, которые по праву заслужили истинное признание своего народа.

Для библиотеки университета очень важно осознавать значимость совместных усилий в деле воспитания молодежи. Поэтому так велико внимание к приобщению к истокам национальной культуры, воспитанию нравственной культуры студенческой молодежи. Всестороннее воспитание подрастающего поколения, забота о его нравственном здоровье – очень важная задача, остро стоящая сегодня перед нашим обществом. На нас возлагается весь педагогический потенциал позитивного влияния на сознание современной молодежи. И это не означает, что мы должны утверждать, что нынешняя молодежь плохая, отнюдь это не так. Просто она очень восприимчива к современной действительности, и нам, взрослым, необходимо научить молодых людей ориентироваться в этом сложном жизненном пространстве, научить их правильно мыслить, своим собственным примером обогащать их сознание. Я уверена, что каждое звучавшее здесь слово обретет мудрое решение и позволит раскрыть богатый внутренний мир каждого, кто разделяет с нами радость и одухотворенность от таких прекрасных встреч».

Материал подготовила зав. сектором научно-технической информации библиотеки КБГУ Мадина Буранова

Людмила МАРЕМКУЛОВА

Естество и мастерство Бориса Кажарова

Дорогу осилит идущий

У каждого актера, как и любого, творчеством заряженного человека, – свой путь, свои закономерности и случайности в сложном процессе самореализации. Мальчик из села Чегем Боря Кажаров благодаря своим двоюродным братьям узнал, что такое театр за кулисами. Их неповторимый запах, таинство, магия того, что происходило на сцене, навсегда запали в душу подростка. «Я замечтался до такой глубины, что скрывал свою мечту, никогда не писал в сочинениях и не говорил не только взрослым, но и друзьям о том, что хочу быть актером. Я врал, по-настоящему врал, до того это было сокровенно. По-настоящему люблю свой родной язык, литературу, поэзию».

Жизненная фабула – служба в армии, затем работа наладчиком автоматов на заводе СКЭП, не затрагивала ту потаенность души, имя которой «актер». Борис Кажаров – старательный, добросовестный, вдумчивый молодой человек, перевыполнял план, стал коммунистом, имел семью... Все шло честно, опрятно и говорило о том, что он основателен и трудолюбив, может сделать хорошую карьеру производственника. И вдруг... Все, что Всевышним предначертано, состоится. Борис узнает, что в министерстве культуры начинается набор в театральную студию, которая будет обучаться в Москве, в знаменитой «Щуке». «Чуть сердце не выскочило из груди». С документами опоздал, и если бы не внимание старшего инспектора министерства Бодровой, не попасть бы ему на отборочные туры. На четвертом туре срезали, плакал как женщина, так было больно. И все-таки пошел на последний тур поболеть за своих новых товарищей. В конце тура вышел Л. Х. Эркенов и пригласил в зал. Комиссия попросила прочитать все, что читал на предыдущих турах. После прослушивания вышел Л. В. Калиновский и сказал о том, что его, Кажарова Бориса Залимовича, зачислили студентом кабардинской студии театрального учи-

лица им. Щукина (Москва). Это было настоящее счастье, его мечта могла осуществиться. Борис очень хорошо понимал, что для этого надо много работать, и был готов к тому, чтобы «учиться, учиться и учиться», чтобы насладиться тем духовным пиршеством, которым одаривает столица. Неустанным трудом до сих пор кормит он свою мечту, развивает вкус и умножает опыт. Сейчас, когда за плечами более ста ролей и прожитых 62 года, актер говорит: «Как хочется работать, как хочется играть новые роли! Самая большая сила – это желание работать». Сегодня, когда наступила золотая пора отточенного мастерства и свободы от материальных и семейных проблем, присутствует не столько желание быть на сцене, сколько кропотливого и глубокого труда в создании новых образов. У актера сложилась та внутренняя схема, подход к созданию новых ролей, которому он неукоснительно и с наслаждением следует. Так же, как в благословенные студенческие годы, учится. Учится у своих бывших педагогов, у коллег, у старших, которые уже составляли славу кабардинского театрального искусства, когда «щукинцы» вернулись домой.

После возвращения процесс слияния творческих коллективов был достаточно драматическим. Только благодаря тому, что в кавказской ментальности уважение к старшим – это аксиома общения, не было открытого противостояния. Молодые, полные сил и творческого заряда, вернулись и хотели показать все, на что способны, чему научились в столице. Но не все так гладко происходило. Они, в основном, получали эпизодические роли. Для Бориса Кажарова, который уже имел опыт работы в коллективе, общение было с меньшим напряжением, нежели у других студийцев. «Наши старшие были в таком возрасте, как мы сейчас. Это была драма, в которой искусственно разжигаемый антагонизм не принес своих плодов. Я гордился тем, что старшие интересовались моими бытовыми проблемами, приглашали к застолью. Каждый из них – Сонов Мухарби, Болов Мурат, Мисостишхов Пшизабий и другие, – был божественно талантлив. Кабардинский язык у них звучал как музыка, не пропадало ни одно слово, ни одна буква. И счастье от работы с ними на сцене навсегда осталось в моей памяти». Теперь, по прошествии времени, актеру хотелось бы сыграть те роли, которые они играли; отца в «Продавце дождя», Шатира в «Тыргатао» и др.

Учиться, значит – наслаждаться каждой новой ролью, ибо все это – познание человеческой души. «Творчество для меня – это дело и вместе с тем следование позыву души, громадное удовольствие. Если в молодости это была слепая любовь к театру, искусству, то с годами становится насущной потребностью души, жизнью в искусстве. Я люблю свой родной язык, литературу, поэзию, все, что связано с языком, душой народа. Без этой любви нечего делать в искусстве, невозможно никакое творчество. Почему мы, актеры, в театре? Почему? Из-за любви. Ни одно техническое, научное достижение так не сложно и привлекательно, как человеческая душа». И каждый раз, какая бы ни была роль, Борис Кажаров исследует характер и душу того образа, который создает на сцене. С годами это уме-

ние перевоплощения только углубляется, оттачивается, не теряя внешней канвы. Какую бы роль ни получал актер, в первую очередь он изучает эпоху, которая отражена в пьесе, биографию драматурга. Затем очень важный для него «застольный» период. «Для меня очень важен этот этап; если его миную, то трудно обогатить роль. Очень важно знать, почему из тысячи слов автор выбирает именно это одно слово. В драматургии все должно быть оправдано, важны подтексты». Поиски образа, исследование души персонажа – это сложный умственный процесс, и Борис Кажаров пытается с математической достоверностью просчитать все, что будет делать на сцене. Для актера все имеет значение: и внутренняя свобода, и владение текстовым материалом, и грим, и партнерские отношения, и тот желаемый диапазон свободы, когда возможна импровизация.

Актер свободен, когда образ играет, с каждым выходом на сцену в очередном спектакле роль получается в какой-то еще более глубокой тональности. Любой выход на сцену для Бориса Кажарова – некий сеанс психотерапии. «Негодяи, на удивление, выписаны у драматургов гораздо сочнее, привлекательнее с точки зрения актерских красок, их легче играть. Но если негодяй играет негодяя, то уже нет предмета актерства, творчества. Актер должен быть с человеческой сущностью, чтобы понять все недостатки создаваемого образа, его природу. Механизм перевоплощения у каждого актера свой, «в каждом сидит свой Станиславский». Взаимоотношения актера и режиссера очень важны в создании спектакля. Есть актеры, которые и шага не могут сделать без режиссера, а есть актеры, которым нужна просто канва построения образа. Чуткие, талантливые режиссеры чувствуют пластику, внутреннее состояние актера, возможности его мастерства. Для Бориса Кажарова должен быть неоспоримым диктат режиссера, приоритет его целостного видения спектакля. «Слово режиссера должно быть авторитетным, он должен быть, как минимум, на голову выше актеров; без необходимого диктата ничего не получится».

При работе над ролью сложны взаимоотношения не только с режиссером, партнером, но и с авторским текстом. Создавая образ, Борис Кажаров не только анализирует и принимает слова своего героя, но и соотносит их со своим внутренним ощущением создаваемого образа. И как замечательно, когда ему позволительно вставить в авторский текст хотя бы одно слово! Это слово делает актера соавтором драматурга. Тогда все совпадает, образ создается полным, психологически выверенным. Это «совместное слово» становится тем кончиком нити, который позволяет «распутывать» тайны психологии и характера создаваемого образа. Камертоном в придумывании красок образа для Бориса Кажарова является правда жизни. Здесь очень важно не потерять чувство меры, а значит – правды жизни, которое шлифуется у каждого актера в своем диапазоне. Как материалист, человек с глубинными понятиями, он не приемлет никакого приближения к тому, что называется «штамп». «Чем дальше образ находится от тебя, твоего «я», тем дальше ты от штампа. Штамп губит актера, что недопустимо». Еще одна сложность актера Бориса Кажарова,

человека, который безусловно предан своей профессии, заключается в том, что надо сочетать внутреннюю, театральную и внешнюю, обычную человеческую жизни. «Какая бы заманчивая ни была работа, не люблю, когда она затемняет обычную человеческую жизнь, когда обычное, теплое общение остается за бортом. Не могу из-за работы глубинно не общаться с друзьями, родственниками. Также очень не люблю, когда актер на сцене проповедует одно, а в жизни он совсем другой. Честь и достоинство не позволяют быть разными на сцене и в жизни». Народный артист КБР вот уже 23 года руководит народным театром с. Кызбурун-1. Замечательная тавтология! С какой любовью рассказывает он о своих подопечных, как гордится их успехами! «Очень важно видеть, когда актер, который пять лет учился профессии, делает что-то, и когда актер, которого никогда не учили этому. Тогда понимаешь, что не имеешь права не отдавать все, чему учили. Иногда встречаются до того талантливые люди, что обучение им и не нужно. Бог уже дал им талант, надо просто грамотно направлять такого человека. Тем более, что эти актеры народного театра приходят в клуб после работы, играют бесплатно и радуют зрителей так же, как и мы, профессиональные актеры. Неформальная преданность сцене, театру людей, которые в удовольствие души играют, потрясает. У актера Бориса Кажарова «голова и сердце всегда наготове», чтобы быть уверенным в том, что все происходит по школе правды. Мир искусства, который строится именно по принципу истинности, не может не быть профессиональным. По сути и воплощению. Математическая обязательность, пунктуальность во всем, что происходит в жизни и на сцене, отличает Бориса Кажарова от других. Его волнует все – отношение зрителей к театру, красота и глубина родного языка, взаимоотношения с коллегами, друзьями, родными, отношения молодых и пожилых людей. Будучи социально активным, преданным своей профессии, а значит, своему внутреннему миру, актер не «бьет в бубен», не кричит на каждом углу о проблемах, создавая тем самым «шумовой эффект». Будучи глубоким и вместе с тем простым в своих душевных привязанностях, Борис просто честно работает: на сцене, в народном театре, на радио, на телевидении, на съемочной площадке, в школьном драматическом кружке. По маленьким кирпичикам складывает он свой «замок совершенства», имя которому «Искусство лицедейства».

Фатима ДУДАР

Ему подчиняется все

Казалось бы, ничего не предвещало того, что Тимур Гуазов станет оперным певцом. Он рос в селении Плановское Терского района, как обычный деревенский мальчишка: учился в школе, помогал родителям по хозяйству, гонял мяч с друзьями... Но из всех занятий больше всего ему нравилось учиться, и получал он в основном пятерки.

Однажды на уроке пения (было это в шестом классе), который вел известный гармонист, сочинитель песен Артур Тубаев, когда все пели, Тимур почему-то молчал, не хотелось. На это учитель обратил внимание. После окончания урока Тубаев спросил: «Ты что, болеешь?» На что Тимур ответил: «Нет». – «Тогда пой», – сказал педагог. И Гуазов запел: «Дан прик-а-а-аз ему на зап-а-а-ад». – «Да у тебя есть голос!» – воскликнул Артур.

«С этого момента, который я запомнил на всю жизнь, все и началось, – рассказывает Гуазов. – Как раз в это время возрождались национальная культура, стали проводиться различные смотры. Тубаев готовил меня к ним, и я на них выступал». В школе № 1, где учился Гуазов, появился еще один интересный творческий человек Хашао Шидугов. Он работал в ансамбле национального танца Терского завода алмазных инструментов и параллельно начал преподавать у них в качестве эксперимента уроки танца, которые были внесены в расписание, как и все остальные школьные предметы. Для класса, в котором учился Тимур, оборудовали танцкласс, как и положено, с зеркалами, станком. Как-то Тубаев позвал Шидугова, вместе они послушали пение мальчика и начали лепить из него певца. Хашао подготовил с детьми номер – проведение кабардинского обряда «Унэишэ» с песнями и танцами, в котором Гуазов солировал как певец. С ним они выступили на районных и республиканских смотрах и стали победителями.

Близилось время окончания школы, Тимур так и не определился с выбором профессии, родители же хотели, чтобы он поступил на отделение «Промышленное и гражданское строительство» инженерно-технического

факультета КБГУ. Незадолго до выпускных экзаменов Гуазов ехал в автобусе в Верхний Акбаш к бабушке и встретил там Валерия Шарибова, возвращавшегося домой к родителям. К тому времени он уже преподавал в Северо-Кавказском государственном институте искусств. Тимур познакомился с ним раньше на районных смотрах, пару раз Валерий ему сопровождал.

Шарибов поинтересовался его делами и порекомендовал Тимурю поступить на кафедру вокального искусства, что Гуазов и сделал. Спев перед приемной комиссией кабардинскую народную песню и «По Дону гуляет казак молодой», Тимур был зачислен на подготовительное отделение СКГИИ, где молодой человек учился два года, потом поступил на первый курс вокального отделения. Тепло Гуазов вспоминает своего педагога по вокалу, старшего преподавателя кафедры вокального искусства СКГИИ, солиста Музыкального театра Валерия Кайцукова. Тимурю ближе было народное пение, о классическом же он имел весьма смутное представление. Валерий Асланович привил ему любовь к классическому вокалу, раскрыл его как яркую творческую индивидуальность. Конечно же, не обошлось и без усердия, целеустремленности самого начинающего певца.

Вот что говорит педагог про Гуазова: «Это один из талантливых учеников, он – замечательный певец и прекрасный актер. Надо отметить, что такое сочетание редко встречается. Тимур обладает лирическим тенором серебристого звучания. Ему подчиняется все: и камерная музыка, и оперная музыка, он обладает всеми необходимыми вокальными приемами и использует их на концертных площадках или работая в опере. Уводит слушателя за собой, буквально, царит над публикой, всегда уходит со сцены под бурные аплодисменты слушателей. Из каждого исполняемого им произведения ему удастся сделать спектакль. Гуазов любит и дарит искусство. Пение Тимура нельзя назвать работой, это профессиональное увлечение. Он молод, и со временем будет гордостью нашей республики, если уже не есть.

Не сразу Тимур пришел к высокой степени искусства. Он – пытливый, думающий певец и незакрепощенный. Нелегко ему далось овладение классическим вокалом. Чтобы иметь представление об идеальном звучании, Гуазов слушал много пластинок, на которых выдающиеся певцы исполняли классические произведения, аккуратно занимался, никогда не пропускал занятий. С такой же ответственностью он относился и к своим ученикам. В школе искусств № 1, где Тимур недолго преподавал, его ученики на зачетах показывали фундаментальные знания: культуру слова, поведения, звуковедения». К сказанному следует добавить, что Валерий Асланович продолжает оставаться педагогом Тимура и при необходимости делает ему замечания.

В 2001 году Гуазов закончил институт и с тех пор работает солистом в Кабардино-Балкарской государственной филармонии, иллюстратором на кафедре камерного ансамбля и концертмейстерского мастерства СКГИИ. С этого года Тимур и солист Музыкального театра. Недавно он успешно

дебютировал в опере «Паяцы» Р. Леонкавалло, спел партию Арлекина. Сейчас Тимур работает над двумя другими ролями, его вводят в другие спектакли, уже идущие на сцене театра, он исполнит партию молодого цыгана в опере «Алеко» С. Рахманинова и партию Альфреда в оперетте «Летучая мышь» И. Штрауса.

Большую роль в становлении Гуазова как артиста сыграла концертмейстер филармонии, заслуженная артистка КБР Вероника Теплова. Фактически, она подготовила его к конкурсам, аккомпанировала ему на фортепиано во Владикавказе и Калининграде. Тимур – лауреат всероссийских и международных конкурсов. Еще будучи студентом четвертого курса СКГИИ, в 2000 году он участвовал в I Открытом Северо-Кавказском конкурсе вокалистов, который проходил там же, где он учился. На нем Гуазов одержал свою первую победу – стал лауреатом третьей степени. В 2004 году после окончания института он выступал на VI Международном конкурсе камерного пения «Янтарный соловей» в Калининграде, стал дипломантом. Через два года – участие сразу в двух конкурсах: во Владикавказе во II Международном конкурсе молодых оперных певцов имени П. Лисициана удостоился почетного звания лауреата четвертой степени, а в Санкт-Петербурге, вместе со студентом фортепианного отделения Муратом Кабардоковым, участвовал в III Всероссийском открытом конкурсе вокально-фортепианных дуэтов «Три века классического романса», где наши земляки стали лауреатами третьей степени. В 2007 году Тимур вместе со студенческим хором СКГИИ выступил в Большом зале Саратовской консерватории имени Собинова на V Открытом Губернском фестивале-конкурсе академических хоров «Золотые огни Саратова». Была исполнена кабардинская народная песня «Дорога в Стамбул» в обработке Ю. Бицуева. Компетентное жюри дало высокую оценку их выступлению, и они стали лауреатами первой степени, специально для Гуазова был учрежден приз «За лучшее исполнение сольной партии».

«Я больше не хочу ничем другим заниматься, – говорит Гуазов. – Хочу петь и петь, мне это доставляет большое удовольствие». Тимур исполняет практически все, что ему нравится и написано для его голоса: арии из опер, романсы.

Фатима УРУСБИЕВА

МЕЖ МИРАМИ

Георгий Яропольский – яркий и последовательный представитель концептуальной поэзии нашего литературного круга. Но не только по уровню содержательного масштаба и зрелости собственно поэтического качества, но, в данном случае, и корневой принадлежности к нашей литературной среде: переводит близкий ему по духу круг поэтов, старых и современных, получает заказы от столичных издательств на переводы современных англоязычных литераторов интеллектуального плана, печатается как в московских, так и в региональных журналах (Ростов, Ставрополь), публикует критические рецензии в еще сохранившихся журналах и газетах. Словом, держит руку на пульсе и в то же время оберегает свой сегмент в культурном пространстве, не размываемом провинцией и литературной средой, которую обычно не выбирают.

Разрушение самой материи стиха, неизбежное при столь глобальных разломах пространства и материи вообще, являет для него постоянный поединок с Музой. У Яропольского эта тема составляет отдельную «антологию»:

...Меж тем перо
еще не онемело вроде,
но может – только о погоде.
Круг замыкается: зеро!

Что делать дальше? Падать ниц?
«Освободите от свободы?»
Как этажи, мелькают годы...
О, мука, музыка! Вернись...

Поэтическая работа для него – единственный жизненный сюжет. Перегруппировка этого пространства внутри, постоянное самосозидание, как перевод себя на бумагу, опосредованные на виду у прошлого столетия прежние сюжеты своей «яропольской классики»: поэма-пасьянс, поэма-чертеж, поэма-коллаж, театральные маски как анимации логических сущностей, пролог из Гамлета – это целые венки жанров, раздвигающих снова и снова его поэтическое сознание, для которого, по его признанию, ему не хватало малой формы. Все эти поэмы собраны в единый метасюжет последней книги, которую он назвал «Реквием по столетию».

В этом сборнике все меньше жанрового диктата, который с самого начала был частью некоего «проекта». И не покидающее нас ощущение классической заданности, роднящей его с литературным модерном и, более всего, с поэмным дыханием блоковского типа. Рубеж веков, его присутствие также повторяется в конце 20-го столетия у современного

поэта в самом обостренном ощущении Поэта как субъекта поэзии в эпоху перехода.

Жанр поэмы для Яропольского – это возможность и необходимость в более крупных мазках мыслительной палитры, никогда не сводящейся просто к стилизации, в которой стоящий для поэта на вершине поэтической родословной Пушкин может соседствовать с напевной повествовательностью Некрасова, и опыт прозы и драматургии, и, тем более, современной прозы, немецкой и английской, непредставимой теперь без аллюзий, интертекстов и коллажей, свойственных поэзии.

Для Яропольского характерно наложение фоновых смыслов прошлых культурных эпох, их отзвуков на реальное противостояние культуры неумолимому нашествию абсурда и одичания. Благополучно миновав этап «поэзии информационного взрыва», Яропольский остается верен эстетике модерна начала прошлого века, совпадая с ней в глобальной программе переустройства мира на более высоких и справедливых основаниях. «Рассеять тьму» – его пафос, по собственному признанию. Сюда же можно отнести и неотделимые от эстетики модерна критику, иронию, средневековый «жанр масок», реализуемый им в форме актуальной для современного поэта рефлексии. Внутренние диалогические фигуры Гамлета, Нострадамуса, Мистера Икса, «Черной Субботы» – это заимствованный опыт драматургии как «чужой» повествовательности, имплицитированной в виде голосов изнутри. Таково разложение на персонажи в поэме-пастыше «Черная Суббота», олицетворяющее собой соблазны и наваждения проникшего в поэта «сладкого яда Черной Субботы». Здесь проявление зла как бы самодовлеющее, несмотря на оптимистическое, в духе модерна, утверждение:

Ведь прав, хоть слеп, юродивый поэт –
настанет воскресенье для кого-то.
Пускай надежд почти уже и нет,
но кончится и Черная Суббота.

Бодлеровские «цветы зла», губительная грань познания, мистерия карнавала прорастают новыми, более сильными импульсами – «сохранить бы душу». Вся поэма написана в жанре роковой композиции *Bloody Sabbath*.

А вот следующее четверостишие, где пастернаковская наполненность историей и иронией как будто переключивается прямо в наши дни, наш новейший политический театр абсурда.

Ведь когда пустотелой свободы
опостылит бескрылый мотив,
разомкнутся фекальные воды,
вновь кого-то из пены родив.

Приметы века будущего, двадцать первого, – и во всеобщем, хотя и профанном, но уже массовом взрослении, даже без участия культуры:

О, эта улыбка познания
на круглом лице дурака!

Такая смысловая законченность, словесная выраженность напоминает о «былинном» слоге классических и прозрачных по смыслу поэм А. Блока («Сад», «Возмездие», «Роза и крест»).

Столь же по-блоковски камерны и универсальны стихотворные шедевры «Холмы», «Портрет», «Хрустальный шар».

Несуществующий Господь,
твой мир от слез моих раздвоен.
Я – отторгаемая плоть,
привой, не принятый подвоем.

Пейзаж «нигде»: «Есть ветра меж ветрами, что ведут себя так, словно в щель меж мирами задувает сквозняк» («Холмы»). Осень, запах тревоги, не пролившийся дождь, дух пожухших листьев... Здесь нет конкретных ориентиров места, обстоятельств, здесь сроки физические заменяются вечным срезом пути.

Лифт времени заменяет движение, а занавес между действиями – «Тот берег», разреженный воздух высоты.

В стихотворении «Я брел с ружьишкой жалким...» также пространство меж мирами – сбитый с неба ангел «в сверкающем оперенье».

Он небу взор ослабил
с улыбкой неземной...
Не будешь больше, ангел,
кружиться надо мной!

Виденья космически-земные, еще не ставшие ни раем, ни адом, еще привязанные к земле тщетным усилием пера.

В поэте обострена жажда земной гармонии, и он болезненно ощущает ее нарушения и сдвиги.

Романтическая струя модернизма определяет направление поиска в нашей русскоязычной прозе и поэзии, независимо от жанра. Дистанция между бытом и бытием, одиночество, космизм, некая децентрализация протестного сознания выражается более всего в отрицании настоящего за счет ухода в другую культуру, в прошлое, и проектировании возможного будущего. Физическое грутально мигрирует в фантастические сущности и символы: «Был счастья день» Дж. Кошубаева, «Далекое поле» А. Байзуллаева, «Мы жили рядышком с Граалем» Б. Чипчикова.

Большой раздел сборника «Реквием по столетию», который называется «Железо и цифры», обогащает концептуальное поле Яропольского новой поэтической мифологией, вводит новые концептуальные субъекты осмысления нового века – «железо» и «цифры».

Так же, как в начале 20-го века (В. Хлебников, Н. Заболоцкий, С. Есенин, А. Крученых), Яропольский переосмысливает направление развития в соответствии с новыми актуальностями нравственными в начале века 21-го.

Поскольку всякий революционный пафос механического прогресса воспринимается культурой модерна как современная антиутопия и не имеет будущего как антикультурный, античеловеческий, то и поэт не облегчает себе задачи односторонним отрицанием. «Термитный квартал», наша с вами реальность, поэт, причастный по роду занятий и интересов к технокультуре, обживает и пытается привести в состояние гармонии с нашим «эго», перенося на «предметы», реально напоминающие наш мир, свои свойства (дисплеи, экскаваторы, реторты, алгоритмы) и переводя их в эстетические категории «небелкового свойства».

Рифмы работают не на себя, а обязательно рождют новый смысл и расходятся на очень разные лексические ходы: «кофе – Голгофа», «млея – дисплея», «кнопка – знобка», «Эйнштейн – Франкенштейн». Разногласия между двумя мирами – это временный этап нашего антропоцентричного и косного сознания. Все чаще возникают в цикле аллюзии из Библии, впрочем, это не те культурные интертексты, которыми изобиливал ранний этап его мифотворчества. Здесь это намеренно обедненное, голое упрощение окружающего мира, то есть более уместное для описания адамического пейзажа. «Только в пустыне вкус познается воды» («Медное солнце»). От интертекстов, от постмодернистского цитирования и самоцитирования он возвращается к себе. Через театр перевоплощений – воплощение в себя как последнюю актуальность. Все меньше «амальгамы» как отражения волне и все больше правды своего существования – текучего во времени, но не изменяющего его главной сути.

«Зеленые скаты холмов в объятиях железобетона», «Подсолнуха светлая сутра...» Слова «Второзакония» (28:23) «Небеса твои... сделаются медью, а земля под тобой железом» он здесь же отрицает словами современного поэта Ю. Кузнецова: «Когда встает природа на дыбы, // что цифры и железо человека».

На равных были – битум в белых звездах
и ржавый трос в разросшей траве.

Неразделимость связей все тех же Гераклитовых четырех стихий – ветра, влаги, земли и огня – в поэтической реторте Яропольского явлена в новом пейзаже «промзоны», «термитного квартала» микрорайона. «Холмы Хлама» – смысловая инсталляция неживого мира во всей ее беспощадной архитектонике, состоящей из культурных слоев и артефактов. Здесь этот образ как бы означает новое сотворение мира и скорее этап эволюции, нежели конец света. И одинокий поэт, еще способный «регистрировать» приметы происходящего, – это не демиург хаоса, а отринутый миром, находящийся над ним «скрипач на крыше» или «трубочист на крыше», свидетельствующий о Времени, как в дни страшного суда:

Пусть это покажется воем,
но так я, простите, пою.

«Избыв душевный кризис», как в стихотворении об ангеле, он про-

тивостоит, как богоборец, высшим силам разрушения. Об этом же поэма «Потерянный ад», где эзотерика Яропольского идет дальше по смыслу, запредельно как для Писания, так и для наших человеческих представлений. Поэт тоскует уже не по «потерянному раю», а по «потерянному аду», в котором все же был умопостигаемый смысл, означающий часть привычного мирового порядка.

«Холмы» как первопейзаж мироздания в современной литературе получил самую широкую разработку, смысловую и метафорическую. С присущей Яропольскому основательностью модернистского цитирования классики, в отличие от любительского у многих современных поэтов, он цитирует во многих эпиграфах и отсылках целую антологию холмов, от Пушкина до О. Мандельштама, от И. Бродского до «Песни Песней». «Холмы» – и название лучшего поэтического цикла, и звуко-смысловой регистр более ранних стихов.

Хочется напомнить в конце статьи о главном назначении поэзии «быть поэзией» прежде всего. Чтобы стихи становились твоей внутренней музыкой. Стихотворение «Портрет» в этом плане – хрестоматийно в самом хорошем смысле и отмечено божественным глаголом классики:

Но мгновений не жаль –
день, наверное, вечен,
он – и утро, и вечер,
и июль, и февраль.
В нем – осенняя грусть
и цветение вишен.
Он почти неподвижен
и знаком наизусть.

Гульфия БАЗИЕВА,
кандидат философских наук

«Книга отца» Сулеймана Бабаева

Память, если не гранит,
Одуванчик сохранит.

И. Бродский

Новое явление в литературе, как правило, воспринимается неоднозначно. Здесь сказываются стереотипы, касающиеся как жанровой формы и сюжетной канвы, так и литературного языка произведения. В национальной литературе советского периода, развивающейся в русле общесоюзных тенденций создания широкомасштабных произведений – романов «с продолжением», малые формы оставались зачастую на периферии критической мысли. В современный период малые прозаические формы сконцентрированной философичностью, поднимающейся до уровня афоризма, продолжают лучшие традиции классической литературы.

Первые рассказы Сулеймана Бабаева (1932–2003) на балкарском языке появляются в печати еще в 70-е гг., но первая и, к сожалению, последняя книга на русском языке в качественном переводе Махти Джуртубаева, «Книга отца», вышла в печать в 2001 г. В небольшой по объему книге, состоящей из миниатюрных новелл и рассказов, С. Бабаев создал неповторимую атмосферу национального духа, «национальной картины мира», которая «включает в себя наиболее всеобъемлющие идеи данного народа об устройстве мироздания» (К. Гирц).

Основная тема творчества писателя – философская, этическая и эстетическая концепция мироустройства.

Писатель обращает читателя к поэтическому миру своего детства, к мудрому роднику, каким стали для него слова отца: «красивые, как луг, святые, как травы родной земли, как ветер над ними, как дождь». Слова, произнесенные отцом, становятся «семечками яблок», посаженными в «благодарную почву», и пробиваются «ростками в душе», образуя «лицо мира, который вокруг нас». Национальный пейзаж С. Бабаева отражает не столько природный, сколько духовный и исторический опыт народа. Его пейзажные зарисовки динамичны и соотносятся с субъективным состоянием автора, это не только фон, оттеняющий те или иные события, но в первую очередь живые образы Родины, с которыми связаны самые сокровенные мысли. Писатель ощущает себя органической частью природы и передает чувственное, эмоциональное восприятие мира, поэтому описание природы в его творчестве отличается акварельной прозрачностью, чистотой и одухотворенностью (летнее утро с росистой побелевшей травой, белый обрыв, похожий на полумесяц, медовые листья зеленых чинар и др.).

В рассказе «После дождя», самим названием напоминаям как лучшие страницы лирической поэзии, так и живописные пейзажи, писатель выстраивает собственные колоритные картинки: пещера, в которой лирический герой прячется от грозы, кош, где он записывает пословицы и поговорки, услышанные от отца («записал слова, сочные, как горные травы, и душа стала на место»), стадо коров, найденных в тумане «по звуку». Впечатления от соприкосновения с природой у С. Бабаева настолько живописны и яркие, что невольно возникает аналогия с импрессионизмом, отвергающим все глухое, мутное, мертвенное.

Если говорить о колорите прозы С. Бабаева, то можно отметить, что наиболее активно писатель использует белый и серебристый, зеленый и голубой цвета: символы чистоты, надежды, любви. «Сейчас идет снег, а я вижу, как он белым пятном удаляется от меня по зеленой траве, и я вижу отца с белой бородой, рядом с ним жеребенок, вокруг них растут цветы, они никогда не замерзнут рядом с моим старым отцом и пушистым жеребенком». ¹ Но главенствующее место в творчестве писателя занимает белый цвет – по его собственному определению – «цвет забвения и памяти». «Я гляжу со двора на безмолвные сады, на тонкую голубую струю реки, на белые берега, на белые горы, где мы жили с отцом. Белый цвет, цвет забвения и памяти, опускается, летит с белого неба, и тиха моя белая, моя высокая земля». ²

Подчеркивая динамизм творчества С. Бабаева, следует отметить, что писатель тонко передает не только изменения в природе, но и в собственном эмоционально-психическом состоянии. Согласно художественной концепции автора, вселенная представляет собой некий многоярусный чудесный мир, где каждое явление природы (синеватый снег, тонкий холодный месяц, ясное небо, цветущая яблоня, солнечный жеребенок) выступают как единое взаимодополняющее целое. В «Книге отца» удивительно сливаются эпическое и лирическое начала, интимное переживание природы и стремление к ее монументализации и обобщению. Природа у С. Бабаева – образ универсальный, объединяющий различные «частные» образные миры. В творчестве писателя повторяются общие мотивы природных стихий: звезд, неба, гор, ущелий, рек. В сложные моменты жизни автор обращает свой взор к небу и звездам, являющимся важной символично-психологической темой в литературе, но «братанье со звездами» (В. Розанов) у каждого художника происходит по своему. У С. Бабаева романтические символы неба и звезд превращаются в критерии самопознания, в опорные точки для ориентации лирического героя в «пространстве и времени». Планетарные дистанции в творчестве писателя осмысливаются не отвлеченно, мир воспринимается грандиозным созданием природы, который возносит человека в область возвышенных, но вместе с тем реальных представлений. Человеческое и космическое начала не тождественны, но тем не менее человеческое, по мнению писателя,

¹ Буу-мойюзле. Тропинка в скалах // Там же. С. 34.

² Книга отца // Там же. С. 62.

сопоставимо с высоким порядком мироздания, а небесные пространства испытывают земное притяжение.

Большинство рассказов писателя начинается с описания туманной, дождливой погоды и заканчивается оптимистическими картинками ясной погоды и звездного неба. Это сближает его прозу как с мифологическим мировоззрением, так и с идеалистической философией нравственного императива, морального самосовершенствования. В мифологическом мире большое значение имеют законы сопричастности, сострадания, событийности ко всему сущему. «Разные люди живут на земле, всякое случается. Только, если тебе какое-то время плохо, нельзя думать, что всегда так и будет и все на свете плохо. Есть на земле и жалость, и понимание, и человечность. Поэтому и бродит по свету пророк Хызыр, чтобы узнать, какие у людей мечты, какие глубокие мысли таит каждый, чтобы испытать и хороших, и плохих людей».¹

Мотив дороги, пути – один из основных в творчестве С. Бабаева – и осмысливается им как духовная категория. Движение снизу вверх позволяет охватить все явления мироздания в их целостности и придает реально-зримой дороге метафизические черты жизненной дороги с изначальным символическим значением этой метафоры. Повышенный смысловой потенциал мотива дороги в литературе обусловлен многообразием его перевоплощений. Дорога – в представлении С. Бабаева – это не путешествие и странствие, не путь в никуда и ниоткуда («без цели и следа, бог весть откуда и куда» (М. Лермонтов), а прежде всего осмысление собственной жизненной дороги, своего пути в пространстве, ограниченном родными горами и временем, проведенным рядом с отцом, слова которого звучат как напутствие, как благословение, как молитва. «Больше всего на свете он хотел, чтобы в нас была любовь к родной земле, ее скалам и травам, горам и снегу, любовь к трудной и мирной жизни пастухов и землепашцев. Эта любовь не умирала в нем, ее и хотел он нам передать. Свидетели этому – каждый родничок на склонах, каждая турья тропинка, горные цветы, солнечный огонь берез. И сейчас, когда я поднимаюсь в горы, я встречаю их, как добрых друзей отца».²

Творческие поиски писателя ориентированы на синтез, на преломление в предметно-чувственном мире – мира духовного, в пространстве национального пейзажа – пространства народа. Фольклорная, песенно-мифологическая модель бытия, с его органической цельностью, внутренней глубиной связью человека и природы позволяет С. Бабаеву создавать не только духовно-эмоциональный, но и этнографический фон. Размышляя о Родине, где вместо «земля, где я родился», говорили «камень, на котором я родился», писатель восклицает, что больше всего ему хотелось бы поговорить со своими предками, посидеть со стариком-чабаном на уступе, послушать музыку гор. «А потом он взял бы в руки сыбызгы, и

¹ Яблоня перед моим домом // Там же. С. 73.

² Книга отца // Там же. С. 58, 59.

она зазвучала бы его тоской, тоской отца по сыну, разбившемуся в горах, на охоте». ¹

С. Бабаев создает целостный и гармоничный национальный образ посредством передачи эмоционально-чувственного восприятия народных традиций. Платок, связанный из серебристой козьей шерсти: пушистый, мягкий, почти невесомый, радует взгляд писателя так же, как и хорошо написанная страница.

Особую одухотворенность «Книге отца» придают эпитеты и сравнения, напрямую связанные с фольклорной традицией (тетрадь – «желтая, как листья чинары», туман – «стадо усталых серых волов», тоска – «серебристая рыба»). Эти художественные средства служат более поэтическому самораскрытию национального характера. Притчевая форма произведения с вкраплением фольклорных сюжетов (легенда о козопасе, легенда о Голубых озерах) обнажают философско-этическое осмысление жизненных проблем.

Эпиграф к данной статье, взятый из поэмы И. Бродского «На смерть Т. С. Элиота», не случаен. Отчаянная попытка найти выход из дисгармоничности мира, стремление запечатлеть и сохранить уходящее и тленное – в этом заключен магистральный смысл подлинного творчества. «Остаются в душе моей листопады и цветение деревьев, как слова отца. Если моим пером водит любовь к высокой земле родины, память об отце, если кто-то, неведомый мне, читая слова мои, может хоть на миг ощутить то, что ощущаю я, увидеть – хоть на миг – прорастание травы, струение родника, полет звезды, первый снег, падающий в горах, – значит, душа моя – от камня родной земли, кровь моя – от родных рек...»

¹ Яблоня перед моим домом // Там же. С. 69.

Аслан БЕЕВ

Использование художественных произведений XIX в. как источников по историографии, общественного строя традиционной Кабарды

Прогресс в исторической науке неразрывно связан с развитием художественной литературы, историческое знание распространяется не только через учебники истории, но и с помощью художественных произведений: «С развитием исторического жанра художественная литература наряду с фольклором принимает участие в формировании массовых исторических знаний». ¹ Массовый читатель узнает об обществе, жизненном укладе, культуре, сознании той или иной эпохи в основном из художественных произведений. Этот факт дает некоторым исследователям основания для утверждений о том, что литература играет большую роль, чем история в процессе познания прошлого: «Если сравнивать, что заключает в себе больше информации о прошлом: художественная литература или учебники истории, то сравнение будет в пользу литературы». ² Само по себе это противопоставление неправомерно. Научное знание и художественно-исторические образы искусства – различные формы информации, каждая со своей сферой воздействия, хотя эти сферы воздействия соприкасаются при формировании исторических представлений и понятий. ³ Ознакомление с прошлым с помощью литературы идет двумя путями: один из них – произведения, авторы которых были современниками описываемой эпохи, другой – историческая беллетристика (исторические романы, повести, рассказы и т. д.).

И первая и вторая разновидности художественных произведений представляют научную ценность для исторической науки, так как описываются определенные временные рамки, люди, жившие в этот период, их деятельность, быт. Указанные произведения являются историческими источниками. С другой стороны, автор в произведениях на исторические темы дает скрытую информацию об уровне развития исторических знаний в тот период, в который он творил, то есть произведение становится еще и историографическим источником. Пройдя длинный путь, художественное произведение превращается в исторический источник, а затем и в историографический. Литературные произведения прошлого представляют собой своеобразные художественные документы прошлого с «зашифрованной информацией». В отличие от них историческая беллетристика создается не на основе непосредственного восприятия писателем действительности,

¹ Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию М. В. Ничкиной. М., 1976. С. 287.

² *Штриптматер* Э. Сила поэзии // Иностранная литература. 1973. № 11. С. 229.

³ *Гульга А. В.* О взаимоотношении художественной литературы и исторического знания // Эстетика истории. С. 124.

а на базе его представлений о минувшем, почерпнутых из книг и документов, а также из народных преданий. В той или иной степени историческая беллетристика воплощает результаты изучения прошлого.

Кавказ и, соответственно, Кабарда становятся темой для художественных произведений русских писателей с конца XVIII в. А в XIX столетии Кавказ превращается в одну из центральных тем в творчестве русских классиков.

А. С. Пушкин в «Кавказском пленнике» затрагивает проблемы жизненного уклада, общественного строя, а также рассказывает об обычаях горцев. Другой не менее известный классик М. Ю. Лермонтов, любивший всей душой Кавказ, в своих трудах «Черкесы», «Беглец» описывает жизнь горцев, их менталитет и т. д.

Также произведения А. С. Грибоедова, А. И. Полежаева являются неисчерпаемым источником для изучения быта, внутренних противоречий края, борьбы с царским правительством и т. д.

Историографическую ценность представляют также труды местных просветителей XIX в. Их работы по типу не являются полностью научными или же литературными даже для своего времени. Несмотря на это их труды содержат много фактологического материала. Большинство из них получили образование в России и пытались придерживаться русских традиций историописания.

Известный просветитель Хан-Гирей в своей работе «Записки о Черкесии» описывает различные стороны политического устройства, экономики, культуры, быта адыгских народов. Именно он первым заметил различия в социальном строе адыгов и разделил их на две большие группы:

а) «племена стоящие под управлением князей и их подвластных»¹ – народы с развитыми социальными отношениями и разветвленной социальной лестницей;

б) «племена, не знающие над собой никакой власти»² – народы и субэтносы с «демократическим» устройством общества.

Огромный интерес представляют также работы Султан Адиль-Гирей. Внимание исследователей привлекает его статья «Об отношениях крестьян к владельцам», написанный в 1843 г. В форме диалога между владельцем земли и крестьянином Адиль-Гирей рисует картину феодального строя, когда крестьянин вынужден был отбывать отработочные и натуральные повинности. Проблемы феодализма и общественных отношений затрагивают в своих статьях С. М. Озроков, П. Кабардей и многие другие.

Научная ценность художественных произведений была осознана только во второй половине XX в., и понадобится еще много времени, чтобы исследователи смогли расшифровать скрытую информацию и придать ей «вторую жизнь».

---

¹ Кумыков Т. Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды в первой половине XIX в. Нальчик, 1996. С. 53.

² Там же.

*Дина БЕЙТУГАНОВА,
Людмила ШАУЦУКОВА*

Африканское искусство как духовное ядро модернизма

Безусловная ценность африканской эстетики ни для кого не является спорным вопросом, хотя сегодня даже художественная элита не всегда понимает и принимает ее, т. к. слишком далеки друг от друга ценностные ориентиры Европы и Америки, с одной стороны, с другой – Африки. Между тем прошло более ста лет с тех пор, как фактически был признан «африканизм» в искусстве. Именно с Пикассо начинается своеобразный этап толерантности и художественной свободы европейских вкусов в искусстве, что потом ярко проявится в творчестве скульпторов Жана Липшица, Генри Мура, Барбары Хейворт и др. Мощный переход от занятных иллюстраций и этнографических изысканий знаменовал собой прорыв в некое новое, неизведанное художественное измерение, не имеющее отношения к банальной экзотичности, а открывающее необыкновенную, редкую выразительность, удивительную пластику, богатство материала и фактурную образность.

Завораживающая, магическая сила африканского искусства послужила базой для дальнейшего развития мировой культуры, что особенно сказывается в концепции модернизма, причем влияние африканской эстетики экстраполируется не только на изобразительное искусство, но и, к примеру, на джаз, возникший на основе африканских музыкальных традиций. Ритмы джаза, кардинально отличаясь от ранее известных, доставляют особое, специфическое удовольствие, поэтому, сделав молниеносную карьеру, были тут же включены в классический репертуар.

Появление в Европе африканской пластики имело большее значение для мирового искусства. Эхо культуры Центральной Африки обнаруживается в творчестве выдающихся художников XX в. Г. Матисса, М. Вламинга, А. Дерена и, прежде всего, П. Пикассо. Именно ему удалось совмещать классические каноны, принятые в европейской живописи, с четвертым измерением, представленным в формах африканской скульптуры.

На рубеже XIX–XX вв. происходит кризис западной культуры, ломается традиционная система ценностей. Как известно, ранее приоритетными считались рационализм, логика в творчестве. Рождается авангард, предметом постижения которого становится иррациональное, интуитивное. Впервые уделяется внимание подсознанию человека. Увлечение художественной культурой простых, необремененных эстетическими навыками народов Африки, – ответ на разочарование в классических способах изображения, отсюда поиск «непроторенных дорог» как альтернатива отжившим понятиям.

10-е годы XX в. являются годами раскрытия африканского стиля перед широкой публикой как особенной творческой идеи современного языка

искусства. Ну а 1907 год считается переломным в отношении к традиционному, в первую очередь, африканскому искусству. Это рубеж, от которого берут начало новейшие художественные стили. 1906 г. – время кончины Поля Сезанна, исходная точка максимального его воздействия на целое поколение художников, позже этот этап исследователями искусства был назван «сезанновским» или «негритянским». Изучая работы Сезанна, в особенности его последние произведения, в которых он непосредственно подходит к разрешению поставленных пространственных задач, сравнивая их с наиболее характерными примерами африканской пластики, олицетворяющими порой идеальные образцы воплощения этих пространственных решений, можно твердо сказать, что не что иное, как творчество Сезанна стало заключительным и, возможно, решающим в ряду факторов, вынудивших мир иначе посмотреть на примитивное искусство.

Ощутимая весомость образа, которой старался достичь Сезанн, стремясь с помощью выявления размеренных геометрических структур пробраться в суть вещей и явлений и передать эту сущность, составляет, по общему признанию, главное свойство африканской пластики. Так, творчество Сезанна стало логическим результатом всего предыдущего развития западной живописи, в известном смысле знакомое по творчеству Гогена, Ван Гога, Сера. Оно сыграло главную роль в создании объективных условий, при которых искусство Африки ворвалось в мировой художественный процесс. Настает момент совместимости: чужеродная эстетическая теория не только признана, но и «взята на вооружение» художественной практикой. Кроме того, примитивное искусство Африки само стало орудием открытия, и в этом глубинная суть данного процесса. Оно открыло глаза художникам, выявившим там, где они меньше всего ожидали, свежую систему художественных ценностей, кардинально отличную от той, которой веками следовало европейское искусство.

В основу концепции кубизма, таким образом, легла «языческая» культура, которая в свое время вернула к жизни искусство античности, а позднее дала новые идеи в эпоху Ренессанса. Она избавила художественное творчество от салонной беспечности, возвратив его к раскрытию сердцевины вещей и явлений, делая искусство в соответствии с направленностью времени инструментом познания. В своих очередных проявлениях новое течение, условно получившее название «кубизм», явило зрителям структуры, как бы обнажающие скелеты предметов.

Далее глубокий интерес к творчеству африканских народов проявляют художники-фовисты: А. Дерен, А. Матисс, М. Вламинг. В 1906 г. Вламинг приобретает габонскую маску фанг, которая станет знаком авангарда. В 1907 г. П. Пикассо попадает на выставку в музее этнографии Трокадеро, которая, как он позже сознается, откроет ему подлинный смысл живописи: «Эти маски были больше, чем просто скульптура. Негры – заступники, заклинатели. Против всего, против неизвестных враждебных духов. Я понял: я тоже против всего. Все неизвестное – враг. Я понял, для чего неграм нужна была скульптура. Все идолы выполняли одну и ту же функцию. Они были оружием. Чтобы помочь людям стать независимыми, чтобы люди не подчинялись духам. Если мы придаем форму духам, мы

становимся независимыми. Духи, подсознательное, эмоции – все одно. Я понял, почему я художник. «Авиньонские девицы» появились, должно быть, в тот самый день. Это был мой первый опыт экзорцизма...».

В африканской манере изображения Пикассо познал значение искусства современного: олицетворить нецелесообразность мироздания, применяя магию первобытного ритуала – вот что важно, каждое творение незатейливого искусства рассказывало миф, восстанавливало связь человека с универсумом, «напоминало» о тайне сотворения мира, связанное с силой слова. Авангардисты не остановились на заимствовании незамысловатых форм и традиций, но хотели перевоплотиться в первобытного творца, вкладывая в свои труды не эстетический, а сакральный смысл. Художники-примитивисты создают маски (Э. Нольдэ, др. экспрессионисты) и, таким образом, выплескивают «подсознательное» в себе и мире. Скульптура по форме вызывает в памяти фетиши и колдовской инвентарь африканских ритуалов. Авангард перемешал различные виды искусства, как в первобытной церемонии, где пение, танец, декламация, музыка объединялись воедино. Если живопись изображала обряд, сообщая ритмы красками («Танец» и «Музыка» Матисса, «Танец вокруг золотого тельца» Нольдэ), то поэзия подражала сакральному песнопению, воссоздавая язык рожденных воображением древних обрядов – немой, состоящий из звуков и музыкального ритма.

Если художники перевоплощались в африканских ремесленников, то некоторые поэты того времени – в заклинателей. А. Тцара, например, отождествлял себя с колдуном гриотом, Р. Хюльзенбек был за нарастание в словотворчестве негритянского ритма, и даже был не против того, чтобы заменить всю литературу барабанной дробью. Хюльзенбек писал: «...две трети прекрасных, звучных слов, которым не в состоянии противостоять человеческая душа, взяты из древних заклинаний. Использование «сокращений», летящих, наполненных магией слов и звуковых фигур, типично для нашего сочинительства».

Дадаисты употребляли термин «негритянское искусство» для обозначения языкотворчества (симультанные и звуковые стихи), для выражения инстинктивных, стихийных сил через ритмику, звучание и колебание звуков, соответствие гласных и согласных. Дада воссоздает ритуал с помощью импровизированных негритянских вечеров с африканскими масками, с танцами, музыкой и декламацией стихотворений, которые воспроизводились в несколько голосов, процесс сочинения текста не важнее, чем процесс «произнесения». Произнести – значит высвободить магическую, сакральную силу Слова. Завершенным стихотворение считается только тогда, когда оно будет озвучено и заклинание вступит в действие.

Голос олицетворяет собой душу, поэтому симультанная поэма исходит из ценности этого органа. Душа представляет собой индивидуальность, блуждающую в сопровождении демонических спутников. Стихотворение должно отражать конфликт с угрожающим, опустошающим и разрушающимся миром, от шума и ритма которого не уйти, вследствие этого фон организуют шумы. Человеческий голос – магический арбитр, он противостоит враждебным силам, демонам, облачает в форму неизве-

стное, «подсознательное», эмоции, подчиняет форме страсти и страха, а также получает власть над хаосом.

Но все же, как бы серьезно к нему ни относились авангардисты, подражание древнему ритуалу оставалось блестящей авангардистской игрой. Модернисты делали своеобразные опыты, стремились внести разнообразие в творчество, обращаясь к подсознательному и интуитивному, следуя идее спонтанности в художественном процессе, но проделывали это на сознательном уровне. Авангардист оставался художником своего времени, интерпретатором примитивного искусства, иногда в практически чуждом примитивным культурам смысле. Авангардист – мастер эклектики, свободный выбирать любые художественные формы и вкладывать в них смысл по своему разумению. Так, в «Авиньонских девицах» исследователи творчества Пикассо находят почерк не только скульптуры Африки, но и Океании, иберийской архаики, подчеркивают воздействие маньеризма, Эль Греко, Гогена, Сезанна. Хуго Балль исполнял свои звуковые стихи в стиле церковных песнопений, воодушевляясь не только африканской экзотикой: «Мой голос, не найдя другого выхода, выбрал каденцию церковного песнопения, ритм отпевальных молитв католических церквей Востока и Запада».

В середине XX в. приверженцы теории афроцентризма (Мириманов, Марков) утверждали, что в психологии человека, не отделяющего себя от природы, доминирующим является непосредственное, личное ощущение цвета, формы, ритма, независимо от общепринятых правил в технике изображения. Именно в этом состоит преимущество африканской культуры над рационалистической европейской, оттого художественная интуиция африканцев в различных видах искусства очаровывает европейцев. Тяготение к синтезу, которое характеризует творчество народов Центральной Африки, до сих пор представляет собой одно из направлений художественных поисков всемирной культуры. Силами немецких этнографов собрана большая коллекция африканской скульптуры, которая хранится в музеях Дрездена и Берлина, а некоторые экземпляры были приобретены Петром I для петербургской Кунсткамеры. Магии африканской культуры были подвержены такие писатели и поэты, как Жан Кокто, Гийом Апполинер и др., а художественные круги с энтузиазмом встретили сборники поэзии, легенд, мифов, подобранных Лео Фробениусом на Черном континенте, а позже опубликованных в многочисленных статьях и книгах. Можно представить ряд других примеров, подтверждающих живительное влияние культур Черной Африки на всемирную культуру, однако и так понятно их переломное значение для людей XX в.

Литература

1. Дэвидсон Б. Африканцы. М., 1975.
2. Искусство народов Африки. М., 1975.
3. Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991
4. Художественные ориентиры зарубежной литературы XX в. М., 2002.
5. Юркина О. С. Примитивное искусство авангарда: Хуго Балль и Пабло Пикассо. <http://www.lomonosov-msu.ru>
6. Якимович А. Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира. М., 2003.

Тарзан КОЧЕСОКОВ,
аспирант КБГСХА

Из истории удобрения кукурузы в КБР

В Кабардино-Балкарской республике вопрос о системе применения удобрений на научной основе был поставлен впервые в брошюре К. Н. Керефова, К. К. Тарчокова и Н. В. Завьялова «Система удобрения в колхозе им. Ленина Урванского района» (1964). Они задались целью научно обосновать применение органических и минеральных удобрений в прославленном в тот период колхозе им. Ленина Урванского района. И, следует отметить, что это им в значительной мере удалось.

По данным профессора Т. А. Жакамихова (1967), еще в начале 30-х годов в Кабардино-Балкарии кукурузу возделывали на площади 28 тыс. га, и эта культура считалась одной из важнейших продовольственных и кормовых культур. По его же данным, уже в 1940 году в Кабардино-Балкарии кукурузу на зерно возделывали на площади 64,4 тыс. га, то есть больше, чем в настоящее время.

Большая работа по изучению влияния органических и минеральных удобрений на рост, развитие и улучшение качества зерна кукурузы и других сельскохозяйственных культур была проведена в 60–80-е годы на бывшей Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной опытной станции (ныне ОПХ «Опытное») Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института сельского хозяйства). Особо следует отметить в этой области работы таких исследователей, как Э. Д. Адиньяев (1964–1966), Н. Л. Бербеков и др. (1974–1975), А. И. Блиев, В. М. Кегадуев, В. М. Бижоев (1974), В. Д. Корнеева (1974) и некоторых других.

Большое влияние на состояние вопроса изучения органических и минеральных удобрений, их роли в повышении урожайности сельскохозяйственных культур и, прежде всего, кукурузы, оказали труды как наших, так и других известных исследователей.

В последние десятилетия большой вклад в развитие агрохимии применительно к возделыванию кукурузы внесли ученые Кабардино-Балкарской государственной сельскохозяйственной академии и некоторых других научных учреждений Кабардино-Балкарской республики, такие, как Б. Х. Жеруков (1996), В. Б. Хамуков (1987–2001), В. И. Кумахов (2000). В частности, ими разработаны основополагающие принципы комплексного агрохимического окультуривания полей под кукурузу. Большой вклад в это дело внесли также Ю. А. Шомахов (1998), М. В. Кашуков (1997), Т. Б. Шалов (1996) и некоторые другие.

В условиях глобального загрязнения биосферы нашей планеты трудно уберечь любое хозяйство от загрязнения через атмосферу, водные источники, удобрительные и мелиоративные средства, технику и тому подобное. Поэтому и при биологическом земледелии важно вести экологический, санитарно-гигиенический, почвенно-агрохимический контроль состояния конкретной агроэкосистемы. В этом случае также необходим учет состояния баланса токсичных элементов, контроль над возможным накоплением тяжелых металлов и других элементов в экосистеме, не допускающий увеличения их содержания до предельно допустимых концентраций.

Следует иметь в виду, что при одностороннем использовании только органических или только минеральных удобрений нельзя добиться высокой и устойчивой продуктивности земледелия. Роль минеральных удобрений возрастает при ограниченных ресурсах органических удобрений, что имеет место, к сожалению, в современных условиях.

В настоящее время, когда в силу объективных и субъективных причин уменьшились объемы применения органических и минеральных удобрений (минеральные удобрения – из-за их дороговизны и невозможности приобретения их сельскими товаропроизводителями, а органические – из-за их недостатка в связи с резким сокращением поголовья скота в общественном секторе, особенно крупного рогатого скота практически во всех регионах страны), особую актуальность приобретает использование нетрадиционных источников органических и минеральных удобрений. В этой связи, на наш взгляд, следует уделить большее внимание органоминеральному удобрению агровит-кор, разработанному в Ростовской области под руководством В. И. Короленко. Данный вид удобрения испытан многими научно-исследовательскими учреждениями, сельскохозяйственными производственными кооперативами, фермерскими (крестьянскими) хозяйствами и практически везде показал преимущество перед другими удобрениями. Последствие суперудобрения агровит-кор даже от однократного внесения в дозе 500–800 кг/га составляет 2–3 года.

В последнее время в специальной научной и сельскохозяйственной литературе появился термин «тяжелые металлы», который сразу приобрел негативное звучание, связанное с отрицательным влиянием на организм человека, животных и растений.

В современной экологической обстановке проблема тяжелых металлов в земледелии приобретает особую актуальность. Она глобальна, и нужны соответствующие меры по предотвращению загрязнения атмосферы и гидросферы, особенно отраслями химической, металлургической промышленности и дорожно-транспортным комплексом, так как тяжелые металлы могут легко попадать в растения не только через корни, но и листья.

Для более глубокого изучения динамики эколого-агрохимических показателей и общего состояния плодородия почв на всей территории России в сельскохозяйственных предприятиях на пашне, сенокосах и пастбищах заложено более 400 реперных участков. На них круглый год

по специальной программе изучаются в динамике показатели плодородия почв, уровня токсикантов, урожайность и качество продукции. В Кабардино-Балкарской республике таких реперных участков в различных почвенно-климатических зонах заложено восемь. На этих участках проводится мониторинг изменения динамики почвенного плодородия. По существу, в каждом районе республики имеется реперный участок.

Исследования содержания валовых форм различных тяжелых металлов в почве, кормах и другой растительной продукции в Кабардино-Балкарии были начаты в начале 90-х годов прошлого века. При этом превышение содержания тяжелых металлов уровня ПДК также не было обнаружено во всех почвенно-климатических зонах, хотя имело место некоторое увеличение содержания этих металлов в растительной продукции в горной зоне республики (Хамуков В. Б., 1999).

Большая работа по изучению влияния органических и минеральных удобрений на рост, развитие и улучшения качества кукурузы и других сельскохозяйственных культур, проведенная учеными Н. Л. Бербековым, Н. Л. Говорухиным, В. В. Мишиной, Х. П. Гусаловым, М. А. Кожаевым, Е. Н. Цегоевым, а также В. Х. Битоковым, А. И. Блиевым, В. Ш. Кегадеевым, Б. Х. Жеруковым, З. А. Ивановой, Т. А. Миндоховым, В. Б. Хамуковым, З. Д. Тхамоковым, Б. Х. Фиапшевым, Т. Б. Шаловым, Ж. М. Яхтаниговой и др., принесла неоспоримые плоды по увеличению урожайности сельхозкультур и улучшению качества продукции – в постоянных исследованиях по изучению продуктивности гибридов в условиях Кабардино-Балкарской республики.

КЛАД

В тихий жаркий августовский вечер, недалеко от церковного майдана, под тенью старого абрикоса, что раскинул свои ветви у база уже не молодого малороссийского казака Арсения Лутая, окончив дневные дела-заботы, собралась компания станичников. Собралась компания, как это водилась уже не первый раз, чтобы «раздавить» трехлитровую четверть свежевыванного «абрикосина», перекинуться картишками да поговорить про жизнь. Тем для разговоров было предостаточно, и какую бы тему казаки не затрагивали, в финале всегда разговор заканчивался о бабах. Видать, так уж устроены казаки: о чем бы ни говорили, чем бы не занимались, а думы всегда в одном направлении шарят.

Лишь один старый дед Василь Жирилицин, прозванный в станице за свой крутой нрав Буяном, тихо покуривал такую же старую, как и он сам, носогрейку, и молча смотрел куда-то в горизонт.

– Василь Гаврилыч, – обратился к старому Буяну хозяин база, – поведай хоть какую ни есть историю, а то весь вечер сидишь молчком?

Старый Буян, давно ждавший, когда на него обратят внимание, как будто встрепенулся и неожиданно для всех ответил вопросом на вопрос:

– А знаете ли вы, сколько в этой земле схоронено сокровищ?

– Каких сокровищ? – с нескрываемым изумлением в голосе спросил Лукашка Дудкин.

– В этой щедрой земле схоронены стародавние клады...

– Черкесские! – подсказал ему кто-то.

– И татарские. А может, и скифские... или еще какие. Много народов по этой земле прошло!

– Слыхали это не раз! – ответил из одного только желания поспорить уже не в меру пьяный Демьян Чумак. – Сказки!

– Какие тут могут быть клады! – поддержал Демьяна заведующий станицей Иван Василенко. – Клады, сокровища! Смешно слушать!

– Как же взять их? – спросил приятель и соучастник всех проделок Лукашки, Емельян Вертелка.

– Заклятый клад так просто не возьмешь! – ответил дед Василь. Компания изрядно подвыпивших станичников загудела одновременно.

Отовсюду слышались разговоры о сокровищах: кто что слышал да знал.

Кто поведал про удалого черкеса, что, собираясь в лихой набег, схоронил где-то здесь свое добро, зашитое в воловью шкуру. А кто сказывал, как бывает страшно брать заколдованное добро, что не дается оно всякому. Рассказывали и про винные погреба, найденные под землей, и про выдолбленную дубовую колоду с горючей водкой, и про кадку с деньгами, и про кузницы, зарытые в лихолетья: с железом, углем, свинцом и готовым оружием, и о коренном зубе мертвеца, необходимом для того, чтоб сокровища взять, не причинив себе вреда.

То ведь были суровые времена, когда и впрямь зарывали повсюду

уйму всякого добра. Бежали порою люди, куда глаза глядят, прятали добро, зарывали годами скопленные деньги – и ватагами, и в одиночку покидали насиженные места. И не всегда возвращались обратно. А сокровища оставались лежать в земле.

– Было у нас... – начал свой рассказ дед Василь, и все вмиг притихли, потому что говорил старик очень тихо. – Расскажу о себе, детки...

– Погромче, дед Василь! – попросил Арсений Лутай.

– А ты не погоняй! – ощерился на отставного урядника Василь Жирлицин, и, затянувшись крепким табаком из своей носогрейки, продолжил рассказ: – Я ж когда-то докопался до клада, детки.

– То-то вы так богаты, Василь Гаврилыч! – засмеялся Лукашка, потому что у деда Буяна кроме покосившейся старой хибары, не было никакого другого имущества.

– Докопался, а не взял! – оборвал малолетнего нахала дед Василь.

– Почему же, дед Василь? – спросил заведующий станицей Иван Василенко.

– А потому... Всяк знает, детки, что сие неверное дело начинать лучше в страстной четверг, либо под пасху, либо – вот как завтра – в спас...

– Завтра и начнем! – засмеявшись, вставил свое слово Лукашка.

– Можно и под Ивана Купала, – не обращая внимания на станичного хулигана, продолжил дед Василь. – Однако со мной эта беда приключилась как раз в чистый четверг, после вечерни. Встоял я страсти господни и, свечки не погасив, донес огонь до самой могилы...

– Это до которой? Где она? – встрепенулся Емельян Вертелка.

– Да у нас же, что в яру за «Барабаном»: овражек там есть, а посредине – холмик...

– Это что к речке Деменюк вплотную подходит? – не выдержал Лукашка.

– Нет, маленько дальше, – неуверенно отвечал дед Василь.

– А какая же примета? – не унимался Лукашка.

– Камень лежит, а на нем полумесяц был в стародавние времена высечен, теперь уже и не видно. Так вот – от камня того на север к реке Тереку надобно было отмерить двенадцать шагов, а там уж и рыть...

– Да ну! – в один голос вымолвили Лукашка и Емельян.

– Вот и пошли мы втроем: Логвен Парфенов покойный, я... да еще Ермолай Вырвихвост, он соврать не даст.

– Да он же глух, как кобель бабки Акулины! – вспылил Лукашка.

– Цыц голомордый! – взревел Арсений Лутай, отвешивая Лукашке подзатыльник.

– Вот и пошли мы с горящей свечкой до того камня с полумесяцем, – продолжил свой рассказ дед Василь. – Отмерили двенадцать шагов, покурили херувимским ладаном из черепа вороньего, перекрестились, да и начали копать. А вокруг такая тишина стоит, только и слышно как шумит, перегоняя свои воды, наш могучий богатырь Терек Горыныч. Копали мы, копали и докопались до каменной плиты, что вход заслоняла. А за той плитой...

– Ой! – неожиданно взвизгнул Емельян, то ли напуганный рассказом деда Василя, то ли от той занозы, которая впиалась в его зад, которым он ерзал по плетню.

– За плитою той каменной, – продолжил дед Василь, – увидели мы в

погребу бочонок, доверху наполненный серебром да золотом, и так он, тот бочонок, разохся, что и клепки напрочь повыпадали, а золото так сияет, что в погребу аж светло. Мы уж хотели, было, те сокровища выносить, да видим – перед бочонком корытце какое-то, а в корытце, будто кровь... и надпись кириллицей: «Хочешь золото, испей крови».

– Сохрани и помилуй, – широким крестом осенил себя вмиг протрезвевший Демьян Чумак.

– Вот мы втроем встали и стоим: боязно! А что, думаем, если то кровь – татарская или турецкая? Как же ее отведаешь!

– Или христианская?! – то ли задал вопрос, то ли ответил Иван Василенко.

– Грешно! – отозвался Демьян Чумак, еще раз осеняя себя крестным знаменем.

– А может, нечистого! – вымолвил Арсений Лутай.

– Не приведи бог! – в ужасе взвизгнул Демьян, третий раз, осеняя себя крестом.

– Постояли мы, – продолжил свой рассказ дед Василь, – потом засыпали, что раскопали, и ушли. Побоялись заклётого золота! Так сокровище и поныне, наверное, там лежат.

– Почему же вы до сих пор молчали? – спросил Арсений Лутай.

– Присягнули: тридцать лет ни гугу. А теперь вот само вырвалось. – Потупив взор, ответил дед Василь.

– Покажите – где они! – не выдержав, спросил Лукашка.

– Пустое дело! – махнув рукой, отозвался дед Василь.

– Почему пустое? – обиделся Лукашка. В голове у Лукашки уже рождался план дальнейших действий, и, сделав знак Емельяну Вертелке отойти, он вместе с ним удалился в ночь.

План Лукашки был прост: не теряя времени отправиться к заветному месту и взять клад, пока их никто не опередил. Рассказ же старого Буяна о корыте с кровью его никак не смутил.

Отлучка двух станичных возмутителей спокойствия вскорости была замечена подгулявшей компанией.

– А куда подевались Лукашка и Емельян? – неожиданно спросил Арсений Лутай. – Ведь только что были здесь...

– Да, видать, пошли клад мой откапывать, – ответил отставному вахмистру дед Василь.

– Неужто не боятся наложенного на клад заклётия? – с ужасом спросил Демьян Чумак, на которого рассказ деда Буяна произвел неизгладимые впечатления.

– Да нет никакого заклётия, как нет и клада. – Ответил Демьяну дед Василь. – На делянке той по весне я бахчу хочу устроить, а камень тот треклятый как раз посреди полянки находится, одному мне его никак не скovyрнуть.

– Ну, теперь, дед, тебе не только камень с места сдернут, но и делянку вручную вспашут! – с задором сказал Арсений Лутай и закатился веселым смехом. Все присутствующие поддержали дружным хохотом, даже старый Буян ухмыльнулся в пожелтевшие от табака усы и затянулся крепким дымом из своей носогрейки.

Виктор ДУЛАЕВ**ЮЛИУС***(из цикла «Недетские сказки»)*

Юлиус, молодой человек, только что окончивший обучение в школе, шел по дороге, ведущей в большой город, продолжить свое образование. Крошечный городок, в котором он родился и за городские стены которого вышел первый раз в жизни, уменьшался все больше и больше по мере того, как Юлиус приближался к большому городу. Родной городок уходил в прошлое. Юлиус стремился в будущее, в большой город. Туда, где есть университеты, где улицы кишат озорными студентами, где молодые люди получают образование, откуда уходят в большую жизнь, чтобы достичь успеха и обрести вес в обществе. Юлиус был очень молод. Можно даже сказать, он был совсем юн. Он мог выбрать любой путь. Весь мир был перед ним. Он мог, например, окончить университет медицины и нести исцеление людям. Он мог продолжить образование в архитектурном вузе и построить много новых домов. Он мог развить свои способности в институте искусств и стать великим художником. Он мог все, потому что был юн, хотел учиться и весь мир лежал перед ним.

Душа его пела, а ноги сами несли вперед. В таком настроении, полный смелых планов и дерзких надежд он шел до тех пор, пока его путь не пересекла другая дорога. Здесь, на пересечении двух дорог, он сел на большой камень и задумался. Перед ним было три пути, какой из них выбрать? Какая дорога приведет его к успеху? На каком пути он обретет славу? Вопрос сложный даже для зрелого мужчины, а юноше тем более сложно выбрать путь, который сформирует его жизнь и станет его судьбой.

Юлиус думает, а чем бы пока заняться нам? Скучно стоять на перекрестке и смотреть на думающего человека. Я предлагаю вот что! Пока Юлиус думает, мы пройдем по всем трем дорогам и посмотрим, как сложится его судьба на каждой из них. Пойдем, для начала, по левой дороге. Дорога привела нас в большой город. Пройдемся по улицам. Улицы, как положено в большом городе, полны снующими во все стороны людьми. Шагу невозможно ступить без того, чтобы не натолкнуться на студента. Просто удивительно, как веселы и подвижны в этом городе люди. Даже старики здесь бодры и энергичны. Впервые вижу город, где все здоровы и совсем нет больных. Даже сам воздух города исцеляет. Ведь в городе лучший в мире институт медицины. Заглянем в одну из аудиторий. Преподаватель учит молодых людей тонкостям медицинской науки, а студенты внимательно слушают. Но внимательнее всех слушает Юлиус. Он любит учиться. Он хочет учиться. Он хочет узнать все тонкости таинственного искусства врачевания.

Незаметно пролетели годы учебы, и вот молодой врач Юлиус поки-

дает стены института. Он идет туда, где мало врачей, где люди страдают от болезней, где нужны его знания. Ему не пришлось долго искать. Очень скоро ему встретился город, где все жители были больны и где не было ни одного врача. Он поселился в этом городе и взялся за дело. Сначала люди отнеслись к нему с недоверием, но когда он вылечил несколько ближайших соседей, люди сами потянулись к нему. Он работал не покладая рук и его труды увенчались успехом. Через несколько лет выздоровели все жители города, все стали бодрыми и счастливыми.

Слух о его врачебном искусстве достиг короля. Юлиус был вызван в столицу и назначен придворным врачом. Теперь он лечил богатых и знатных, а они за свое исцеление платили большие деньги. Вскоре Юлиус сам разбогател и стал одним из самых богатых людей в королевстве. Но он не ограничился лечением только вельмож. Он лечил всех, кто обращался к нему. Богатых за деньги, бедных даром. Кроме обширной врачебной практики он вел и большую научную работу. Он изучал тяжелые неизлечимые болезни и создавал лекарства от них. Все меньше становилось болезней, которые не мог бы вылечить он и обученные им врачи.

Осталось только добавить, что слава Юлиуса пережила его самого. Его имя вошло в историю как имя великого врача, победившего многие неизлечимые болезни.

Ну что ж. Судьбе, которая его ждет на этой дороге, можно только позавидовать. Она поистине блистательна. А что же его ждет на средней дороге?

Тоже большой город. Тоже спящие во все стороны люди. Тоже студенты на каждом шагу. Но какой-то он странный, этот город. Никогда не видел таких причудливых домов. Они все разные и нет двух одинаковых. Но вместе с тем, они хорошо сочетаются, дополняя друг друга, и создают единый архитектурный ансамбль. Ну конечно! Ведь именно в этом городе лучший в мире институт архитектуры. Заглянем в аудиторию. Молодые люди учатся строить. Но усерднее всех старается Юлиус. Он любит учиться. Он хочет учиться и постичь все тонкости завораживающего искусства архитектуры!

Быстротечны годы учебы, и вот уже молодой архитектор Юлиус построил свой первый дом. Дом получился удобный и светлый. Потом он построил второй дом, третий. А потом его пригласили восстановить разрушенный войной город. Юлиус трудился от зари до зари, и вместе с ним трудились все горожане, заново отстраивая свой город. Их труды увенчались успехом. Через несколько лет из руин возник город невиданной красоты. Слава о мастерстве Юлиуса достигла столицы. Юлиус получил заказ воздвигнуть собор на главной площади столичного города. Эта идея зажгла его. Он загорелся этим собором. Он посвятил этому собору жизнь и он строил его всю жизнь. Он ушел в мир иной глубоким стариком только тогда, когда собор был достроен. Это был архитектурный шедевр. Слухи о величии и красоте собора разошлись далеко за пределы королевства и люди из дальних стран приезжали увидеть это чудо. Имя Юлиуса было вписано в историю крупными буквами.

Ну что ж. И на этом пути его судьба достойна восхищения. А что с ним будет, если он пойдет по правой дороге?

Эта дорога тоже ведет в большой город. Чудной какой-то город. На каждой площади скульптур больше, чем горожан. На каждом углу какие-то юноши вдохновенно читают стихи, а мифологическими и библейскими сюжетами разрисованы не только стены домов, но и заборы. И жители города как-то чудно говорят. Не так, как в жизни, а так, как в романах. На каждом шагу видно влияние лучшего в мире института искусств. Зайдем. В этом зале занимаются художники. Очень талантливые молодые люди. А это кто высунул язык от усердия? Ну конечно, это Юлиус. Он любит учиться. Он хочет учиться. Хочет постичь все тонкости искусства живописи. Не будем мешать, пусть учится. Подождем несколько лет. А через несколько лет Юлиус начал обретать известность как художник. Каждое созданное им полотном вызывает восхищение. Люди на его портретах, кажется, вот-вот оживут и заговорят. К фруктам на его натюрмортах руки тянутся сами, царапают ногтями холст. Слава его растет. Его картины обрели такую духовную ценность, что потеряли материальную стоимость.

Ну, вот мы посмотрели, куда приведет Юлиуса каждая из этих дорог. В принципе, нет существенной разницы в том, какой путь он выберет. В любом случае, его трудолюбие, настойчивость и целеустремленность приведут его к признанию и славе.

Ну вот, пока мы бродили по городам и дорогам, знакомясь с будущим Юлиуса, прошло сорок лет. Но, все-таки, интересно, какой именно путь он выбрал. Давайте посмотримся. Похоже, он решил стать художником. Вот его картина, в лучшем музее мира. Подойдем ближе. Странно. Картина подписана не его именем. Другой молодой человек пошел этой дорогой и стал великим художником.

Может, Юлиус стал архитектором? Конечно! Вот он, построенный им собор. Шедевр, чудо. Что ни говори, а Юлиус гений. Что вы говорите? Вы не знаете, кто такой Юлиус? Ну как же, это архитектор, построивший этот великолепный собор. Кто, говорите, построил этот собор? Странно. Похоже, и этим путем пошел другой молодой человек. Значит, Юлиус пошел путем врачевания. Именно он победил многие неизлечимые болезни. Идемте, мы найдем без труда. Совсем странно. Не только среди великих врачей, но и среди простых санитаров нет и никогда не было никакого Юлиуса. Куда же он делся? Давайте вернемся к перекрестку, на котором мы его оставили.

А что это за старик сидит здесь на камне? Боже милосердный! Ведь это же Юлиус. Он зарос седой бородой, одежда его обветшала и превратилась в лохмотья. Сам он напряжено о чем-то думает. Несчастный старик. Он мог стать великим человеком, если бы хоть куда-нибудь отошел от этого места. Но он сорок лет присидел на камне, думая о том, какой путь выбрать.

Никчемен тот, кто не умеет принимать решения.

Ирина ВОЛЬСКАЯ

ВЫСШАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Сейчас Борис Борукаев – на заслуженном отдыхе. Трудится на земельном участке, ухаживает за садом, радуется успехам внука и удивляется тому, как смог десятки лет с предельным напряжением проработать в сложнейшей правоохранительной системе.

Судьба распорядилась по-своему

У судьбы в отставке удивительная память – он помнит практически все с того момента, когда из его родного села Старый Черек были изгнаны фашисты. События общественной жизни, имена и фамилии, номера телефонов и автомобилей, факты собственной биографии всплывают в сознании легко, будто все было только вчера.

**Борукаев
Борис Хизирович**

В трудное послевоенное время крестьянские семьи жили тяжело, поэтому родители не могли материально помочь сыну-студенту, учившемуся на отделении математического анализа в Педагогическом институте. В 1953 году учебу пришлось бросить. Армейская служба длилась три года и сорок дней – Бориса задержали в части из-за событий в Венгрии. В том же 1957 году Борукаев писал рапорт командованию с просьбой об отпуске – хотел поступать на филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета,

но получил отказ.

– И хорошо, что не отпустили, – считает Борис Хизирович. – Судьба сложилась бы совсем иначе.

Когда вернулся из армии, стал работать водителем грузовика, ночами производил отсыпку новой дороги к строящемуся комбинату искусственных кож в Нальчике. Радовался, что может неплохо зарабатывать, помогать родителям. Хотелось продолжить образование, но реальной возможности для этого не было.

Помог его величество случай, которым Борис не преминул воспользоваться. Республиканское руководство поставило задачу подготовить в одном из лучших профильных вузов страны группу высококвалифицированных юристов. Поиск кандидатур длился не долго – желающих поехать на учебу в Саратов было много. Один из родственников Борукаева работал в прокуратуре, другой – в обкоме комсомола. И тот и другой сочли Бориса подходящей кандидатурой – сообразительный, честный,

работящий, ответственный, с серьезной армейской подготовкой и жизненным опытом.

– Поедешь в Саратов по комсомольской путевке, – эти слова можно было воспринимать и как предложение, и как приказ.

Следователь – должность трудная

Борукаев рискнул – уволился с работы и на пять лет покинул родную республику. Стипендия была хорошая, но все равно на жизнь в чужом краю денег не хватало. Борис, как и многие студенты того времени, ходил разгружать вагоны с цементом, машины с арбузами. Днем учился, по ночам работал, но курс наук изучил основательно, досконально.

По возвращении в Кабардино-Балкарию в 1967 году более трех лет работал в прокуратуре города Нальчика. Старший следователь – должность трудная, нервная. Природная выдержка, привычка к дисциплине, самоконтроль помогали держаться достойно в стрессовых ситуациях. А они возникали практически каждый день. И часто – ночью. Вызывали в любое время суток – кто-то утонул, сгорел, умер по другой причине. Поднимайся хоть в три, хоть в четыре часа утра, отправляйся на место происшествия, занимайся неприятной, но необходимой работой.

Не веселей было и в следственном изоляторе, где необходимо было предъявить задержанному обвинение, а по окончании следственных действий, до передачи дела в суд, ознакомить его с материалами дела. Обвиняемые кричат, ругаются, не хотят подписывать документы... Трудно не сорваться. Но человек ко всему привыкает, и молодой юрист втянулся, трудился добросовестно. В первой половине дня – в кабинете, во второй – в СИЗО.

О его профессионализме свидетельствует тот факт, что за время работы в прокуратуре ни одно дело, которое он вел, не было возвращено на доследование.

А потом его пригласили на работу в Нальчикский городской суд.

Во всем разобраться и решить

Председатель суда Шида Хабиевич Шогенов позвонил помощнику прокурора г. Нальчика, однокурснику Борукаева, Владимиру Лакунову и спросил: «Кто из ваших ребят сможет работать в суде? Человек нужен компетентный и весьма ответственный, ведь ему предстоит решать человеческие судьбы».

У Лакунова не было сомнений в том, что самым подходящим кандидатом является Борукаев. Но ценного работника долго не хотели отпускать. И только когда через горком партии истребовали личное дело старшего следователя, он перешел на работу в городской суд.

– Следствие и суд – разные вещи, – говорит Борис Хизирович. – Составить протокол допроса и подписать приговор – это различная мера

ответственности. Следователь предъявляет обвинение, а судья решает – виновен человек или нет. Не является ли это прерогативой Бога? Пожалуй, нет. Ведь каждый из нас живет среди людей, и должен подчиняться законам той или иной страны. Иначе наступит анархия, и нормальная жизнь станет невозможной. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» – эту прописную истину усваивает каждый студент, изучающий общественные науки. Поэтому долг судьи – следуя букве закона, выносить справедливый вердикт. Справедливый не только в отношении преступника, но и в отношении тех, против кого совершено преступление. Независимо от их социального статуса, материального положения или каких-то других причин. Практически всегда одна из сторон остается недовольной судебным решением. Это оказывает большое психологическое давление на каждого члена суда, но таков их профессиональный долг – во всем разобраться и решить участь обвиняемого.

Своим наставником Борукаев считает судью Далхата Мазановича Мизиева. Не обращаясь к помощи коллег, игнорируя их опыт, судья стать невозможно. Поэтому Борис без стеснения консультировался, понимая, что только большая практика и скрупулезность в работе дадут возможность работать самостоятельно. Времени на стажировку не дали, сразу навалили кучу гражданских дел – о разводе, разделе имущества, взыскании алиментов, восстановлении на работе... Конечно, существуют соответствующие формы документов, но они только дают направление. Механическое заполнение бумаг, запись фактов и свидетельств почти стопроцентно приведет к судебной ошибке, а этого Борукаев в своей работе не допускал.

Дорога в космос

Чтобы представить его рабочую нагрузку, достаточно сказать, что каждую среду на судейской коллегии Борис Хизирович представлял по 12–13 дел, в том числе и групповые. В каждом – десятки документов, а ведь в те докомпьютерные времена все бумаги составлялись от руки либо на печатной машинке.

– Если все оформленные мной документы собрать в одну линию, наверное, они пять раз составят дорогу в космос и обратно, – шутит Борукаев. – Учтите, что раньше у судей не было не только компьютеров, но и помощников. Сам изучаешь, сам пишешь, сам докладываешь. Работали неограниченно, и это казалось естественным. Я ни в чем не разочаровался, всю жизнь учился профессии, знал многое о многих. Но никому ничего не рассказывал, даже жене. Таков порядок – лучше все оставлять при себе. Тяжело, конечно, за все переживаешь, ночами не спишь. Пока дело не закончишь, только о нем и думаешь. Но, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Это такая сфера, где ошибка смерти подобна и для тебя самого – из-за одной бумажки можно «погореть», навсегда лишиться практики, а значит, и авторитета, и уважения к самому себе. Быть судьей – значит, нести высшую ответственность.

Находясь на высоком государственном посту, Борис Борукаев никогда этим не кичился: «Я из крестьян, таким и остался».

«Став на крыло», обретя большой опыт, он помогал молодым юристам, консультировал, не жалея времени и сил. Почти десять лет возглавлял квалификационную коллегию судей КБР, давал заключения по той или иной кандидатуре на пост судьи.

В общей сложности в прокуратуре и судебной системе Борукаев проработал почти сорок лет. С 1982 по 2004 год, уже работая в Верховном суде КБР, рассматривал очень сложные дела о крупных хищениях, громких убийствах, должностных преступлениях высокопоставленных чиновников...

На смене эпох – при переходе от социалистической системы к нынешнему строю – законы менялись каждый день, но задача судьи всегда быть в курсе изменений, и Борукаев решал ее с блеском. Часто звонили судьи из городов и районов республики, Борис Хизирович отвечал с ходу, почти наизусть знал все статьи. Как он сам считает, видимо, помог физмат. Фраза «Казнить нельзя помиловать» вроде бы не имеет отношения к математике, но при постановке в ней запятой нужна абсолютная точность.

– За всю практику я вынес только три приговора о высшей мере наказания. И хорошо, что в Москве, в Верховном суде страны, их заменили на более мягкую меру наказания, – считает Борукаев.

В награду – уважение и семейное счастье

Его самоотверженный труд не отмечен государственными наградами и почетными званиями. Грамоты, денежные премии к юбилейным датам – вот, пожалуй, и все поощрения. Но судья в отставке гордится тем, что ему еще в конце восьмидесятых был присвоен первый квалификационный класс – «потолок» для региона. Всего классов шесть – с пятого по первый и высший, который присваивается только в Москве, руководителям судов высших инстанций.

Своим замечательным дедом гордится внук Астемир, который однажды заявил:

– Я пойду по твоим стопам.

И Борис Хизирович не возражал. Трудное это дело, мужское, учит жизни лучше любого учебника. Пусть единственный внук станет ответственным гражданином, уважаемым человеком.

Астемир экстерном окончил школу, и в двадцать лет уже перешел на пятый курс юридического факультета КБГУ. Говоря о нем и его сверстниках, Борис Хизирович, не скрывает тревоги по поводу качества нынешнего образования. Трудно найти таких преподавателей, профессоров, крупнейших специалистов своего дела, какие были в годы его студенчества в Саратовском юридическом институте. Криминалистика, уголовное, гражданское, трудовое, семейное право – сложнейшие дисциплины. Читать курс следует только высококвалифицированным специалистам. Но

они, видимо, заняты другой работой и не видят стимула посвящать себя преподавательской деятельности.

Борукаеву когда-то тоже предложили вести курс у заочников. Он месяца два старательно исполнял эту новую для него обязанность, а потом отказался. Не может он выдавать некачественный «продукт». А студенты просто не хотели учиться – пропускали занятия, мало интересовались предметом, надеялись сдать экзамен, не усвоив полагающийся минимум знаний. Ставить оценки с закрытыми, как у Фемиды, глазами – это не в борукаевском духе.

Сравнивая отношение молодежи к учебе в период его молодости и сейчас, Борис Хизирович с горечью отмечает, что сейчас юноши и девушки гораздо благополучней, но многие не хотят учиться. Только требуют у родителей денег на развлечения.

Однако своим трудолюбивым внуком Борукаев доволен. Астемир очень занят, но старается в единственный выходной помочь деду на участке, который был выделен судье в Старом Черееке после ухода на пенсию.

– Молодежь почти каждый день у нас бывает, – рассказывает супруга Бориса Хизировича Люся Алиевна. Вместе с сыном Асланом, к сожалению, рано ушедшим из жизни, и дочерью Жанной, избравшей профессию экономиста, она долгие годы тревожилась за главу семьи, пока он был на ответственном посту. Теперь старшие рады, что могут часто видеть дочь, зятя, внука – благо, живут неподалеку, в центре Нальчика. В семье Борукаевых убеждены: «Счастлив тот, кто счастлив в семье». Здесь ценят добрые отношения, уважение со стороны родственников, знакомых, друзей.

В городе Борис Хизирович всегда рад встретиться с «саратовской компанией», с теми кто вместе с ним учился в далеком городе на Волге. Это коллега-юрист Александр Сарахов, бывшие студенты консерватории певицы Наталья Гасташева и Светлана Боготыжева, композитор Владимир Моллов.

В селе судья в отставке общается с соседями, наслаждается тишиной, созерцанием природы. В его саду более 70 деревьев, экологически чистые фрукты и овощи. По вечерам, для гимнастики ума, он решает кроссворды, а в особые дни радуется футбольным матчам. Борукаев – заядлый болельщик нальчикского «Спартака», очень переживает за каждую игру. Бывает, что, сидя на трибуне стадиона, теряет до трех килограммов веса. Значит, эмоции – как в молодости, и на восьмом десятке лет душа полна добрых стремлений.

***

Что самое главное в жизни? Этот вопрос я задала Борису Хизировичу в завершение нашей беседы. И услышала простой и понятный ответ:

– Самое главное – оставаться человеком, несмотря на трудности быта, сложности профессии, при любых обстоятельствах. А молодым юристам хочу пожелать: учиться всегда, в течение всех лет практики, тренировать ум, все запоминать и никогда не ошибаться.

ХАСАНИ

***

Пустота телесной жизни не совсем и пустота:
Там и Сила, там и Воля плотской жизни – красота;
Там и поле для сражений, и причины для страстей;
Там из центра Вселенной ангел правит неспроста.

***

Жизнь верхá так отражает жизнь низá в кругах причин,
Где в идеях проявленья много разных величин.
Те духовные посева революцией цветут,
Смысл которой и природу все еще не здесь поймут.

***

Жизнь пророков – вехи мира, что указывают путь.
Через них из сердца Бога к нам в сердца дары текут.
Свет зеркальный, в нас царящий, закодированный в умах,
Где особенность и самость вечно истину плетут.

***

Где гармония глубинна, где и радость и любовь,
Божьи дети меж собою в тайнах жизни ищут зов.
Но в границах сложной формы, где душа – и здесь и там,
Многогранное страданье – как структура вечных драм.

***

Ось сознания из матриц, как бегущая волна,
Проникает нелинейно в многоликий образ дна,
И при этом все – как сфера, где в ядре и нет конца,
И по сущности, с Первичной, там бурлят послы Творца.

***

Все мы, как собаки, лаем на чужих
И свои невзгоды валим на «больных»,
Будто мы здоровы телом и душой,
Что судьба чужая нам как знак немых.

***

Кто себя постигнет в мире, тот нужду других поймет.
Дело в том, что в человеке есть такое, что зовет.
Так устроено, что в каждом спрятан Рай в духовный круг,
Чтобы в трудных испытаньях выручал бы странно вдруг.

***

Говорят, что страдают, безвинных вина.
Но злословие такое не коснулось меня.
В каждом деле покорность решает Аллах,
Запрещая одно, но другим же плена.

***

Не в той степи тиран ликует, где херувимы власть берут,
Где и архангелы земные оковы властные куют.
Где крест надгробием маячит, где прочь бегут и зверь и люд,
Там улыбаться неприлично, и неестественно – что блуд.

***

И любовь, наверно, призрак, что за сердцем прячет свет.
А иначе как же люди спорят в мире столько лет.
Но не ты, не я последний, кто запутался в плену,
Кто и вырваться не может и бросаться в пелену.

***

Не будь пророком и не будь рабом,
Ведь жизнь сама до Бога – истязанье.
Она – как явь, где каждый бьется лбом,
Изобретая страх и состязанье.

***

Молодое вино по бочонкам шипит,
А отец Жулдусхан это к свадьбе хранит.
Эй, Махмуд, поспеши, перебродит вино,
Да и дочка давно за ворота глядит.

***

За меня чтобы кто-то платил – не хочу.
За вино, что я пью, я и сам заплачу.
Так зачем мне долги от приспешников льстивых –
Я лишь чашей вина свою душу лечу.

***

Говорят, что в раю только отдых и сон...
Как тогда наш султан там пребудет без жен?
Если нет в том раю ни одной озорницы,
Умереть лишь для сна согласится ли он?

***

Просветленному мир – как зеркальность души,
И земной уголок не затерян в глуши.
Все, что видят глаза, – оболочка материй,
Потому разложить все умом не спеши.

***

«Чтоб купить – продай и сам» – эта мудрость от истока
Укрепляется в умах многоликого Востока.
Что же делать бешере: коль хурджин да посох,
Где гырджын, а с ним Коран – как дары пророка.

***

Милосердная чаша горит, как рубин.
Я сию с этой чашей один на один.
Книгу жизни листая по памяти дней,
Я с тоской различаю отраженье седин.

***

Молчаливые посланцы смотрят с неба на кишлак,
И какой-то грозный мститель собирает свой кулак.
А властитель ойкумены, что в молитвах просит власть,
В небе зла не замечает, будто знаки все – пустяк.

***

Иметь осла – не значит: гордясь, хвалить безмерно,
Что он и не лягает, и дому служит верно.
Быть может, он и мудрый, и ревностный в делах,
Но без ослиной сути ослу живется скверно.

***

Ты осыпана прекрасной ангельской слезой,
Что тебя насквозь увидит даже и слепой.
Но удел твой – вожделень в тлеющей любви,
Где надежда бестолкова с праведной тоской.

***

Законы, что суровы, – султану благодать,
Когда народ умеет смеяться и рыдать.
А что за жизнь в округе, когда все тишь да гладь,
Когда с оглядкой ходят да шепотом галдят.

***

В нашем мире живут и орлы и козлы,
Что бывают добры, что бывают и злы.
Только как их понять в многогрешной среде,
Тем, кто ниже травы по рождению ползти.

***

Говорят, что злые люди от всевышнего пошли,
Чтобы кару послушанья на земле себе нашли.
И пытаться их исправить – недостойный, лишний труд,
Так как Бог лишил их права, чтоб к кумирам доросли.

***

Наливай, виночерпий, мы вновь загрустим,
Оттого что не знаем, что ждем, что растим.
Уплывают года, остывая в крови...
«Эй, вина мне, вина! Душу вновь подсластим».

***

Победить навряд ли можно, что с народами грядет:
Перед натиском такого и твердыня упадет.
Век приносит, век уносит волны жертвенных плеяд,
Где бесстрашие скромнее – поклонение взойдет.

***

Найти врага не трудно в вине, лишь заплати,
А там глотай без толку любое ассорти,
Ведь хмель сперва как благо, как нежность, как азарт,
Пока в нас не разбудит наш дьявол во плоти.

***

Если суд молва пророчит – это, видно, неспроста,
Упаси господь от грязи, что течет из уст в уста.
Там и омут, и спасенье, там тиски и жернова,
Там такие краски лепят, что и ложь – как красота.

***

В каждой капле вина стыд и совесть горит,
Там и память крови свойства влаги хранит.
О лоза! Ты заплачь, что дите твое любит и губит,
А затем и велит со стыдом хоронить.

***

Если в каждом из нас есть хоть капля сомненья,
Что прекрасен наш мир и его откровенья.
Так зачем же страдать, распиная природу,
Что, мол, жизнь нам дана для слепого боренья.

***

Дай мне чашу вина и кувшин наполняй,
А потом за питье целый день распинай.
Ты не видишь все то, как лукаво молюсь
И прошу у Него: больше пить не давай!

***

Наливай мне, виночерпий, наливай мне, дорогой,
Я пришел в твою обитель разогнать печаль с тоской.
Пусть зурна со мной поплачет, доведя меня до слез,
Знаю, что без луноликой не найти и здесь покой.

***

Не враг нам враг, не друг нам друг,
А маятник души, что совершает круг.
И то, что мир велит распяты, не защищая, –
Как самосуший суд величья и услуг.

***

На нас и Небо смотрит, как Рок в глаза Судьбы,
А мы лишь научились любить да без любви.
Какая участь давит и катится во тьме,
Планетному семейству сражая все в крови.

***

Жизнь твоя неправа, коль с презреньем судить,
Все и вся, где душа не умеет любить,
Жизнь не иск, чтобы всем предъявить приговор,
Пусть и даже в любом грехотворец сидит.

***

Из различных пород нас по звездам собрали,
И, как капли росы, мы на землю упали.
Но судья наших душ нас отдал грехотворцам,
Чтобы снова судить нас в небесном Граале.

***

Соловьиные рулады в чайхане мы не поем,
Жизнь такая там, что с феей сладко прятаться вдвоем.
В чайхане течет все просто: хмель, да дурь, Аллах, да прах.
И за истину такую все земное отдаем.

***

Говорят, что жизнь – как брызги из божественных высот,
И что счастье с этой жизнью эволюцией плывет.
Равномерно ли сознание в этом шестивии программ,
Интегральное начало интегрально ли живет.

***

Молитвой одолеть земное наваждение,
А там и обрести спокойное служенье...
Не потому ли жизнь жестока к переходу,
Где каждый миг бурлит частицей обретенья.

***

Разве можно проверять, или же проверить,
Что осел умнее нас, и такому верить.
Глупость – тоже полумрак, как свеча в подвале,
Если в мыслях допустить жизнь в сравненьях мерить.

***

Отошла волна от сердца, что давала в мир взглянуть,
И теперь с бокалом полным я стараюсь все вернуть.
Но, увы, на дне бокала только хмель и суета,
А душевной страсти волны, распаясь, прочь бегут.

***

Бравада унижает в глазах у тех, кто брав.
И разве кто познает, кому и сколько прав.
Характеры людские – как заросли толпы,
Где в каждом – путь пророка и гордый рабский нрав.

***

Упоение славой подобно вину, что бурлит и дурачит,
Да и прихоть ее всю эмоция духа не спрячет.
Так живет человек, будто он достояние неба,
И во тьме бытия, как дозорный заложник, маячит.

***

Шахиншах смотрел на небо и молился за народ,
Чтоб народ его послушно приносил богатый плод.
А народ пахал и плакал, дрался, снова жил, тужил
И, как водится от века, силу стягивал вразброд.

***

Тебе не дали тост, чтоб похвалить султана,
Пусть будет так, но это не красит гордость стана.
Вельможи любят тех, по образу подобных,
А верность им нужна, как жеребцу путана.

***

Чтобы душу спасти, мало верить по Вере.
Высший праведный глас всех одарит по мере.
Храм души – как тайник, где запрятаны скопища мира,
Где и низший допущен к возвышенной сфере.

***

Жизнь, решая цели Бога, продолжает в нас расти,
Чтобы мы в ответ сумели и ее в себе спасти.
Ведь она ведет к Истокам, раздвигая даль и ширь,
Мы же держим равновесье – силу мира обрести.

***

Самотерпеньем жизнь ликуя, течет из неба, как поток,
А человечество, как жертва, зачем-то делает виток.
Не оглянется, не проснется, несется спящим мотыльком
И знаки вещие природы не понимает как урок.

***

Тот, кто был рожден как светоч для творенья добрых дел,
Тащит бремя за собою, что дается как удел.
А удел такого рода – то ли счастье, то ли нет,
То ли образ воплощенья в непрерывную модель.

Жанна ТХАЗЕПЛОВА,
преподаватель колледжа дизайна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В последние годы глобализация как сложное социокультурное явление находится в центре внимания российского научного сообщества. Она представляет собой объективный, противоречивый, многогранный процесс «втягивания всех освоенных человечеством регионов и всех основных сфер его общественной жизни во всемирное взаимодействие»¹.

В процессе глобализации этнокультурные ценности подвергаются существенной трансформации. Действительно, в этом процессе доминирует западная культура, западный стиль жизни, западный кодекс поведения, а точнее – соответствующие американские ценности.

Глобализация ведет к изменению характера и сущностных характеристик национальных культур. Народы осознают опасность культурной унификации, что актуализирует стремление этнических общностей к сохранению культурной самобытности, культурного наследия, преемственности в развитии культурных кодов.

Культура представляет собой исторически развивающееся, сложное и многогранное общественное явление, способ освоения действительности, создания норм и ценностей. Региональные культуры представлены культурой этнических общностей, сформировавшихся в границах определенной географической зоны под воздействием климатических условий и специфического ландшафта, на основе определенного менталитета. Особенности природы во многом определяют пути развития данного этноса – от способа производства до национального характера. Природно-климатическое своеобразие народа впечатывается в его национальную культуру, накладывает неизгладимую печать на специфику его картины мира.

---

¹ Степанов Е. И. Теоретико-методологические проблемы изучения глобализации и регионализации как конфликтогенных факторов современной трансформации российского общества // Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. М., 2005.

Специфичность, самобытность культуры того или иного этноса проявляется в особенностях образа жизни, семейно-бытового уклада, пищи, одежды, привычках, фольклоре, традиционных ремеслах, народных промыслах и т.д. Особенности этнической культуры передаются из поколения в поколение посредством традиций, представляющих собой совокупность стереотипов и правил поведения, культурных канонов, мировоззренческих установок, характерных для того или иного этноса.

В числе факторов, формирующих специфику этнической культуры, можно выделить: природные условия, этнические традиции, историческую судьбу народа, особенности психологического склада, менталитета, религии, уровень межэтнического взаимодействия.¹

Народы Северного Кавказа на протяжении своего развития испытывали влияние со стороны других этносов, однако сумели сохранить свою самобытность и неповторимость. Характерной чертой для этнических культур северокавказского региона является процесс межкультурного взаимодействия, который представляет собой особый вид взаимоотношений, складывающихся между несколькими этническими культурами в процессе взаимообмена достижениями в духовной и материальной сферах культуры. Региональные этнические культуры являются частью общечеловеческой культуры и фактором ее естественного развития.

В условиях глобализации и регионализации актуализируется проблема сохранения и развития традиционных этнических культур региона во взаимодействии друг с другом. По мнению ряда исследователей, в настоящее время в результате глобализационного воздействия этносы «не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются.»²

Противостояние современным процессам унификации культур и трансляция региональных этнических культур – из поколения в поколение в условиях глобализации – возможны на основе диалоговых форм взаимодействия культур. Только так может быть реализован проект сохранения культурной самобытности традиционных духовно-нравственных ценностей. Ведь способность одного народа осваивать достижения другого – один из главных показателей жизнеспособности его культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур и складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная.³

Таким образом, одним из принципов развития в будущем и усло-

---

¹ Багдасарова А. С., Науменко В. Е. Трансляция региональных этнических культур в условиях глобализации // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 5 (24).

² Кутырева В. А. Культурологический смысл глобализма // Вестник Российского философского общества. 2001. № 4.

³ Ойзерман Т. И. Существуют ли универсалии в сфере культуры? // Вопросы философии. 1989. № 2.

вием стабильного социокультурного развития региона является диалог культур различных этнических групп, основу которого составляет процесс взаимодействия культур. Этнокультурный диалог, с одной стороны, имеет глубочайшие, чуть ли не архитипичные, исторические традиции, а с другой – сложен и переплетен множеством фоновых коммуникативных взаимовлияний, важнейшие из которых связаны с этническими, языковыми, цивилизационными и конфессиональными различиями. Диалог этнических культур – позитивный фактор, необходимое условие достижения межнационального согласия и стабильности в регионе. Как отмечает В. А. Шаповалов, межкультурный диалог возможен на основе знаний о разных народах и культурах, и в этой связи возрастает роль учебных заведений региона, которые служат центрами по формированию этнокультурной грамотности.¹ Региональные вузы призваны создать условия по формированию навыков в области поликультурного образования, социального проектирования и межкультурной коммуникации, способствовать координации взаимодействия всех культурных общностей, представленных в регионе. Поэтому хранителем этнонациональных традиций в современном обществе выступает система образования, которая выполняет важнейшую просветительскую функцию.

На Кавказе исторически выработалась особая культура межэтнической коммуникации, базовыми параметрами которой выступают императивы собственного достоинства, уважения и терпимости. Проживающие здесь этносы выработали особый ключ к взаимопониманию в условиях многоязычия и культурного многообразия.

Известно, что важнейшей основой жизнедеятельности и развития этноса является его язык, содержащий в свернутом виде всю историю народа, его культуру, систему ценностей и картину мира. Нужно признать, что глобализация ведет к понижению статуса национальных языков. Английский язык, который раньше использовался в качестве международного, теперь все в большей степени вытесняет языки национальные. В результате огромное количество языков находится сегодня на грани вымирания. В опубликованном ЮНЕСКО «Атласе языков мира», стоящих под угрозой исчезновения, отмечается, что подобная опасность угрожает не менее чем половине из существующих ныне почти 6 000 языков.² Этот процесс нарастает год от года, и если сохранятся те тенденции, то недалек тот день, когда большинство жителей, прежде всего развитых стран, будут говорить на английском языке, а не на языке своих предков.³

---

¹ Шаповалов В. А. Высшее образование в поликультурном обществе. Ставрополь, 2006.

² Жидков В. С., Соколов К. Б. Социокультурный аспект глобализации // Искусство: Объект исследования. М.: Индрик, 2006.

³ Шендрик А. И. В системе культурологических координат // Искусство: объект исследования. М.: Индрик, 2006.

Усвоение западной культуры обществом – процесс стихийный, неконтролируемый и неравномерный. Западная культура преподносится как общемировая и самая прогрессивная. Художественные образы проникают через границы и таможи в область национальной культуры, постепенно подвергая ее непредсказуемым изменениям. В результате активной рекламы западных обычаев, ценностей насаждаются праздники, западный образ жизни, западная мораль, основанная на принципах индивидуализма, чуждых не западным народам. Односторонний характер культурного взаимодействия ведет к подавлению этнических культур и, в конечном счете, может привести к потере национально-культурной самобытности не только малочисленные народы, но и довольно многочисленные.

Таким образом, сохранение этнической специфики и национальных особенностей региона в условиях глобализации и трансформации необходимо для дальнейшего гармоничного развития народа. Ответом на вызовы глобализации могут служить как взаимодействие региональных этнических культур, так и осознание народом самобытности своего культурного наследия через осмысление культурных особенностей других этносов.

НЕ запретный плод

Ученые подсчитали, что сегодня яблоневые сады занимают на земле пять миллионов гектаров, при этом ближе к северу девять деревьев из каждых десяти плодоносящих – это яблони.

История яблока масштабнее и величественнее, чем у всех овощей и фруктов вместе взятых. Один сюжет о райском искушении Адама и Евы чего стоит, не говоря уже о вручении красавцем Парисом яблока самой прекрасной богине, что тут же превратило этот фрукт в символ раздора на греческом Олимпе, во время которого довольной осталась лишь одна его обладательница, Афродита.

Запечатленный в мифах фрукт настолько овладел умами, что в средневековой Европе яблочной мерой проверяли ценность всего нового: помидор прозвали «золотым» яблоком, а картошку – «чертовым». Но если у этих овощей путь к признанию был тернист, то яблоко обладало безусловным авторитетом как раньше, так и сейчас.

Не исключено, что популярность яблок объясняется тем, что радуют они нас почти круглый год: созревают сорта в разные сроки и хранятся по-разному. Не успели насладиться мягкими сладкими летними яблоками, как приходит черед осенних, а там и зимних – в конце осени, которые особенно вкусными становятся после двух месяцев лежки в темном прохладном уголке.

В России официальная дата признания яблочного урожая закреплена церковными канонами. Считается, 19 августа яблоки созревают и можно наслаждаться многообразием яблочных ароматов. Именно на Яблочный Спас устраивали «яблочный» стол, что шло

только на пользу организму приобщившихся к нему.

Про яблочный стол можно писать целые тома. Общеизвестно, что яблоко украсит почти любой салат, особенно хорошо сочетаясь с болгарским перцем, зеленью и сыром. Лучшая закуска – яблоки моченые – национальное изобретение, наш ответ иноземным каперсам и корнишонам.

Из основных блюд прославился гусь с яблоками, а уж яблоко в качестве ингредиента всевозможных соусов получило признание по всему миру, от Китая до Франции. Китайский кисло-сладкий соус – это не что иное, как мелко натертое яблоко, смешанное с ананасом, яблочным соком, медом, томатной пастой и уксусом, доведенное до кипения и проваренное. Этот соус идеально подходит к судаку и другой белой рыбе.

Индийцы порадовали мир яблочным чатни – острой густой приправой, в состав которой, кроме яблок, входят топленое масло, имбирь, корица, анис, изюм, сушеный острый перец, гвоздика, куркума, сахар и вода. Ну а восточные европейцы ввели в обиход простое, но исключи-

тельно вкусное куриное рагу: морковь, горошек, лук и яблоки служат прекрасным дополнением к курице.

Яблоки можно запекать в кляре и слоеном тесте, фаршировать сладкими и мясными начинками. Яблоки – основа многочисленных суфле, пудингов, запеканок и шарлоток. Во многих странах мира блюда с яблоками – украшение стола. Традиционный яблочный пай – гордость американской кухни, так же как яблочный сидр – французской.

На Руси из яблок умельцы готовили даже сыр. Так называлось традиционное блюдо, рецепт которого предполагает, что кислые яблоки в горшке долго томят в печи, затем протирают с медом и варят, а потом к получившейся массе добавляют цукаты, гвоздику, имбирь, перец и два дня выдерживают под прессом.

Яблоки помогают улучшить вкус многих блюд: кусочки яблок делают вкуснее квашеную капусту, моченую бруснику или клюкву. Главное – знать, какие сорта для чего использовать. Летние яблоки – белый налив, мелба – отличает неповторимый аромат, нежная мягкость и сладкий вкус, однако они быстро портятся и совершенно не годятся к длительному хранению. Яблоки ранних сортов лучше есть сразу после сбора. Из них получается вкусный сок.

Для длительного хранения подходят осенние и зимние сорта: антоновка, богатырь, кутузовец, синап, слава победителю. Из них же готовят и всевозможные яблочные запасы в виде варенья, джема и пюре.

Варить варенье лучше из сладких яблок, например из коричневого полосатого и коричневого ананасного, а для приготовления моченых яблок лучше взять антоновку. Ароматная мякоть антоновки хороша для начинки пирогов из дрожжевого и песочного теста. Также для мочения подходят поздние сорта яблок с плотной мякотью: анис, «бабушкино», славянка, пепин шафранный, росошанское полосатое.

ЧУДО-ЛЕКАРЬ

Яблоко не зря называют райским плодом, его чудесные качества были отмечены еще в Библии, а затем нашли многочисленные подтверждения со стороны науки. Причем яблоко полезно все целиком – от кожуры до семечек.

БЕЛОЗУБАЯ УЛЫБКА

Вопреки распространенному убеждению, яблоки не чистят зубы, однако в процессе надкусывания и пережевывания яблока усиливается выделение слюны, в результате чего уменьшается количество болезнетворных бактерий в ротовой полости.

ТОНУС ДЛЯ МОЗГА

Если вы хотите до преклонных лет сохранить твердую память и трезвый ум, каждый день съедайте хотя бы одно яблоко. Ученые выяснили, что мощный антиоксидант кверцетин, содержащийся в основном

в яблочной кожуре, гораздо эффективнее витамина С защищает клетки мозга от окислительных процессов, которые лежат в основе старения мозга.

ЗАЩИТА ОТ РАКА

Исследователи Корнеллского университета обнаружили в яблочной кожуре ряд веществ, относящихся к группе тритерпеноидов, которые препятствуют возникновению и размножению раковых клеток в печени, толстом кишечнике и молочной железе.

ЗДОРОВОЕ СЕРДЦЕ

У людей, употребляющих в пищу яблоки и яблочный сок, на 27% меньше вероятность развития метаболического синдрома. За этим названием скрывается целый букет патологий, которые увеличивают риск сердечно-сосудистых заболеваний и сахарного диабета. Кроме того, у любителей яблок и фигур стройнее, и артериальное давление ниже.

*Американские ученые уверены:
ВИНО И ШОКОЛАД ЛЕЧАТ РАК*

Универсального лекарства от рака пока не создали. Но на днях на конференции TED (это мероприятие проводится раз в год в США исключительно для озвучивания уникальных идей) глава Фонда ангиогенеза Вильям Ли заявил, что с опухолями можно бороться... правильной диетой.

– Мы составили рейтинг продуктов согласно их онкотерапевтическим свойствам, – сказал мистер Ли. – То, что мы едим каждый день, и есть самая эффективная химиотерапия.

Список ученые Фонда ангиогенеза (в переводе ангиогенез означает «рост сосудов») составляли много лет, опираясь на целый ряд исследований по поиску «противораковых продуктов». Большинство из них содержит вещества, которые нарушают кровоснабжение опухоли. И тем самым разрушают ее. Сейчас есть около 10 лекарственных препаратов, которые лечат по тому же принципу – обескровливая опухоль (это называется антиангиогенная терапия).

– Мы обнаружили, что в природе большое число продуктов способно выполнять функцию антиангиогенеза, – добавил Вильям Ли. – Для многих людей диетическое лечение опухолей может стать единственным решением, ведь лекарства стоят дорого и не все могут их себе позволить. Если мы правы, то это революция в мировой медицине. Все должно измениться: и представление о правильном питании, и просвещение потребителей, даже система страхования!

В качестве примера ученый привел исследования специалистов Гарвардской школы медицины. Те доказали, что употребление в пищу вареных томатов несколько раз в неделю снижает вероятность появления рака простаты на 30–50%. Между прочим, это самые невкусные из противораковых продуктов.

В список также вошли:

горький шоколад;	красный виноград;
красное вино;	косточковые (абрикосы,
чеснок;	персики, вишня, черешня);
черника;	соя;
зеленый чай;	манго;
петрушка;	фисташки.

Особенно эффективно употреблять не какой-то один продукт, а все в комплексе.

Кроме того, оказалось, что еда из этого списка еще и с лишним весом борется. Причем по тому же принципу, что и с раком. Продукты уменьшают запасы жировой клетчатки, «лишняя» ее полноценного кровоснабжения. Правда, пока данный эксперимент провели только на мышах, генетически расположенных к полноте. При диете, включающей указанные продукты, они теряли в весе.

Конечно, громкое заявление ученых требует проверки. И врачи продолжают лечить рак по старинке. Но если диета на самом деле может спасти от опухолей, значит, она станет и профилактикой страшной болезни.

Материал подготовила О. Малюга

В номере:

Книжные новинки	2
Наши юбиляры. Валентин Кузьмин. Под знаком Девы. Глава из романа	3
Зухра Гулиева. Цветок балкарской поэзии. <i>Статья</i>	26
Борис Мазихов. Что возьмем с собой. <i>Рассказ</i>	30
Мурадин Ольмезов. <i>Стихи</i>	34
Борис Гаунов. Дыхание Кичмалки. <i>Рассказ</i>	41
Ануар Кучинаев. Поэма скорби.	45
Современная Гуманитарная Академия	51
Барасби Карамурзов, Хазратали Хоконов, Борис Алчагиров, Райком Дадашев. Кабардино-Балкарский и Чеченский Государственные университеты: сотрудничество в области физической науки и подготовки научно-педагогических кадров. <i>Статья</i>	56
Лариса Алоева. Незаходящее солнце Инны Кашежевой. <i>Очерк</i>	62
Петр Чекалов. Вечевой колокол. <i>Рецензия</i>	68
Людмила Шауцукова. Еще раз о дороге, которая ведет не только домой. <i>Рецензия</i>	75
Лаура Элекуева. О художественно-эстетических особенностях романа З. Толгурова «Белое платье»	78
Наши юбиляры. Петр Хатуев. <i>Стихи</i>	81
История в лицах. О Наковой Елене Николаевне. <i>Очерк</i>	85
Жанна Кандорова. Дорога к вершинам Хачима Машукова. <i>Очерк</i>	88
Здесь сохраняют здоровье. <i>Статья</i>	93
Страницы памяти. К 70-летию композитора Аслана Даурова. <i>Очерки</i>	97
Рустам Абдурашидов. <i>Стихи</i>	101
Рубен Ошроев. Михаил Хамзетович Герандоков. <i>Биографический очерк</i>	105
Марьяна Кочесокова. <i>Стихи</i>	107
Кашиф Унежев. Снайпер, который однажды «промахнулся». <i>Очерк</i>	111
О Гергоковых. <i>Фотоочерк</i>	114
Мусаби Шхануков. Отважный партизан. <i>Очерк</i>	117
Мадина Буранова. Вести из КБГУ. Юбилейные встречи	119
Людмила Маремкулова. Естество и мастерство Бориса Кажарова. <i>Очерк</i>	125
Фатима Дудар. Ему подчиняется все. <i>Очерк</i>	129
Фатима Урусбиева. Меж мирами. <i>Очерк</i>	133
Гульфия Базиева. «Книга отца» Сулеймана Бабаева. <i>Очерк</i>	137
Аслан Беев. Использование художественных произведений XIX в. как источников по историографии, общественного строя традиционной Кабарды. <i>Статья</i>	141
Дина Бейтуганова, Людмила Шауцукова. Африканское искусство как духовное ядро модернизма. <i>Статья</i>	143
Тарзан Кочесоков. Из истории удобрения кукурузы в КБР. <i>Статья</i>	147
Эдуард Бурда. Клад. <i>Рассказ</i>	151
Виктор Дулаев. Юлиус. <i>Рассказ</i>	153
Ирина Вольская. Высшая ответственность. <i>Очерк</i>	156
Хасани. <i>Стихи</i>	161
Жанна Тхазеплова. Трансформация этнических культур региона в условиях глобализации. <i>Статья</i>	168
Красота. Здоровье. Жизнь	172

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
«Кубанское управление Россвязьохранкультуры»
ПИ № ФС 14-0743 от 20.08.07 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.07.10. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 11.

Тираж 2100 экз. Заказ № 96. Свободная цена

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением копии на электронном носителе и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, Сбернижка «Сбербанк РФ», номер контактного телефона), а также - при одобрении редакцией произведения – составляется двухсторонний договор и акт приема-передачи.
